

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Culture of the USSR
Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(серия 1-я)

Ю. ВАЛЕНСКИЙ

**Академик Е. А. Косминский и вопросы
интерпретации истории Средних веков
в советской школе**

М ю н х е н
1 9 5 4

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Culture of the USSR
Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

Ю. ВАЛЕНСКИЙ

**Академик Е. А. Косминский и вопросы
интерпретации истории Средних веков
в советской школе**

М ю н х е н
1 9 5 4

Все права сохраняются
Alle Rechte vorbehalten

Отпечатано в типографии ЕДИНЕНИЕ
Druck: Buchdruckerei EINHEIT, München 56, Hofangerstr, 73

I

История средневековой Европы, Византии и феодального Востока занимает теперь чрезвычайно важное место в общей системе высшего и среднего исторического образования в СССР. Высокая политическая актуальность «марксистско-ленинской» медиевистики, признанная еще в предвоенные годы, но целиком осознанная в годы послевоенных успехов коммунизма, побуждает советских историков Средневековья к постоянному пересмотру своих, даже недавних, исследований и общих курсов и заставляет их вносить в эти работы все новые акценты и оценки соответственно последним требованиям партии, задачам правительства и текущему внутреннему и, особенно, внешнеполитическому положению СССР. В наиболее простом и ясном виде советская интерпретация истории Средних веков, как она была разработана около 1950 г., дана в третьем издании учебника акад. Е. А. Косминского для средней школы ¹⁾. Эта книга, по замыслу автора, должна была представлять собой законченный сталинский тип учебного руководства для массовой школы в его ждановской редакции. Нет более в живых ни обожествленного героя, «корифея наук», ни его оруженосца, одного из величайших террористов в истории культуры и мысли. Имена того и другого не слишком часто повторяются в современной партийной прессе, и самый культ героев временно предан осуждению. Уже по одной этой причине учебник Косминского несомненно вскоре подвергнется очередной переработке, тенденции какой нетрудно предвидеть. Но во всяком случае нынешнее издание книги Косминского займет видное место в летописи учебного отдела русской медиевистики.

Читателя, прежде всего, не может не интересовать ученая личность автора, имеющего исключительное значение в развитии исследования и преподавания истории Средних веков в Советском Союзе. Евгений Алексеевич Косминский, родившийся в 1886 г., окончил в 1910 г. Московский Университет, как один из лучших учеников А. Н. Савина и

¹⁾ Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков — учебник для 6-7 классов средней школы, утвержден Министерством Просвещения РСФСР, 3 изд., Учпедгиз, Москва, 1951.

Д. М. Петрушевского²). Соединенное влияние этих знаменитых медиевистов сообщило богато одаренному молодому историку оба качества, необходимые для ученого: овладение методикой детального исследования и способность к теоретическим обобщениям, основанным на тщательном изучении категорий научно-исторического синтеза. Уже в положении приват-доцента родного Университета будущий академик стяжал себе широкую известность, как компетентный специалист по аграрной истории средневековой Англии, в особенности эпохи расцвета манориального строя (XIII в.). Советское академическое руководство усиленно привлекало Косминского к марксизму и ленинской выучке, поручив ему, кроме кафедры истории Средних веков в Университете (взамен ушедшего Д. М. Петрушевского), и весьма ответственное преподавание в Институте Красной Профессуры. Но в первом пятилетии нового режима (1918-1922) идейное и методологическое перевооружение проф. Косминского еще не обнаруживалось с достаточной ясностью как в силу неразработанности в то время самого ленинизма, так и вследствие продолжавшегося влияния на Косминского со стороны старой московской профессуры и, в особенности, проф. Д. М. Петрушевского. Позднее, в годы деятельности РАНИОН³) (1923-1930), проф. Косминский стоял на двойственной позиции: выступая в Институте Истории этой Ассоциации, директором которого был Д. М. Петрушевский, с докладами и печатными работами в строгом стиле академического исследования, он, как университетский преподаватель, успешно овладевал теперь уже более выяснившейся «марксистско-ленинской методологией» и осуждал с кафедры ту именно объективную работу историка, которую он сам вел в своем ученом кабинете и в прессе РАНИОН. М. Н. Покровский видел эволюцию проф. Косминского, относился к нему поощрительно и, следуя своей обычной тактике, стремился восстановить его против учителя — Д. М. Петрушевского — и других историков, сторонников объективного стиля в науке. В 1927 г. проф. Косминский издал составленное им совместно с А. Д. Удальцовым двухтомное собрание памятников под титулом «Социальная история Средних веков», нашедшее себе широкое применение в семинарских занятиях со студентами, уже не учившимися латинскому языку в средней школе и не имевшими

2) Через А. Н. Савина научная генеалогия Е. А. Косминского восходит к П. Г. Виноградову, а через Д. М. Петрушевского — к И. В. Лучицкому. Таким образом в Косминском встретились традиции двух школ русской медиевистики. Замечание проф. М. М. Карповича об учителях Косминского как об «учениках Виноградова» в отличие от Ардашева и Тарле, — «учеников Лучицкого» — требует ограничения: Д. М. Петрушевский никогда не был учеником Виноградова и представляет собою иную научную линию, ряд исходных моментов которой восходит к знаменитому киевскому историку Ср. М. М. Карпович — М. И. Ростовцев и А. А. Васильев. «Новый журнал», XXXIV, Нью-Йорк, 1953, стр. 289.

3) Российская Ассоциация Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук.

возможности читать источники в подлинных текстах. Тяжелые годы, наступившие после разгрома РАНИОН, и прекращения нормального университетского преподавания Всеобщей истории, годы беспощадного преследования историков, общего террора и «развернутого наступления социализма по всему фронту» (1930-1934), были решающими в научной и общественной карьере проф. Косминского: он стал теперь одним из историков, наиболее близких к коммунистической партии, и весьма активным представителем «марксистско-ленинской», строго официальной научной среды. Чрезвычайно показательно однако, что и в эти годы он не издал ни одного из своих больших специальных исследований, над которыми работал более 20 лет. Некоторые фрагменты этих исследований появились на английском языке в *Economic Historical Review* (кн. I, III и V) за 1933 г., чем была продолжена (и почти исчерпана) практика методологической раздвоенности, типичной для предшествовавшего периода ученой биографии Е. А. Косминского. Только в 1935 г., после осуждения «школы Покровского», восстановления исторических факультетов и преподавания Всеобщей истории, как таковой, вышла в свет монография проф. Косминского «Английская деревня в XIII в.». Это была попытка построить — на обширном конкретном материале — историю развития и разложения манора, в его организационных и локальных разновидностях, на основе марксовой, данной в XLVII главе III т. «Капитала», теории последовательной смены видов средневековой земельной ренты. Книга Косминского, бывшая одним из первых по существу опытов марксистского исторического исследования в СССР, открыла автору путь к занятию руководящего положения среди советских медиевистов: в 1936 г. при открытии Института Истории Академии Наук СССР акад. Косминский был назначен на пост заведывающего сектором истории Средних веков.

С этого времени начинается наиболее напряженная деятельность академика Косминского, как организатора научной работы и руководителя преподаванием истории Средних веков в СССР. В 1938 г. под его редакцией и с его главным участием был составлен и издан университетский учебник «История Средних веков», переизданный затем в 1941 г. В 1939 г. появился, также при руководящем участии Косминского, сборник статей «Против фашистской фальсификации истории» — первое коллективное выступление русских ученых против гитлеризма в исторической науке. В 1942 г. был издан по настоянию и под редакцией Косминского I том публикации Института Истории Академии Наук СССР «Средние века», встретившей в дальнейшем значительные затруднения и не превратившейся, как на то надеялись специалисты, в постоянный периодический орган советской медиевистики. Только в 1946 году был опубликован II том «Средних веков», посвященный памяти скончавшегося в предыдущем году акад. Д. М. Петрушевского, и в 1951 г. (вновь через пять лет) — III том этого важного издания. Почти одновременно со II томом «Средних веков» появился

в 1947 г. главный научный труд акад. Е. А. Косминского — «Исследования по аграрной истории Англии в XIII в.» (прибл. 500 стр. текста). Эта работа, некоторые главы которой построены, повидимому, на значительно более ранних этюдах автора, является во многих отношениях продолжением исследования, начатого монографией 1935 г., но новая книга акад. Косминского богаче своей предшественницы со стороны изученного материала и выше по строгости и новизне исследовательской методики и техники. Вместе с тем она написана ученым, вполне овладевшим марксизмом-ленинизмом в сталинской интерпретации и, повидимому, ожесточенным противником западно-европейской и дореволюционной русской «буржуазной» науки. Впрочем в последнем отношении акад. Косминский едва ли оказался безупречным, так как последовавшее в год издания его работы выступление Жданова, по своим требованиям, превзошло все, что могли представить советские историки в подтверждение своей ортодоксии. К полному разрыву с объективной наукой и к превращению истории в средство пропаганды, т. е. к фактическому возвращению к традициям Покровского или даже к усвоению еще более антинаучной практики руководителя советской медиевистики не был способен: в его последней книге «буржуазные» ученые выступают не только как объект критики, но и как научные предшественники автора.

В дальнейшем давление ждановской реакции на акад. Косминского все более усиливалось. У него теперь уже не было возможности занимать двойственную позицию времен РАНИОН. От Косминского, как и от Грекова и всякого другого руководителя советской исторической науки, требовали перестройки всей находящейся в его компетенции области научного знания в СССР, решительного устранения тех разрозненных, но значительных элементов объективности и научной преемственности, которые обнаруживались в советской медиевистике в военные годы — годы коммунистического маневрирования и вынужденного союза с демократиями Запада.

Нельзя отрицать того, что акад. Косминский сделал очень многое, чтобы удовлетворить требованиям сталинско-ждановского ареопага. Так, мы видим его в роли официального прокурора в судилищах над свободной мыслью историков, например, в дискуссии о трудах известного специалиста по истории Франции XVII в. профессора Ленинградского Университета Б. Ф. Поршнева в Институте Истории АН в январе 1951 г.⁴).

Состоя главным редактором вышеупомянутых академических сборников «Средние века», Е. А. Косминский контролирует в сталинско-ждановском духе все научные работы, посвященные западно-европейскому Средневековью и предназначенные к публикации в изда-

⁴ См. «Вопросы истории» за 1951 и 1952 гг., также статью акад. Косминского о трудах проф. Поршнева в Известиях Академии Наук СССР, серия История и Философия, т. VIII, № 2, 1951 г.

ниях Академии Наук. В предисловии к III тому «Средних веков» (1952) он дает советским медиевистам всех специальностей строгие директивы, вытекающие из указаний Сталина в его работе «Марксизм и вопросы языкознания». При этом имеются в виду и византинисты. С 1947 г. акад. Косминский является ответственным редактором восстановленного в этом году на совершенно новых началах академического журнала «Византийский Временник» и стоит на страже партийной линии в данной, еще недавно наиболее чуждой ленинизму и сталинизму части медиевистики.

Став в военные годы членом коммунистической партии, Е. А. Косминский облечен в византологию — хотя он ею никогда специально не занимался — правами верховного руководителя и цензора. После ждановского выступления советские византинисты в особенности подвержены беспощадной критике и жестоким порицаниям. Многие из них были обвинены в том, что «забыли ленинско-сталинский принцип партийности исторической науки и потому оказались в плену объективизма». Во главе этой дискриминации византологов стоял — по положению — именно акад. Косминский, и лично затронутый кампанией «самокритики»⁵).

Другим показателем продолжающегося господства режима, созданного ждановщиною в советской медиевистике, и вынужденного служения акад. Косминского этому режиму было новое издание I тома, «Истории Средних веков» для высших школ СССР, появившееся в 1952 г. под редакцией акад. Косминского и проф. С. Д. Сказкина. Это — по существу совершенно новая книга, мало похожая на издания 1938 и 1941 гг. Она составлена уже с учетом директив Сталина в его статьях «Марксизм и вопросы языкознания». Подавляющее большинство глав нового руководства для студентов-историков написано Е. А. Косминским единолично или в сотрудничестве с другими авторами, многие из которых были его учениками. Введение к курсу, написанное совместно обоими редакторами, является декларацией ждановского направления советской медиевистики. «История средневековья, — читаем мы здесь, — является полем ожесточенной борьбы между «учеными» — идеологами реакционного империализма — и прогрессивными учеными, — носителями идей марксизма-ленинизма, в первых рядах которых стоят советские ученые. Подлинное научное ознакомление с историей средних веков учит нас ненавидеть и разоблачать эксплуататоров и их защитников из лагеря империалистической реакции, в какие бы маски они ни рядились»⁶). Столь вульгарное воззрение, пытающееся отри-

⁵) См. Отчет группы по истории Византии при Институте Истории А. Н. СССР за 1948--1949 гг., «Византийский Временник», т. IV, 1951 г., стр. 263-277, особ. стр. 271-273.

⁶) История Средних веков, т. I, под редакцией акад. Е. А. Косминского и члена-корреспондента Академии Наук СССР С. Д. Сказкина. Гос. Изд. политической литературы, 1952 г. Институт Истории Академии Наук СССР и Исторический факультет Московского Гос. университета им. М. В. Ломоносова.

цать принцип объективного научного исследования, совсем не к лицу ни акад. Косминскому, ни проф. Сказкину. Как бы далеко ни шел их марксистско-ленинский боевой задор, для всякого, знакомого с научной деятельностью этих маститых медиевистов, ясно, что их неумеренная политическая воинственность есть только следствие приказа свыше и неизбежное при современных условиях средство самосохранения.

К этим же усилиям акад. Косминского сохранить свое с громадным трудом и риском завоеванное положение главы советских медиевистов относится и занимающее нас 3-е издание учебника для средней школы. Оно так же отличается от двух предыдущих, как новое университетское руководство от его первых опытов.

Первое издание элементарного учебника Косминского относится еще к 30-м годам. Оно было полезной реакцией на опустошительное действие в средней школе антиисторического направления Покровского и имело целью восстановить — в марксистской переработке — традицию русской учебно-исторической литературы. Проф. Косминский, занимающий кафедру Виноградова и Виппера, авторов классических руководств по Всеобщей истории, был — и в силу преемственности, и вследствие значения, какое придается в СССР учебникам и работе над ними — призван к разрешению этой ответственной задачи и упорно трудился над выполнением данного поручения. Большинство фактов Средневековой истории, приводившихся обычно в лучших старых учебниках, нашло свое место и на страницах советского руководства. Социологические формулы и революционно-исторические обобщения или сопоставления, при всей их — и тогда значительной — навязчивости и тенденциозности, не вытесняли, в слишком больших размерах, конкретных сообщений, описаний и рассказов и не казались искусственно привязанными к «фактическому материалу». После выступления Жданова в 1947 г. структура и содержание руководства Косминского претерпели резкое изменение. Мы имеем теперь пред собою отточенное оружие воинствующего в медиевистике коммунизма. Ознакомление с этим произведением акад. Косминского полезно в различных отношениях. Важно видеть, какая сумма знаний, в каком расположении и освещении предлагается к усвоению советским школьникам, каким должен быть образовательный, воспитательный и политический эффект учебного курса, в основу которого положено изучение данного пособия. Но нельзя игнорировать и общетеоретическое значение учебника акад. Косминского. В советском мире между историческим учебником для средней школы и, напр., университетским руководством по той же дисциплине не может быть ни малейшего различия в точках зрения, оценках и суждениях. И вследствие необходимости писать для учащихся массовой школы в наиболее определенной, краткой и общедоступной форме акад. Косминский именно в этой работе дает читателю возможность первоначального ознакомления с действительным положением на поле его «ожесточенной битвы» как

со средневековыми эксплуататорами, так и с современными «империалистическими» учеными.

Внимательное чтение школьного руководства может дать предварительную подготовку к последующему изучению современной советской медиевистики как университетской дисциплины и системы научного исследования.

В рассматриваемом учебнике «битва» разыгрывается в нескольких основных аспектах: понимания и применения основных познавательных категорий медиевистики; объема и построения курса истории Средних веков; подбора фактов и их интерпретации; педагогического искусства и воспитательного действия учебника на учащихся; методического мастерства и общего эффекта усвоения данной дисциплины советскими школьниками и стремящимися к самообразованию читателями. Все эти аспекты подчинены одному политическому устремлению или тенденции, несравненно более навязчивой и острой, чем то имело место в социологических схемах учебных пособий времен Покровского.

На разработку этой тенденции и проникнутого ею текста учебника акад. Косминским положено очень много упорного труда. В книге продумано каждое слово; мысль — как это может показаться массовому читателю — обычно выражена точно и положительно. Включен ряд новых для русских учебников Средневековой истории моментов из истории России и стран Дальнего Востока, подчиненных общему замыслу автора. Об ошибках фактологического порядка в работе такого высокого ученого, каким является Е. А. Косминский, не может быть речи — за ничтожными исключениями, относящимися, главным образом, к редакционным недосмотрам. Книга в целом составляет, повидимому, монумент сталинской учебной литературы, проникнутый цельной системой идей и установок, на службу которым поставлены все факты и все частности изложения.

И тем не менее читатель, компетентный в истории советской медиевистики, замечает, что данный монумент, плод громадного труда и долговременного опыта, не монолитен: он — а с ним вместе и все преподавание истории Средних веков в советской школе — обнаруживает явные черты эклектизма и неуверенности. Со стороны подбора материала, оценок и выводов акад. Косминский в большинстве случаев сумел довести сталинско-ждановские директивы 1946-1947 гг. до их законченного, адекватного выражения, что и сообщает его руководству видимость идеологического и политического единства. Но в ряде моментов автор остается связанным условиями научной и учебной традиции, устранить которые в полной мере он не решился, сохраняя, быть может, надежду избежать окончательной капитуляции перед начальными, гетерогенными науке или образовательным задачам школы. В других случаях построения нашего автора связаны уже установленными в советской официальной историографии положениями и формулировками, в разработке которых сам акад. Косминский принимал деятельное или даже руководящее участие, но которые в их развитии

или по возможным из них выводам мало совместимы с доведенными в настоящее время до нас *plus ultra* тенденциями агрессивного коммунизма в сфере учебной литературы по истории Средних веков. Ряд установок Косминского в такой мере противоречит бесспорным фактам исторической действительности, логике изложения, требованиям здравого смысла и моральному сознанию учащихся и взрослых читателей, что производит внутреннее отталкивание от учебника. Встречаются случаи, когда положения Косминского не только не совпадают с указаниями Маркса и Энгельса, но отклоняются и от замечаний Ленина. Наконец, бросается в глаза резкая противоположность между освещением истории западно-европейского Средневековья и соответствующих эпох истории славянских народов и, особенно, России.

При таких условиях победа главы советских медиевистов над средневековыми эксплуататорами и их защитниками — «буржуазными» учеными — оказывается, в рамках элементарной истории, далеко не бесспорной.

II.

Исходные понятия медиевистики разъясняются советским читателям прежде всего в начальной главе учебника, носящей наименование «Западная Римская империя и варвары». По словам акад. Косминского, история Средних веков, открывающаяся падением Западной Римской империи, есть «второй» после древнего мира «большой период в истории человечества», именно период господства «феодального строя». «Этот период называется средними веками, потому что он лежит посередине между древним миром и новым временем». «Такой строй, при котором вся земля и власть принадлежат крупным землевладельцам, а основную массу трудящихся составляют уже не рабы, а крепостные крестьяне, называется феодальным или феодально-крепостническим. Крупные землевладельцы, эксплуатирующие крепостных крестьян, называются феодалами»⁷⁾.

В этих определениях сознанию советских школьников противостоит целая система историко-социологических уравнений, решение которой оказывается далеко не легким делом.

Действительно, согласны ли учащиеся VI класса с тем, что «феодальный строй», начавшийся, по Косминскому, в V в. н. э., является «вторым большим периодом в истории человечества»? Человеческое общество возникло, как разъяснялось еще в V классе, не менее 500 тысяч лет ранее нашего времени и с тех пор пережило целый ряд «больших периодов» своего социального и культурного развития. Объединить, например, «гейдельбергского человека» и афинянина времен Перикла в рамках «одного большого периода» «древней истории» едва ли удастся и акад. Косминскому, какой бы критерий ни был взят за основу периодизации. Во всяком случае вышеприведенное утверждение невозможно для советского историка. Оно может иметь смысл и

7) Акад. Е. А. Косминский. «История средних веков», стр. 3, 8.

место только в «буржуазной» литературе, где дописьменный период любой страны относится к «доистории». При таком воззрении «Древняя история» человечества начинается с древне-восточными цивилизациями и охватывает в общем время, едва ли превышающее 4 тысячелетия. Но и данная схема не обеспечила бы утверждаемого Е. А. Косминским внутреннего единства исторического процесса, предшествующего падению Западно-Римской империи: история Древнего Востока по целому ряду ее конструктивных признаков резко отличается от истории античного Запада. Притом предшествовавшее Средним векам развитие вовсе не было идентичным или равномерным в различных населенных частях земной поверхности, и события III-V вв. в Западной Европе нельзя признать «директивными» или просто типическими для территорий европейского Востока, Азии или Южной Африки, не говоря уже о совершенно неизвестных античному миру Америке и Австралии. «Человечество», о котором говорит Косминский, есть в сущности население средиземноморских стран, охваченных былыми границами Римской империи. Не делая этой оговорки, акад. Косминский — неожиданно для его читателей — оказывается в плену действительно отсталой, реакционной и, в конце концов, расистской историографии. Кроме того: определяя судьбы всего мира в зависимости от падения старой власти только в западных провинциях Римской империи — в то время как экономический и политический центр тяжести этой империи уже давно находился в Новом Риме — акад. Косминский уступает поле своей «ожесточенной битвы» поклонникам именно западноевропейской цивилизации.

Неменьшее значение имеет устанавливаемое акад. Косминским расширенное понимание термина «Средние века» в смысле эпохи всемирно-исторического торжества феодальных, или — что, по Косминскому, одно и то же — крепостнических отношений. Самое выражение «Средние века» было осуждено и исключено из употребления в годы Покровского, как основанное на идеалистическом понимании истории, но восстановлено, как обозначение эпохи господства крепостнического строя, в «Замечаниях» Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника Новой истории, написанных в 1934 и опубликованных в 1936 г. С тех пор такое понимание данного выражения является аксиоматическим для советских историков. Но в «Замечаниях» понятие Средневековой истории еще не было принципиально расширено на народы всего мира и применялось только к европейскому процессу развития. Именно акад. Косминский распространяет это понятие на все классовые общества мира V-XVII вв. При этом Средневековая история трактуется как история феодального общества, а это последнее отождествляется с обществом крепостническим. Выражения «Средние века», «эпоха феодализма» и «период крепостничества» даются как по существу синонимические. Воспитание таких упрощенных представлений закрывает путь к пониманию учащимися действительного происхождения термина «Средние века» и истории постепенной трансформации его смысла. То же относится и к термину «феодализм», каковой

вовсе не в силу злокозненных ухищрений «реакционных буржуазных ученых»⁸⁾, а по своему происхождению и этимологическому значению принадлежит к истории государственного права и означает первоначально только ленную систему, развившуюся в империи Каролингов и процветавшую в Высоком Средневековьи в Западной Европе (XII–XIII вв.). Известно, с какими трудностями сталкивается исследователь, выясняющий возможность применения этого термина даже к таким, казалось бы, близким к западно-европейской ленной системе явлениям, как привилегированное землевладение вольных слуг в русских удельных княжествах XIV–XV вв. или поместный строй централизованного Московского государства XVI–XVII столетий. Сам Ленин избегал высказываться по вопросу о том, существовал ли в России феодализм и можно ли назвать феодализмом поместную систему. Он не брал на себя решения этой проблемы: совершенно ясно, что Ленин — юрист по образованию — вовсе не отождествлял феодализма с крепостническими отношениями, структуру которых — по крайней мере для России — он внимательно изучал и многократно описывал. В первый период своей литературной деятельности Ленин называл докапиталистический средневековый строй в России в его целом не феодализмом, а «крепостным общественным порядком»⁹⁾. Предложенный Плехановым термин «феодално-ремесленный период» он признавал выражением, которое «наименее применимо к России, ибо применимость к нашим средним векам термина «феодализм» оспаривается»¹⁰⁾. Своему словоупотреблению Ленин остался верен и впоследствии. Всестороннее исследование проблемы русского феодализма и ученые споры по данному вопросу в начале нашего столетия не изменили его позиции. В «Лекции о государстве» (1919 г.) — в этом тщательно подготовленном и наиболее ответственном своем выступлении по вопросу об исторических формациях общества и государства — Ленин называет вторую стадию классового общества «крепостным правом», «крепостным обществом», «крепостничеством», «крепостным периодом», а соответствующую государственную форму — «крепостным» или «крепостническим» государством¹¹⁾. Он во всей этой работе ни разу не говорит о «феодализме», повидимому, полагая, что феодализм есть государственнo-юридическая категория западно-европейской Средневековой истории и что эта категория не может быть распространяема безоговорочно, в своем точном смысле, на другие крепостнические общества и на крепостническую формацию в целом. Едва ли и у К. Маркса и Ф. Энгельса можно было бы найти то смешение терминов и понятий,

8) Сравн. эти обвинения в учебнике для высшей школы: История Средних веков, т. под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, 1951, стр. 13–14.

9) В. И. Ленин. Соч., 3 изд., т. V, стр. 12, 33 и др.

10) Там же, стр. 24 — «Замечания на второй проект программы Плеханова». В другом случае Ленин подчеркивает наличие «феодалного» общества на средневековом Западе и «крепостного» общества в России. Там же, 92 — «Аграрная программа русской социал-демократии».

11) В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, 29 т., стр. 433–451, особ. 438–446.

на котором настаивает акад. Косминский: феодальные отношения для них были прежде всего отношениями внутриклассовыми, организацией господствующего класса Западной Европы в Средние века¹²). Терминология акад. Косминского вызывает и другое возражение: построенная на основе тоталитаристического понимания феодально-крепостнической формации общества, она заставляет учащихся видеть в крепостничестве специфическое и неповторимое содержание средневековой социальной истории. Но даже из элементарных школьных курсов V-VI и старших классов явствует, что отношения крестьянской зависимости в разных вариациях, в частности и в виде крепостничества, встречаются уже в древнем мире, как азиатском, так и античном, буквально на каждом шагу; они налицо во многих странах и в Новой истории — в России вплоть до 1861 г. С другой стороны, в западно-европейском, как и всяком другом Средневековьи всегда существовали, наряду с зависимыми или закрепощенными массами крестьянства, обширные слои и группы свободного крестьянского населения.

Схематическая конструкция акад. Косминского имеет для себя основание в развитии не столько марксистской, сколько «буржуазной» исторической концепции. Термины «Средние века» и «феодализм» с конца XIX в. подвергались многократному переосмыслению. Происходя из характеристик, относящихся к западно-европейскому прошлому, они, с прогрессом сравнительно-исторического исследования, особенно в «социологической школе» историков, приобрели расширенное значение и стали, по аналогии, применяться и к русской истории, и к истории Ближнего, наконец, — Дальнего Востока. Вместе с тем изменялось в научном представлении и самое содержание этих терминов: П. Г. Виноградов считал возможным говорить о «социальном феодализме» наряду с «политическим», включая в понятие социального феодализма средневековую крестьянскую зависимость и крепостничество. Еще далее пошли в этом направлении историки-социологи типа Н. А. Рожкова. Но «буржуазные» историки были склонны усматривать отношения социального и политического феодализма в различных странах в различные эпохи, говоря, напр., о древне-египетском или ранне-греческом феодализме. Советские историки, отбросив «циклические теории», воспользовались категорией социального феодализма для закрепления понятия о феодальной общественно-экономической формации, господствовавшей в строго определенном хронологическом периоде в различ-

12) Ср., К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. IV; стр. 64: «Феодализм вообще был принесен в готовом виде из Германии (в Англию—Ю. В.); его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая лишь после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм». Если Маркс говорил позднее о «феодальном способе производства», т. е. о системе производственных отношений, во главе которой стояли феодалы, то он не имел при этом в виду ни России, ни стран Востока. На Востоке он всегда констатировал — и далеко не только для древности — господство «азиатского способа производства».

ных странах мира и частях света и имевшей в качестве своего базиса крепостнические производственные отношения, а в качестве политической надстройки — варварское королевство в I-ом периоде Средневековья, феодальную иерархию с монархом во главе во втором и централизованную «феодальную монархию» в третьем периоде. Эту схему в настоящее время и разрабатывает прежде всего акад. Косминский, причем он с такой настойчивостью подчеркивает термин «феодальная» в его применении к общему понятию крепостнической формации, что в определении последней признак, повидимому, чисто политический, способен закрыть собою социальную и экономическую основу. Никто не обязан трактовать слово «феодализм» в его произвольно установленном переносном значении. С точки зрения целей, стоящих перед Е. А. Косминским, было бы, повидимому, несравненно полезнее называть средневековую формацию общества — по аналогии с рабовладельческой — крепостным строем, а феодализм мыслить в качестве политического атрибута этого строя на определенном этапе его развития, условно придавая феодализму не только собственное значение ленной системы, а наряду с тем — более широкий смысл средневековой политической организации класса землевладельцев с их иерархическим соподчинением, территориальной раздробленностью государственной власти, условностью землевладения и другими чертами, давно установленными в исторической науке. Постепенное усиление центральной государственной власти и переход к сословной и затем к абсолютной монархии был бы понят учащимися как переход к более прогрессивной стадии государственного развития в условиях роста денежного хозяйства и начавшегося разложения крепостнической формации общества. На путях подобного рода интерпретации акад. Косминский мог бы пытаться достигнуть соединения бесспорных итогов исследования с основанной на последних социологической концепцией. Он однако предпочитает произвольно толковать научные термины и усложнять понятие феодализма массивным социально-экономическим грузом, тяжести которого данное понятие нести не может без ущерба для интересов исторического образования советского читателя.

Акад. Косминский называет «феодализмом» нечто, не только не тождественное с действительной феодальной структурой западно-европейского Средневековья, но исторически небывалое и невозможное: «вся земля и власть» никогда и нигде не принадлежали «крупным землевладельцам, эксплуатирующим крепостных крестьян». Землевладение и властвование европейских феодалов не были ни безусловными, ни безграничными.

Ненадежно, наконец, и определение «феодала» по Е. А. Косминскому. В своих вводных указаниях он называет «феодалами» крупных землевладельцев, эксплуатирующих крепостных крестьян. То же определение повторяется ниже, в начале II отдела книги¹³⁾. Но как назвать рядового рыцаря, владеющего, может быть, только несколькими

13) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 81.

крестьянскими дворами? Относится ли рыцарь к числу «феодалов»? Если нет, то вышеприведенное уравнение не поддается решению, и становится непонятным, в каком смысле акад. Косминский в других частях своего учебника различает крупнейших, крупных и мелких феодалов¹⁴). Если — да, то основополагающая характеристика, данная в первой главе, неправильна.

Большими противоречиями страдают и многие другие категории медиевистики в определении акад. Косминского. Это выступает с достаточной ясностью при рассмотрении второго из намеченных выше элементов учебника — объема и построения курса. История Средних веков, по словам автора, начинается «падением Западной Римской империи в конце V в.»¹⁵) и заканчивается «назреванием» буржуазной революции в Англии в 30-х годах XVII в.¹⁶). В университетском учебнике 1952 г. тот же акад. Косминский, вместе с проф. С. Д. Сказкиным, формулирует официальную периодизацию несколько иначе и более пространно: решающим «событием для начала феодальной эпохи была гибель рабовладельческой Римской империи (V-VII вв.), а для конца ее — английская буржуазная революция (XVII в.), которая оказала сильнейшее влияние на ход всемирной истории и положила начало эпохе господства капиталистического строя»¹⁷). При этом английская революция то включается еще в рамки Средневековья¹⁸), то относится уже к Новой истории¹⁹).

Данный *terminus ad quem* — каковы бы ни были его варианты — есть не вполне счастливое изобретение академика Е. А. Косминского. Воспитанный на исследовании средневековой английской деревни, он смотрит через призму социальной истории Англии не только на западно-европейский, но и на всемирно-исторический процесс, подчиняя последний «сильнейшему влиянию» английских событий XVII в. Происхождение столь странного недоразумения кроется однако не только в исследовательской аберрации акад. Косминского. Данный вопрос имеет свою историю. Традиция, утвердившаяся в международной науке, привела к тому, что ни Маркс с Энгельсом, ни Ленин никогда не оспаривали воззрения, согласно которому Новая история Европы начинается с XVI в. Только для России Ленин — не вполне уверенно — относил начало Новой истории к XVII столетию²⁰). Таким образом, эпоху ранних буржуазных революций в Западной Европе основатели научного социализма, как и создатель большевизма, включали в состав Новой

14) Ср., например, стр. 243 сл.

15) Там же, стр. 1.

16) Там же, стр. 225.

17) История Средних веков, т. 1 под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, 1952, стр. 11-12.

18) «Эти же мрачные столетия... видели... буржуазные революции в Германии, Нидерландах и Англии...», История Средних веков под ред. Косминского и С. Д. Сказкина, 1952, стр. 6.

19) Там же, стр. 13.

20) В. И. Ленин. Соч., т. I, 4 изд., стр. 134-138:

истории, и это имело свое основание в том факте, что капиталистические производственные отношения в ряде стран Западной Европы развились ранее, чем стоявшая во главе экономического процесса буржуазия, получив вкус к власти, заявила притязания на политическое господство. В некоторых городах-государствах Италии эти отношения и перевороты выступают уже в XIV в. Но Сталин в своих замечаниях 1934-1936 гг. на конспект учебника по Новой истории, исходя из другого принципа периодизации, предписал вводить историю Средних веков до Французской революции 1789 г. — что также имело за себя, с точки зрения учения об общественно-экономических формациях, чрезвычайно серьезные данные, поскольку Французская революция, протекавшая в открытой и законченной форме демократического переворота, привела к власти третье сословие в наиболее могущественном тогда континентальном государстве Западной Европы и своим влиянием охватила почти все европейские страны. Притом Французская революция всегда признавалась началом особого исторического периода — Новейшей истории, как говорили полвека тому назад, или «более новой» (*neuere Geschichte*) — как часто пишут теперь немецкие ученые. Сделать еще один шаг в том же направлении и начинать всю Новую историю с Французской революции (и промышленного переворота в Англии в конце XVIII в.) многим казалось не слишком странным. Существенное значение однако имело то возражение, что Новая история, понимаемая Сталиным в смысле «истории капиталистического способа производства и его разрушения», остается при таком построении без своего вступительного этапа, каким ранее признавался мануфактурный период (XVI-XVIII вв.), предшествующий промышленному капитализму. Сталинская периодизация была, кроме того, едва приемлемой с универсальной, особенно культурно-исторической точки зрения: признать Лессинга или Монтескье писателями средневековой эпохи, соединить Фому Аквината и Вольтера в рамках одной и той же общественной формации казалось очевидной нелепостью. И именно акад. Косминский нашел, повидимому, удачный выход из противоречия между старой, «идеалистической» научной традицией и директивной «корифеей наук»: он предложил кончать Средневековье фигурами Страффорда и Лоуда, английским абсолютизмом и его Звездной палатой, преследованиями пуритан и тенденциями католической реакции в Англии, т. е. событиями и явлениями, все еще достаточно «мрачными», чтобы их можно было отнести к Средневековой истории²¹⁾, и уже не имеющими себе аналогий в истории XVIII в. В защите этого компромиссного решения проблемы Е. А. Косминский обнаружил исключительную настойчивость, поставил на карту весь свой престиж в науке и достиг, в конце концов, победы. Но успех в данном случае может оказаться эфемерным: как и всякий теоретический компромисс, он беспринципен. Решение Косминского носит догматический характер — оно не оправдывается конкретными данными социальной истории:

21) См. выше, прим. 18.

всемирно-исторического значения в смысле перехода Европы и Азии к капиталистическому строю английская революция XVII в. вовсе не имела; «антифеодальные» (в понимании Косминского) движения в ней выступают не слишком ясно — «железнобокие» Кромуэля состояли не из крепостных крестьян, коих собственно уже и не было в Англии перед революцией; отделять типологически близкие революции в Нидерландах и Англии друг от друга нет возможности; резать на части цельную эпоху ранних буржуазных революций с их логической и исторической последовательностью значит производить насилие над требованиями научного мышления. Необходимо выбирать между старым воззрением, господствующим еще и поныне в западно-европейской науке, и директивой Сталина в ее автентичной форме. Наконец, и с чисто политической точки зрения делать Англию — хотя бы и XVII в. — гегемоном мирового исторического процесса советскому ученому, даже такого положения, какое занимает акад. Косминский, едва ли позволительно. Не будет ли верхняя граница Средневековья, при новом взмахе советского империализма, определяться какою-либо датой русской или китайской истории?

Разработанная Косминским схема построения Средневековой истории различает три ее части: «Раннее Средневековье» (V-XI вв.), «Европа и Азия XI-XV вв.» и «Позднее Средневековье» (XVI-XVII вв.). Эта же схема выступает по отношению к Западной Европе и Ближнему Востоку и в руководстве Косминского и Сказкина для высшей школы, следовательно, является официально утвержденной и предложенной для всеобщего употребления. При этом XI в. фигурирует в двух отделах, и наполняющие его процессы и события относятся то к одному, то к другому из этих отделов. Второй период не имеет характеризующего его по существу обозначения и определяется только хронологически, что нарушает принцип периодизации²²). Казалось бы, он может быть назван Высоким Средневековьем: хронологическое несовпадение с границами последнего в несоветской науке (там — обычно X-XIII или XI-XIII вв., у Косминского — XI-XV вв.) едва ли могло бы затруднить советского медиевиста, допускающего, например, переосмысление термина «Позднее Средневековье» и называющего так XVI-XVII столетия, обычно относимые к Новой истории. Отказ от выражения «Высокое Средневековье» вызван, вероятно, воспитательными и идеологическими соображениями: «мрачная эпоха в истории человечества не может быть ни в одном из своих отделов названа «высокой».

III

Первый отдел — Раннее Средневековье — состоит из девяти глав, которым уделено 79 страниц, около 1/3 книги, состоящей из 267 стр.

²²) В руководстве для высшей школы второй период Средневековой истории именуется «периодом XI-XV вв.», стр. 253; в введении он называется «периодом развитого феодализма», стр. 13.

учебного текста. Но данный отдел охватывает историю шести столетий, т. е. половины Средневековья, притом в особенности бурную и богатую событиями исключительной важности. Это несоответствие содержания размерам отдела привело автора к ряду затруднений: отсутствует, например, последовательная конкретная история событий «падения Западной Римской империи» в связи с великим переселением народов, и эта последняя формула вовсе исключена из учебного курса, как она уже давно удалена из научной историографии: она противоречит стремлению представить события V-VI вв. как процесс революций и завоеваний. Но во всяком случае исторические события должны быть излагаемы последовательно, между тем акад. Косминский говорит, например, о взятии Рима Аларихом (410) после рассказа о перевороте Одоакра (476) и остготском завоевании Италии (493).

Задача первого отдела — показать на конкретном ходе исторического процесса Раннего Средневековья революционное уничтожение рабовладельческого строя в странах мира с V в. н. э., зарождение и первоначальное развитие феодальных, т. е. крепостнических производственных отношений, возникновение и упрочение феодальной государственности и культуры и достижение в XI в. феодальной формацией общества своей полной зрелости и господства. Все, что не входит в эту конструкцию или, тем более, ей противоречит, обходится молчанием или освещается не в натуральном свете, а в интересах предвзятой концепции. В некоторых случаях акад. Косминский ставит себя в рискованное положение.

Это относится прежде всего к определению причин «падения Западной Римской империи». Акад. Косминский в течение двадцати лет боролся за свою формулу, каковую мы и видим теперь, в окончательном виде, в его учебниках для высшей и средней школы: «Революция рабов и колонов и варварские завоевания»²³). Данная формула является делом «творческого марксизма» — ее нет у Маркса и Энгельса. Мало того: первая, старейшая и основная часть ее прямо противоречит указанию Энгельса, утверждавшего, что победоносных восстаний рабов древний мир не знал²⁴). Едва ли бы и Ленин одобрил учение о революции рабов: он, правда, подчеркивал, что «Римская империя была целиком построена на рабстве» и что рабы «восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны»²⁵), но о революции рабов никогда не говорил. Наоборот, в «Лекции о государстве» прямо отрицается историческая возможность такой революции и указывается на то, что рабы «даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»²⁶). Революцию рабов, якобы отменившую рабовладельческий способ производства, от-

23) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, 1951, стр. 1, раскрытие тезиса стр. 8 и др.

24) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1950, стр. 135-186.

25) В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 29, стр. 444, 449, ср. 442.

26) Там же, стр. 449.

крыл только Сталин и указал на нее в своей речи на I всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1933 г.²⁷⁾ С тех пор советские историки исследовали целый ряд социальных движений III-V вв., что само по себе было необходимым и чрезвычайно важным делом, но отнюдь не подкрепило тезиса Сталина: участие рабов в социальных и племенных выступлениях в эпоху позднего принципата, как и в эпоху домината, не было основным и решающим фактором и не превратило этих движений в победоносную революцию, направленную к уничтожению рабства. Акад. Косминский — слишком большой ученый, чтобы не видеть действительного положения вещей в вопросе такого значения. Поэтому он еще в предвоенные годы выдвинул расширенную формулировку — «Революция рабов и колонов». Этот новый тезис казался более близким к истине, чем схематическое положение Сталина, ни разу в своих «высказываниях» не обмолвившегося о роли колоната в социальном строе поздней империи. Молчание Сталина по столь кардинальному вопросу было вполне понятно: привлечение категории колоната и движений колонов к определению причин падения Рима нарушило бы каноническую схему всемирно-исторических революций (рабов, крепостных крестьян, пролетариата), построенную тем же Сталиным на основе гипертрофированной теории общественно-экономических формаций. Такое изменение могло бы поставить под сомнение «чистоту крови» и последующих революций, в частности и большевистского переворота в России. Тяжелым грузом на советском историческом исследовании лежали и вышеприведенные слова Ленина о всецело рабовладельческом характере Римской империи. Отсюда можно видеть, насколько сложным было положение акад. Косминского, вынужденного исправлять формулы Ленина и Сталина под видом их разъяснения или редактирования. По существу Е. А. Косминский стремился в данном случае вернуть научное исследование к проблематике дореволюционного времени. Именно русские ученые — от Виноградова до Ростовцева — много потрудились над проблемами колоната. Но эти же новейшие исследования, в частности М. И. Ростовцева, вскрыли чрезвычайную сложность отношений, обычно подводимых под данное понятие, и показали невозможность отождествлять между собою все виды крестьянской зависимости на западе и востоке Римской империи. Колонат в Италии, Испании, Африке, Галлии носил иные черты, чем крепостничество в Египте или Малой Азии, где крестьянская зависимость в весьма специфических формах существовала задолго до римского завоевания.

В западно-римских провинциях колонат при переходе к Средневековью непрерывно эволюционировал к позднему серважу, постепенно сливаясь с переродившимся рабством (*servi casati, quasi coloni*). Это развитие было несколько ускорено — но отнюдь не обусловлено — германским вторжением и образованием «варварских королевств». Нигде в Западной Европе мы не видим революции ко-

27) И. В. Сталин. Соч., т. XIII, стр. 239.

лонов, которая освободила бы их от крепостничества, как не видим и борьбы колонов за уничтожение института рабовладения. Таким образом, формула «революция рабов и колонов» оказалась в свою очередь недостаточной: она требует дальнейшей разработки, которая возможна прежде всего только на путях анализа явлений социального и политического кризиса III в. с его гражданскими войнами, солдатскими императорами и разрывами имперского единства. Но в основе этих событий лежит не революция рабов и также не революция рабов и колонов. Поэтому необходимая разработка спорной формулы и поныне заставляет себя ждать; вместо этого формула была дополнена совершенно другим, вполне гетерогенным элементом. Инициатива в данном случае вновь исходила от Сталина, без указаний которого терроризованные советские историки не решались на новые формулировки. В 1934 г. Сталин, предупреждая Гитлера о возможных последствиях расистской политики, напомнил о горделивых римлянах и о том, как неримляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»²⁸). Это указание явно противоречило учению о «революции рабов» и, предоставляя «варварам» решающую роль в падении Римской империи, примыкало к воззрениям, свойственным «буржуазной науке» различных ее направлений²⁹). Оно позволило акад. Е. А. Косминскому сделать еще один шаг в сторону буржуазных концепций и дополнить «революцию рабов и колонов» варварским завоеванием. Окончательная редакция сталинской формулы имеет уже по своему смыслу не слишком много общего с ее исходным пунктом. Ни о какой победе над «реакционными империалистическими учеными» в данном случае не может быть и речи. Наоборот, становятся неизбежными новые затруднения.

Акад. Косминский со всей силой подчеркивает высоко прогрессивное значение «варварского», т. е. по существу германского завоевания Италии и западно-римских провинций, открывшего собою новую, более высокую стадию всемирно-исторического развития. Но советские историки принуждены следовать принципу тотального обобщения. События, аналогичные по своему характеру или по национальной принадлежности их агентов, получают однообразную оценку. Позиция акад. Косминского открывает возможность приписывать прогрессивную роль в истории целому ряду иных завоеваний или агрессий. Но в таком случае внешний фактор-давление окружающей среды — может оказаться имеющим большее значение в историческом процессе того или другого народа, чем силы и закономерности его внутреннего диалектического развития, — что безусловно недопустимо с марксистской точки зрения в ее ленинско-сталинском истолковании. С другой

28) И. В. Сталин. Соч., т. XIII, стр. 296.

29) В русской литературе такое мнение с большой силой и в наиболее категорической форме высказано Н. Г. Чернышевским: О причинах падения Рима. Соч. т. X, 1906, стр. 156-177. Цельное воззрение Чернышевского диаметрально противоположно эклектическому построению Косминского.

«стороны, восхваление германского завоевания Западно-Римской империи способно внушить учащимся представление о германской нации или расе, как о носителе решающей инициативы и высшего начала в истории человечества. Именно поэтому акад. Косминский, говоря о падении Западно-Римской империи, всюду исключает — вслед за Сталиным в вышеприведенной цитате — слово «германцы», заменяя его «стадиально» звучащим «варвары» — в смысле стоящих вне цивилизации племенных соединений якобы смешанной или неопределенной этнической принадлежности. По той же причине в других своих работах, где нельзя умолчать о племенной номенклатуре варваров, Е. А. Косминский всегда усиленно подчеркивает наличие в Западной Европе IV-VII вв. славян, аланов, гуннов и других негерманских элементов. Но для читателя рассматриваемого учебника, с ходом рассказа, становится ясным, что победителями горделивого Рима были главным образом германцы, и это конкретное представление действует на сознание склонных к обобщениям советских школьников несравненно сильнее, чем социологические маневры акад. Косминского: если германцы когда-то в древности были революционерами, уничтожили рабство и рабовладельческую империю и вообще совершили дела необычайно высокого всемирного значения, то как мирится с этими фактами нынешняя или недавняя трактовка тех же германцев как захватчиков и разрушителей культуры? Вопрос о культуре в данном случае весьма серьезен. Сам акад. Косминский неоднократно указывает на жестокий, поистине варварский «разгром» античной культуры германскими завоевателями. Но он не ставит в вину варварам их поведение в пределах «ненавистой» трудящимся Римской империи. Наоборот, он оправдывает завоевателей и утверждает, что уничтожение веками созданной культуры ничуть не уменьшает прогрессивного характера германского завоевания³⁰). Политическая и воспитательная цель данного утверждения состоит в создании у учащихся представления, что революция не щадит (и не должна щадить) ни культурных ценностей, ни людей, ни всех вообще производительных сил старого общества. Данное представление принадлежит к ленинско-сталинской «науке о революции», но в учебной литературе оно никогда не внушалось юным читателям так настойчиво, как в настоящем издании руководства Косминского. Это однако не делает его убедительнее. Возражая защитникам тезиса о благотворном значении варварских вторжений в провинции Римской империи, Н. Г. Чернышевский, сто лет тому назад, заметил, что данной части Европы понадобилось 14 веков — от III до XVII в., т. е. все Средневековье по схеме Косминского — чтобы восстановить уровень цивилизации, разрушенной варварами на исходе Древней истории³¹).

Представляет интерес проследить конкретное развитие трехчленного тезиса Косминского в рассказе о событиях второй половины V в.

30) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, 1951, стр. 8.

31) Н. Г. Чернышевский. Соч., т. VIII, 1905, СПб, стр. 171.

Общественный строй «варваров», т. е. германцев, в эту эпоху обрисован в стиле уже устаревших научных представлений: данные Тацита безоговорочно положены в основу характеристики социального устройства германских обществ IV-V вв. Это свидетельствует о том, что известная работа проф. А. И. Неусыхина, одного из выдающихся учеников Д. М. Петрушевского, — «Общественный строй древних германцев» (1928) — продолжает оставаться под осуждением, постигшим ее сразу после появления, — хотя ее автор возвращен к профессорской деятельности в Московском университете. Но, оставаясь в рамках старого воззрения, характеристика германцев у Косминского не вполне ортодоксальна: древне-германская семья и родовая община обрисованы социологически неясно и отчасти противоречиво.

В следующем параграфе — «Падение Западной Римской империи» — автор развивает свое положение о тесном союзе римских рабов и колонов с наступающими на империю варварами. Основую этого союза была общая ненависть тех и других к Риму как к рабовладельческому государству. Революционно настроенные рабы ожидали прихода германцев как своих освободителей: в 410 г. они открыли Алариху ворота Рима³²⁾. Но такая психология и тактика едва ли достойны памяти героических бойцов Спартака. Косминский не в силах доказать, что рабы Рима могли быть руководителями или признанными союзниками германцев. Грабежи и убийства, о которых говорит нам автор, не составляют революции. Едва ли и Аттила нуждался в помощи римских рабов и колонов или имел в виду своим вторжением дать толчок к социальной революции в Римской империи. Гуннский завоеватель в течение почти 30 лет прославлялся советской историографией как герой, нанесший «ненавистной» для рабов, колонов и варваров империи едва ли не смертельный удар. Но в 1943 г. Сталин неожиданно для советских медиевистов открыл им глаза на гуннское вторжение и признал Аттилу воплощением стихии дикого разрушения веками созданной западно-европейской культуры³³⁾. Это открытие привело к немедленному осуждению ряда работ советских авторов, не успевших отречься от ранее официального и общепринятого воззрения. Акад. Косминский уже исключил из своего учебника все замечания, благоприятные Аттиле, но он не сделал и не мог сделать то же по отношению к германским завоевателям, хотя вестготы Алариха или вандалы Гейзериха вели себя в Риме ничуть не лучше, чем гунны в римских провинциях. Предоставляли ли варварские короли часть награбленных ими богатств римским рабам и колонам и вознаграждали ли последних за пресловутое «открытие ворот»? Из дальнейшего изложения в третьем парагра-

32) История Средних веков, под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, I, 1952, стр. 53; в элементарном учебнике об открытии рабами городских ворот говорится в общей форме — стр. 6.

33) И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, Москва, 1950, стр. 217.

фе первой главы можно заключить, что варвары и не думали об освобождении римских рабов и колонов. «Короли варваров и их знать получили поместья с рабами и колонами. Короли и знать стали крупными землевладельцами, эксплуатирующими труд рабов и колонов»...³⁴⁾. Что же в таком случае остается от победоносной революции рабов и колонов? Казалось бы, весьма небольшое. Тем не менее акад. Косминский приходит к заключению: «Революция рабов и колонов и варварские завоевания совершенно изменили весь строй Западной Европы». При этом он допускает ряд неясностей и существенных неточностей, например: «Положение римских рабов изменилось... Рабы и колоны стали крепостными крестьянами. Положение их несколько улучшилось»...³⁵⁾. Эти сомнительные тезисы, в которых смешиваются различные эпохи и отсутствуют всякие обоснованные определения, не могут спасти положение автора.

К следующей затем характеристике «феодализма» примыкает пассаж, посвященный христианской церкви раннего Средневековья. Он наполнен грубыми нападка на духовенство и в особенности на средневековые монастыри, бывшие якобы «рассадниками грубейших суеверий» и очагами вреднейшего паразитизма: «монахи не работали, а жили за счет крепостных». Всякое прогрессивное и культурно-историческое значение церкви и монастырей в Средние века отрицается целиком. В истории русской учебной литературы мы впервые встречаемся с таким воззрением. Даже в годы господства Покровского и преподавания «обществоведения» в массовой школе и «истории классовый борьбы» в рабфаках учащимся не внушали столь радикальных «установок»: прогрессивная роль церкви, «учительницы варваров», и значение монастырей, как пионеров сельскохозяйственной культуры и центров средневекового просвещения — по крайней мере до XIII столетия, — не подвергались сомнению. Антирелигиозная тенденция ждановского руководства доведена Косминским до абсурда.

Глава заканчивается неполным перечислением варварских королевств в Западной Европе VI века. Особо отмечается «борьба в Британии с завоевателями англо-саксами», но она — чего не замечает автор — свидетельствует именно против его тезиса о союзе варваров с «трудящимися» Рима против империи.

Говоря о Восточной империи V-VII вв.³⁶⁾, акад. Косминский, партийный руководитель советских византинистов, находится в исключительно сложном положении: с одной стороны, он хотел бы — в чем мы не сомневаемся — продолжать начатую перед войной 1941-45 гг. линию объективного изложения истории Нового Рима (что было тогда необходимо для борьбы с нацистской историографией «Третьего Райха»), с другой — он вынужден в духе ждановской реакции итти походом против традиций классической русской византологии с ее вни-

34) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 8.

35) Там же.

36) Там же, стр. 10-20.

мательным отношением к политическим условиям и духовным основам византийской культуры. Такое раздвоение приводит автора к ряду противоречивых утверждений. В начале главы он делает замечания о богатстве Восточной империи и о превосходстве ее экономического развития и культуры над обедневшим и одичавшим Западом, но затем всюду и упорно стремится навязать учащимся самое низкое представление о византийском государственном аппарате и политике Юстиниана I и других императоров. Единственными целями правительственной деятельности были якобы «возвеличение императорской власти», «закрепление старых рабовладельческих отношений Римской империи» и «жестокая эксплуатация рабов и колонов». Акад. Косминский здесь вновь оперирует далекими от истины представлениями о рабстве и колонате VI в. и по существу вводит читателя в глубокое заблуждение. Но атлетического боя с «реакционными» буржуазными учеными он и на византийском фронте не выдерживает: из его рассказа учащиеся видят, что политический и хозяйственно-культурный центр Римской империи уже с давнего времени находится в ее восточной половине. В Восточной империи процветал позднеантичный колонат, а выродившееся рабство давно уже не составляло и здесь основы общественного производства. «Революция рабов и колонов», усиленная варварскими вторжениями, в этом имперском центре не победила ни в V, ни в начале VI в., и этот факт не вяжется с рассуждениями акад. Косминского о всемирно-историческом значении «падения рабовладельческой Римской империи в конце V в.».

Величественная фигура Юстиниана I даже на страницах учебника акад. Косминского импонирует читателю. Неимоверно жестокий эксплуататор «рабов и колонов», Юстиниан, оказывается, отличался «неутомимой деятельностью», его постройки «знамениты», «замечательны», «великолепны», он с честью вел «тяжелые войны» и одерживал «блестящие победы» над германцами и другими варварами, союзниками рабов и колонов. Положительного впечатления не устраняют в данном случае разнообразные маневры нашего автора: например, он лишает Юстиниана всяких эпитетов и не называет его ни «Великим», ни «Первым»; вовсе не упоминает об императрице Феодоре; совершенно превратно толкует цель издания Кодекса; замалчивает подлинное социальное законодательство Юстиниана, его борьбу с землевладельческой знатью и др. Религиозные движения эпохи Косминский, во избежание опасных обвинений, обходит полным молчанием.

События конца VI в. и последующего столетия дают акад. Косминскому желанный повод возвратиться к догмату революции рабов и колонов, как основы варварского завоевания также и Восточной империи. Вновь мы читаем слащавые рассуждения — о союзе италийских рабов и колонов с лангобардами, о доблестных славянах, уничтоживших рабство и колонат на балканских территориях империи и т. д. Правда, «славяне не разрушили Византийскую империю», но они «изменили ее общественный строй», обогатив его «многочисленным свободным крестьянством». Читатель не вполне убежден этими довода-

ми и хотел бы, по крайней мере, понять, каким образом всецело эксплуататорская и безгранично жестокая византийская, рабовладельческая по своему существу, государственность могла иметь своим социальным фундаментом свободное пришлое крестьянство, дружественное освободившимся рабам и колонам империи. В ответ на это недоумение мы далее читаем: «В империи остались и крупные земельные владения с рабами и колонами. Крупнейшие земельные владения принадлежали церкви и особенно монастырям». «Рабы и колоны вновь были задавлены работой на господ». Победа революции рабов и колонов таким образом вновь оказывается вполне фантастическим построением. Но и «славянское свободное крестьянство», «обновившее и укрепившее Византию», быстро деградируя, уже в IX в., после подавления восстания Фомы Славянина, оказалось в положении, тождественном с колонатом, что поставило феодализованную империю в XI в. на край гибели. Это отчасти справедливое наблюдение не препятствует акад. Косминскому утверждать, что именно славянская колонизация продлила существование Византийской империи на 1.000 лет сравнительно с древним Римом³⁷⁾.

Все, что не уместается в рамки этой внутренне противоречивой и слишком упрощенной схемы истории Византии VIII-XI вв., исключается из изложения акад. Косминского. О таком колоссальном явлении, как иконоборчество и связанные с ним смуты, советские школьники не должны знать кроме того, что «монахи яростно сопротивлялись» отобранию у них императорами VIII в. части «огромных монастырских владений». Династическая история вышеуказанных столетий дана фрагментарно, в виде случайных указаний. Из императоров данного периода упоминается только Василий II как законодатель и «Болгаробойца», затем делается замечание о династии Комненов.

Моральное ударение в этой главе лежит главным образом на положительной роли идеализируемого автором славянства в истории Византии. Остальным народам, сталкивавшимся с Ромейской империей, отводится незначительное место. Что, например, должны узнать школьники о царстве Сасанидов и его населении? Ничего, кроме наличия в Иране III-VII вв. хищных царей, торговых путей, непомерных налогов, жестокой эксплуатации и пр. Зато союзу болгар с русскими в X в. в общей якобы борьбе с «ненавистой» Византией уделено исключительное внимание.

Третья глава данного учебника посвящена Арабскому халифату³⁸⁾. В этом случае стратегический замысел акад. Косминского состоит в показе Ислама и халифата как идеологического и политического факторов феодализации первоначально Аравии и затем — всего Ближнего Востока и отчасти — европейского и африканского Запада. Религия Мухаммеда изображается Косминским как измышленная в интересах рабовладельцев идеология покорности и социальной пассив-

37) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 20.

38) Там же, стр. 25-34.

ности, как орудие подчинения арабов «бедуинской и хиджасской знати». При этом исключаются не только совершенно необходимые данные биографии Мухаммеда и его борьбы с корейшитами, но и целый ряд других неудобных для автора вопросов, — например, о плебейских движениях в городах доисламской Аравии, о классовой сущности первоначального арабского государства при жизни пророка и первых халифов, о демократических настроениях и пуританских традициях мединской общины сподвижников Мухаммеда, об Али, алидах и шиитизме, о методах и мотивах завоевательной политики Омара, о борьбе за власть и причинах непопулярности Омейядов. Уже с изображения расцвета Дамасского халифата внимание автора «переключается» на описание центробежных движений — народных и социальных выступлений против власти халифов. При этом восстания собственно арабских — ортодоксальных и сектантских — группировок против Омейядов не различаются от волнений туземной, покоренной арабами, племенной среды в различных областях халифата. Сами Аббасиды выступают в виде «местной», т. е. иранской знати. Багдадский халифат изображается как первое феодальное государство на Ближнем Востоке, следовательно, — как плод предшествовавшей революции рабов. Восстания «рабов, крепостных крестьян и ремесленников» Византии и Ирана открыли путь к победе мусульманских завоевателей, восторженно встреченных трудящимися массами вышеуказанных стран, но натолкнувшихся на упорное сопротивление в Армении, Азербайджане и Средней Азии, т. е. в областях, входящих ныне в состав СССР, где население, конечно, «не желало подчиниться чужеземному владычеству». Но и в Иране, и в византийских провинциях (Египет, Сирия, Палестина) трудящееся население разочаровалось в арабах, сменивших рабовладельческие отношения крепостническим гнетом. Эта схема представляет собою новый вариант концепции акад. Косминского о путях перехода от рабовладельческой формации к феодализму. Она отличается от двух предыдущих — западно-европейского и византийского — вариантов тем, что здесь, на Ближнем Востоке, по Косминскому, внешнее завоевание выступает как еще более активный и веский фактор быстрой феодализации старых рабовладельческих стран. Однако принцип революции рабов и колонов (или, очевидно, крепостных крестьян — для Ирана и других неримских стран) остается в силе и для ближневосточного пути к феодализму. Конечно, и при рассмотрении арабского варианта перехода от рабства к феодализму весьма затруднительно понять, каким образом победоносная революция рабов приводит к закреплению ранее свободного населения. Весьма неясно также и то, как строится участие крепостных крестьян в революции, направленной к уничтожению рабства. Как бы то ни было, такая революция, по Косминскому, победила и на Востоке, и арабским завоевателям оставалось только стать во главе феодализирующегося общества в Иране, Средней Азии, Закавказьи, Сирии, Палестине, Египте и др. Впрочем из дальнейшего изложения нашего автора выясняется, что у арабской и ту-

земной знати халифата «было много и рабов, которых ставили на особенно тяжелые работы, как разработка рудников и рытье оросительных каналов, без которых невозможно земледелие на засушливом Востоке». «Рабы составляли также домашнюю челядь знати. Из рабов халифы и феодалы составляли отряды своих телохранителей». В связи с этим автор подчеркивает значение восстания рабов-зинджей (869-883), державшее в страхе весь халифат в течение 15 лет и подавленное «с крайним напряжением сил». При наличии таких фактов советские школьники, неискушенные в диалектике акад. Косминского, едва ли смогут установить, чем собственно отличается «феодальный» строй Багдадского халифата от «рабовладельческого» режима Сасанидов. Для учащихся, склонных к конкретному мышлению более, чем к социологическим дефинициям, вероятно, было бы полезнее и интереснее представить себе, например, реальную картину жизни Багдада в IX в., многие элементы которой сохранила нам позднейшая литература. Но акад. Косминский не сообщает читателям даже имени Гарун аль Рашида — знаменитейшего из багдадских халифов — не говоря уже о политике и быте его времени. Не дает он и цельного очерка распада халифата: Махмуд и Газневиды отнесены почему-то к главе о средневековой Индии.

IV глава учебника посвящена «Франкскому государству»³⁹). Здесь уже вовсе нет и речи, даже упоминания о пресловутой революции рабов и колонов, и все изложение построено на основе принципа «варварского завоевания». О «крепостных» в имениях «знати» упоминается лишь мимоходом, и у читателя является впечатление, что «варвары», т. е. франки, заняли почти ненаселенную территорию, что кроме «свободных крестьян», живших сельскими общинами, в государстве Меровингов было мало «трудящихся», что Галлия стала вполне варварской страной, что Хлодвиг и его преемники жили в деревнях. Буржуазная концепция «германистов» в ее приложении к учебной литературе доведена Косминским до нелепости. Презренные «романисты», а также преследуемый с особенной ненавистью Фюстель де Куланж⁴⁰), повидимому, терпят полное поражение.

Только в конце обширного первого параграфа данной главы, где акад. Косминский принужден коснуться содержания Салической Правды, выясняется, что во франкском государстве Меровингов существовали и «римляне», и «колоны», и «рабы», — каковых в общей сложности было, наверное, много больше, чем пришлых свободных германцев. Но нашего автора теперь интересуют только последние: он занят исключительно процессом социальной дифференциацией варварского франкского общества. При этом он исходит из произвольной презумпции, что франкская свободная деревня где-либо в Нейстрии или Австразии состояла из социально равных друг другу общинни-

39) Там же, стр. 34-40.

40) Ср. ряд чисто политических обвинений по адресу великого французского медиевиста в I т. «Истории Средних веков» под ред. акад. Е. А. Косминского и проф. С. Д. Сказкина, 1952, стр. 70-72.

ков. Движущей силой последовавшего затем феодального классовообразования представляется исключительно насилие знатных людей, королевских дружинников и, в особенности, епископов, бывших «настоящими грабителями». Методы социальной феодализации — прекария, коммендация, иммунитет — или вовсе не рассматриваются и не описываются, или упоминаются глухо и мимоходом. Понятия аллода и бенефиция целиком элиминированы из текста — встречаются только неразвитые замечания о сеньорах и вассалах.

После декларированной акад. Косминским в первой главе победы революции рабов и колонов ни те, ни другие автору более не нужны. Тот факт, что галльские рабы и колоны с приходом германцев вовсе не освободились, а превратились в «крепостных» (т. е. или остались в прежнем состоянии, или перешли в худшее), что повлекло за собою и постепенное закрепощение беднейшей части, а затем и широких кругов собственно франкского крестьянства, не совместим ни с победоносной революцией рабов и колонов, ни с высоко прогрессивным характером германского завоевания. Поэтому акад. Косминский заменяет объективно детерминированный процесс экономического и социального развития ранне-средневековой Галлии волюнтаристически трактуемым актом насилия сеньоров над якобы вполне свободным и социально целиком франкским крестьянством. У учащихся складывается впечатление, что VI в. был временем какой-то дикой расправы над беспомощными массами свободного франкского народа, хотя об «обеднении» и ослаблении военной мощи последнего говорится впервые только далее, в связи с рассказом о реформах Карла Мартелла. Элементы действительно имевшей место в IX-X вв. «революции сверху» Косминский целиком переносит на эпоху Меровингов, когда феодальное классовообразование у франков еще не вступило в свой решающий фазис.

2-й и 3-й параграфы IV главы посвящены (соответственно) «первым Каролингам» и Карлу Великому. Деятельность Пипинидов представлена главным образом в аспекте их феодальной хищности и социальной эксплуатации; оборонительная активность великих майордомов стоит на заднем плане, а государственно-консолидирующая, цивилизаторская, идейная сторона деятельности предшественников Карла Великого, создавших условия для образования ранне-средневековой империи европейского Запада, вовсе игнорируется. Особенно жестоким эксплуататором, каким-то чудовищем жестокости представлен сам Карл Великий. Чтобы представить его походы не имеющими никакого прогрессивного значения, акад. Косминский вовсе исключает из своего изложения войну с аварами и ликвидацию Карлом аварского хаканата. Карл думал якобы только о захватах и грабежах чужих земель и о «расправе» над непрерывно восстававшими против него крестьянами. При таком представлении вступительными к данному параграфу характеристика Карла, отмечающая, наряду с его физической силой, и способности воителя и правителя, производит весьма противоречивое впечатление. Карл Великий есть единственный

персонаж всемирной истории, которому акад. Косминский и другие советские историки, следуя буржуазным авторам только в данном случае, присваивает эпитет Великого. Но, изображая деятельность Карла в совершенно одиозном виде, Косминский создает в сознании учащихся резкое раздвоение: может ли великий человек быть столь беспощадно жестоким? Это раздвоение побеждается в данном случае, как и во многих подобных, не на путях логики или морали: советским читателям настойчиво и авторитарно внушается, что соединение правительственного и военного таланта с крайней жестокостью всегда имеет место и, следовательно, нормально или неизбежно при любых социально-политических условиях. Борьба с эксплуататорами превращается уже в борьбу с естественным нравственным чувством советского человека.

V глава учебника, под заглавием «Западная Европа в IX-XI вв.⁴¹⁾», отличается чрезвычайной пестротой содержания: вместе с общей характеристикой «господства феодального строя» с его «крепостными крестьянами», «натуральным хозяйством» и «феодальной лестницей» мы читаем о «распаде Франкской империи», о «набегах арабов, венгров и норманнов», о «норманнах в Англии», об «Италии IX-X вв.», о «Священной-римской империи», об «императорах и папах», о «разделении церквей» и о «западных славянах» V-XI вв.

Автор говорит в данной главе только об «основных» классах европейского общества IX-XI вв., т. е. об «эксплоататорах -феодалах» и об «эксплоатируемых крестьянах». Но в той же самой главе неоднократно упоминается о богатых и культурных городах Италии и постоянно предполагается наличие городской жизни и в других ранне-средневековых странах Западной Европы, не исключая и прибалтийских славян, «укрепленные приморские» торговые города которых изображаются как признак относительно высокого культурного развития. В следующей, VI главе идет речь о производительной деятельности, торговле и богатстве русских городов Раннего Средневековья. Вследствие этого читатель не в состоянии понять, почему автор так настойчиво и категорически говорит о всецело натуральном хозяйстве Европы IX-XI вв., доводя это представление, по его содержанию, до абсурда, напр, мы читаем: «Крестьяне ничего не изготовляли для продажи...» Даже производство мастерских в феодальных усадьбах и замках преследовало якобы только потребительские цели! Сталинско-ждановский историк отстаивает здесь совершенно дряхлую, притом по своему происхождению и развитию вполне «буржуазную» концепцию ойкосного хозяйства в Европе первой половины Средневековья, ведущую свой генезис через К. Бюхера от Родбергуса и разработанную немецкими социологами и экономистами школы Инама-Штернегга. «Натурального хозяйства», о котором, противореча себе, говорит акад. Косминский, не существовало даже в бронзовом веке Европы. Возможно ли для IX-XI вв. н. э. сводить торговые связи к спорадическо-

41) Акад. Е. А. Косминский. *История Средних веков*, стр. 41-58.

му появлению в феодальных поместьях пресловутых «евреев и сирийцев»⁴²⁾ с вожделенными для феодалов восточными товарами? Сам акад. Косминский в той же V главе замечает, что свирепые норманны были прежде всего торговцами и лишь во вторую очередь становились грабителями или завоевателями. Ясно, что и на этом участке беспощадной сечи поле битвы остается за «реакционными буржуазными» историками.

Некоторые места V главы показывают, что несчастная мысль акад. Косминского о необходимости доводить классовые противоречия до крайней степени, т. е. до безусловного антагонизма, — вплоть до союза «трудящихся» данной страны с ее национальными врагами — чрезвычайно глубоко проникла в его сознание. Это заметно, напр., в рассказе о набегах норманнов на западную Европу в IX-XI вв. Данные набеги автор рисует с нескрываемым сочувствием — не к их жертвам, но к самим норманнам, что, конечно, имеет целью внушить это сочувствие читателю. Акад. Косминский заставляет читателей видеть в якобы патриархальных норманнах не только невольных, но и часто и сознательных мстителей за эксплуатацию крестьянства в раннефеодальной Европе. Ему грезится союз норманнов с крепостными крестьянами европейских стран против общего врага — сеньоров и особенно ненавистных народу епископов и монахов. «К норманнам часто присоединялись крепостные крестьяне, доведенные до отчаяния притеснениями своих господ. По преданию, самый страшный из викингов — Гастинг — был крестьянином из восточной Франции». Следует известный рассказ о похождениях Гастинга в Италии, когда он выдал себя за умершего и был внесен в церковь, но «во время богослужения внезапно выскочил из гроба и убил епископа»⁴³⁾. Школьники, по педагогическому замыслу Косминского, должны восхищаться «смелостью» и «хитростью» норманнов и убийствами епископов, хотя подобная оценка разбойнических набегов граничит с насаждением в сознании асоциальных и слепо разрушительных чувств. В значительной степени именно эта опасность заставила Сталина в том же 1950 г., когда было подготовлено 3-е издание учебника Косминского, понять недопустимость подобных построений и призвать к порядку недальновидных советских историков. В статьях на общую тему «Марксизм и вопросы языкознания» Сталин был вынужден указать, что социальные противоречия и борьба классов не могут быть доводимы до разрыва между ними, так как подобный разрыв означал бы гибель данного общества. Косминский в своем учебнике, отредактированном в духе старых требований сталинизма, заостренных Ждановым до последней степени, еще не знал этой элементарной истины.

Распадение Франкской монархии представлено Косминским в совершенно схематическом, безжизненном пассаже из 4-5 строк: «Империя Карла» распалась якобы «вскоре после его смерти»; нет речи

42) Там же, стр. 83.

43) Там же, стр. 46.

ни о преемнике Карла, ни о Страсбургской присяге, ни о Верденском договоре, ни о событиях 887 г., ни о династической преемственности Каролингов во Франции, Германии и Италии, ни о феодальной анархии IX-X вв., ни о судьбах имперского титула. Мы возвращены к традициям времен Покровского: Людовики Благочестивые и Косноязычные, Карлы Лысые, Толстые и Простые, Генрихи Птицеловы и прочие эксплуататоры вновь выброшены из учебного курса истории Средних веков! Не явится ли однако этот переворот Пирровой победой акад. Косминского? Не страдают ли при этом, наряду с эксплуататорами, и трудящиеся? Не символизировали ли в сознании учащихся наивные эпитеты, приставшие, напр., к именам последних Каролингов во Франции, эфемерного характера их власти? Можно ли пройти молчанием именно в данной связи расхищение крупными феодалами французских земель вместе с их крестьянским населением в годы Карла Лысого и его преемников, с чем связано и начало подлинно феодальной, ленной системы? Позволительно ли умалчивать, с какого исторического события с достаточной ясностью выступает обособление французской и немецкой национальностей? Не ясно ли, что акад. Косминский со своим невниманием к народам западной Европы и к истории образования их национальных языков совершенно не предвидел почти одновременного выступления Сталина по вопросам языкознания?

История Германии после распада империи Карла Великого рассматривается в учебнике лишь со времени Оттона I. От общепринятого в учебных руководствах материала здесь уцелели только разрозненные моменты. Династическая история полностью отсутствует. О борьбе с венграми и ее значении для культурного развития Европы нет ни слова. Итальянские походы немецких королей мотивируются исключительно целями захвата и дикого грабежа: они соединялись с опустошением и сожжением итальянских сел и городов «германскими войсками». Принятие Оттоном I императорского титула преследовало цель придать грабительским походам немцев в Италию «законный вид». О таких императорах как Оттон II — *Romanorum imperator augustus* — и особенно фанатик идеи вселенской Римской империи Оттон III, благоразумно умалчивается. Все это изложение создает вокруг памяти Оттонов атмосферу тотального осуждения, высказанного в выражениях нашего времени.

В истории борьбы пап и императоров, изложенной эпизодически в вульгарной, рассчитанной на дешевую антирелигиозность форме, Генрих IV выступает с некоторым отблеском благородства, и его походы в Италию освобождены от обвинений в грабежах и поджогах, но причины конфликта с папой Григорием VII остаются для читателя темными. Оттоновская церковная политика как и Ключийское движение исключены из рассказа; говорится только о борьбе за назначение епископов императором или папою без выяснения того политического значения, какое имело замещение кафедр и аббатств. Термин

«инвеститура» отсутствует. Нет ни слова и о Вормсском конкордате (1122 г.).

В последнем параграфе V главы, посвященном западным славянам первого периода Средневековья, изложение автора внезапно смягчает свой грубый, воинственный, запальчивый характер и становится более обстоятельным, последовательным и интересным. Видно, что акад. Косминский сочувствует истории славянских народов и не имеет в виду превращать ее в бессмыслицу или карикатуру. Он содержательно рассказывает о судьбах Великоморавского государства, полабских и прибалтийских славян, Чехии и Польши. Но объективным и это изложение не является — история славянства представлена в идеализированном виде. Акад. Косминский приписывает западным славянам только положительные черты: даже к польским и чешским феодалам он относится благосклонно и главных виновников закрепощения и эксплуатации народных масс Чехии и Польши видит в «немцах» и в католической церкви. Говоря о сопротивлении славян немецкой агрессии, автор местами переходит вместе со славянами в контрнаступление и, напр., пишет: «Вооруженные ладьи (князей прибалтийских славян) наводили страх на немцев и датчан». Такие отчасти заносчивые замечания имеют в виду воспитать советских читателей в панславистском и антизападническом настроении. При этом умалчивается о многих моментах торговой, культурной и военно-политической связи между славянами и их западными и северными соседями; отсутствует и рассказ о Йомсбурге и его викингх.

Глава VI — «Киевская Русь»⁴⁴⁾ — принадлежит к лучшим частям учебника: из этой главы видно, насколько ценное руководство по истории Средних веков мог бы дать советской школе акад. Косминский в условиях творческой свободы и моральной независимости. Но если данная глава стоит на сравнительно высоком теоретическом уровне, в то время как история соответствующего периода Западной Европы представлена в поверхностной и недоброжелательной интерпретации, то автор легко может быть обвинен в национализме, хотя бы его изложение русского исторического процесса и не содержало в себе шовинистических выступлений. Некоторые моменты в VI главе способны усилить такое впечатление: напр., Рюрик именуется «легендарной» личностью — очевидно, из-за летописного рассказа о призвании варягов; всюду умалчивается, вопреки очевидности, о норманнском происхождении Рюриковичей. И рядом с таким радикальным устранением «норманнской теории», как якобы порождения буржуазных ученых немецкого происхождения, акад. Косминский допускает бьющую в глаза политическую бестактность: говоря о женитьбе кн. Владимира на «византийской царевне Анне», автор добавляет в скобках: «сестра Анны вышла замуж за императора Священной Римской империи Оттона II». Данное замечание имеет, повидимому, своей целью поднять престиж князя Владимира до уровня западного императора;

44) Там же, стр. 59-64.

но это не только плохо вяжется с великодержавной точкой зрения автора, но и совершенно излишне по существу. Притом ссылка Косминского неправильна в фактическом отношении, составляя редкий в учебнике недосмотр: помимо того, что принцесса Теофано вышла замуж за Оттона в бытность его не императором, а наследником престола Западной империи, она, не будучи «порфиророжденной», не могла быть сестрой нашей Анны, единственной дочери Романа II, отца Василия II и Константина VIII⁴⁵⁾.

В главе VII⁴⁶⁾ находим обзор культурного развития в Западной и Восточной Европе в Раннем Средневековье и очерк арабской образованности. В первом случае исходным моментом рассказа является разрушение варварами древнеримской цивилизации. Вследствие того, что данный рассказ может быть отделен от описания «революции рабов» и от аргументации в пользу прогрессивного характера варварского завоевания, акад. Косминский в этом случае может стать на антигерманскую позицию и уличает германцев в разгроме античной культуры. Другим мотивом данного параграфа является антирелигиозная и, в частности, антикатолическая тенденция. Церковь рисуется как оплот средневекового невежества и мракобесия. Можно подумать, что религия Одина и вся система первобытного германского мировоззрения были прогрессивнее христианской религии, хотя еще К. Маркс предупреждал о недопустимости такого взгляда. Акад. Косминский не рассказывает своим читателям о Бенедикте, «отце Запада», о встрече двух религий, о деятельности Бонифация и других миссионеров в Германии, как и о всей истории христианизации Западной Европы. Он начинает свой рассказ с того, как «невежественное и фанатическое духовенство истребляло статуи и храмы» античных богов, как монахи «соскабливали текст с древних рукописей, чтобы писать свои «священные» книги и летописи», как папы жгли «старинные библиотеки» и т. п. Акад. Косминский строго судит католическую церковь как величайшего врага культуры в истории человечества. Именно церковь держала в Средние века народ в невежестве. Она, пользуясь латинским языком, чуждым народу, задерживала развитие письменности на национальных языках и этим препятствовала культурному прогрессу. Церковь — основная сила и организатор феодализма. В этом длинном ряде обвинений читатель почти и не замечает одной-двух фраз или скорее полуфраз: «Письменность на Западе сохранилась главным образом в монастырях... Церковь... сохранила некоторые остатки римской образованности».

Косминский отрицает у людей Раннего Средневековья бескорыстное стремление к культуре, знанию, искусству. Культура — уверяет он читателя — служит только интересам господствующего, эксплуата-

45) Новейшая сводка итогов исследования по данному вопросу — F. Dölger. *Wer war Theophano? Byzant. Zeitschrift*, 43. B., 2. H., 1950, S. 338-339. Ср. G. Vernadsky, *Kievan Russia*, New Haven 1948, p. 63.

46) Акад. Е. А. Косминский. «История Средних веков», стр. 64-71.

торского класса. Карл Великий поддерживал просвещение, но исключительно в целях господства над народом: ему «нужны были образованные церковники, которые могли бы внушить подданным покорность императору и сеньорам». Впоследствии набеги норманнов «нанесли сильный удар культурному развитию Западной Европы». «Норманны грабили и жгли церкви и монастыри... при этом погибали и монастырские библиотеки и архивы, уничтожались монастырские школы. Монахов норманны убивали или разгоняли...» После ранее приведенных обвинений против монахов, как носителей невежества, диких суеверий и социального паразитизма, школьники едва ли смогут определить свое отношение и к монастырскому просвещению, о котором они теперь впервые слышат, и к норманнским набегам, соединенным с разгромом монастырей и убийствами монахов. Правильно ли поступали норманны? Кому сочувствовать — «смелым» убийцам или их «невежественным» жертвам? Или полагать, что норманны должны были убивать монахов, но им не следовало при этом поджигать монастырские архивы и библиотеки, где среди памятников диких монашеских суеверий могли оказаться и переписанные монахами «для обучения латинскому языку» «некоторые из сочинений древне-римских авторов»?

Несколько серьезнее характеризуется далее ранне-средневековая культура Византии и Балканских стран. Но и здесь, приводя некоторые ценные материалы, автор усиливается как можно более очернить ненавистную Ромейскую империю. «Императоры... вели роскошный образ жизни... Епископы, священники, монахи внушали народу, что он должен повиноваться императору и установленным властям... Смелых ученых и философов... предавали проклятию в церквях, отправляли в ссылку, казнили. Церковь и в Византии... препятствовала развитию философии и научного знания». Эти унылые lamentации почему-то смолкают, как только акад. Косминский переходит к древне-русской культуре, характеристика которой под его пером превращается в дифирамб русскому народу. Почему не писать в таком же бодром, вдохновляющем тоне о культуре других народов мира?

Культурное развитие стран халифата обрисовано по обычному и в «буржуазной» учебной литературе трафарету с добавлением только ожесточенных нападок на Ислам и «мусульманское духовенство», подвергавшее свободную мысль арабов и других народов Ближнего Востока жестоким преследованиям.

Первый отдел учебника Косминского завершается главами о раннефеодальных Индии (гл. VIII) и Китае (гл. IX). Первая из этих глав⁴⁷⁾, посвященная главным образом эпохе Гупта, не содержит ни конкретных данных по экономической и политической истории Индии и Декана в IV-XI вв., ни особенно необходимых в данном случае элементов этнографии, исторической географии и хронологии. Автор занят почти исключительно обличением неких «царей» и знати, их рос-

47) Там же, стр. 71-74.

кошной жизни и жестокой эксплуатации ими крестьянских общин, а особенно — выяснением вредного влияния на историю Индии «браманов и буддийских монахов», проповедывавших «пассивность и послушание». «Огромные храмы, гигантские многорукие и многоголовые идола должны были запугивать темных крестьян и внушать им покорность богу, царю и феодалам». Запуганные и забытые темные крестьяне «не оказали никакого сопротивления» «кочевникам», пришедшим с севера. Следуют замечания о распаде Индии и о завоевании ее северо-западной части Махмудом, султаном Газны.

Такая концепция наиболее блистательного периода истории индийского народа может привести учащих к выводу, что данный народ в течение долгих веков не был способен к самостоятельному существованию и почти без сопротивления переходил в руки сменявших одни других завоевателей: в Древней истории — греков, скифов и др., в Средние века — гуннов, турков и др., в Новое время — голландцев, англичан и пр. Здесь мы вновь встречаемся с воззрением акад. Косминского, что социальные противоречия внутри данного общества доходят до распада этого общества и вполне закономерно ведут к иноземному завоеванию, необходимому и часто прогрессивному. Но именно история индийского народа показывает, что дело обычно обстоит иначе. Династия Гупта выросла и окрепла в борьбе со скифами и была представительницей национального творческого начала. Многие цари этого рода были народными героями. Калидаса, о котором автор вынужден сказать две бессодержательные фразы («один из гениев мировой литературы... он брал сюжеты... из старинных легенд...»), был тесно связан с народом. Средневековые фрески Аджанты (о которых акад. Косминский не упоминает) составляют памятник подлинно национального творчества. Мог ли народ, создавший мощную государственность и шедевры культуры, быть настолько темным, забытым, тупым и пассивным, что оказался неспособным к сопротивлению кочевникам? Не следовало бы скрывать от читателей колоссального военного превосходства гуннов и их безбрежной «империи степей» над культурным, сравнительно немногочисленным и политически ослабевшим населением Индии в VI в. Что касается религиозных движений, то буддизм к этому времени был давно побежден необраманизмом, сила которого состояла именно в связи с народным мировоззрением. Во всяком случае говорить о том, что Индия не оказала эфталитам сопротивления, нет возможности. Исторический центр Индии — Магадха — никогда не был вполне завоеван гуннами: последний Гупта умер здесь около 510 г. Из Магадхи же, вместе с ее знаменитым царем Язодхармой, вышло и освобождение Индии от варваров: уже в 533 г. гунны потерпели уничтожающее поражение в Мультаке, и государство Язодхармы вновь объединило большую часть страны. Думает ли акад. Косминский, что советские учащиеся не должны знать об этой национально-освободительной борьбе средневекового индийского народа? Также и последующая история средневековых индийских государств отнюдь не свидетельствует о чрезмерной пассив-

ности народа и о всепоглощающем господстве над ним феодалов и браманов. Даже мусульманское, первоначально разрушительное, завоевание северо-западной Индии в начале XI в., внесшее в индийскую историю новый могущественный элемент, вовсе не означает уничтожения или прекращения национальной культурной жизни.

Принципиальной важности вопрос данной главы — о времени и обстоятельствах перехода народов Индии от рабовладельческой формации к феодализму — в учебнике Косминского не рассматривается: царство Гупта с самого его возникновения признается основанным на феодальной эксплуатации крепостного крестьянства, жившего сельскими общинами. Остается догадываться, что революция рабов произошла в Индии когда-то ранее, быть может, в связи с нашествием скифов в I в. н. э. Нет необходимости говорить, насколько ответственны были бы такие домыслы, вытекающие из необходимости отыскивать события, не имевшие места в исторической действительности.

Домыслы такого рода ныне вступили в новую фазу, весьма неблагоприятную для концепции акад. Косминского: в новом издании Большой Советской Энциклопедии эпоха Гупта рассматривается уже как «последнее рабовладельческое государство в Индии»; только в VI-VII вв. происходит в этой стране «формирование феодального общества». БСЭ, 2 изд., 1953 г., т. 18, стр. 54. Следовательно, революция рабов связывается с вторжением гуннов.

То же следует сказать и о построении ранне-средневековой истории Китая в учебнике Косминского⁴⁸). Трудно понять, когда именно произошла революция китайских рабов. Автор начинает свое изложение с истории уже феодального классовобразования — с III в. н. э. Следовательно, революция рабов должна мыслиться учащимися в связи с кризисом рабовладельческой империи Западных и затем Восточных Хань — с восстаниями Красных бровей (18 г. н.э.) и Желтых тюрбанов (186 г.). В начале соответствующего рассказа в учебнике Древней истории для V—VI классов эти восстания первоначально квалифицируются как «восстания рабов и крестьян», но в конце того же отдела эти движения именуется или «восстаниями крестьян и рабов», или только «восстаниями крестьян», т. е. получают совершенно иную социальную характеристику⁴⁹). В этом же учебнике указывается, что после падения Восточных Хань «власть оставалась в руках богатых» и «строй жизни осталась старым»⁵⁰). Таким образом, в одном школьном учебнике о революции рабов в Китае нет речи, а в другом она представлена в двусмысленных формулировках.

Так же темно и начало феодальных отношений в Китае. Акад. Косминский относит массовое закрепощение китайского крестьянства к III в. н. э., когда в северный Китай ворвались «кочевые племена из

48) Там же, стр. 74-80.

49) История древнего мира, учебник для 5-6 классов средней школы под ред. проф. А. В. Мишулина, изд. 6-е, Москва, 1947, Институт Истории Академии Наук СССР, стр. 74-75.

50) Там же, стр. 76.

Маньчжурии, Монголии и Тибета и подчинили себе туземное население; значительные части последнего бежали за р. Янцзы, где еще сохранились независимые китайские государства, «но и там их ждало закрепощение». Можно подумать, что феодальные отношения в центральной части страны уже сложились, прежде чем «Китай распался в начале III в. на несколько независимых государств». Истории этих государств Е.А.Косминский в учебнике не затрагивает, хотя в особенности с героической эпохой Трех Царств, оставившей глубокий след в народной памяти и позднейшей литературе, читатель мог бы быть ознакомлен и в рамках элементарного очерка китайской истории.

Эпоха Тан (618-907 гг.) признается в учебнике временем классического феодализма, причем однако организация господствующего класса обрисована неясно: трудно понять, владели ли феодалы землей преимущественно на праве собственности или на поместном праве — автор одновременно утверждает то и другое. Крепостничеству Танского периода приписываются все черты, свойственные западно-европейской системе серважа. Новый локальный момент состоит главным образом в том, что китайских крестьян феодалы «сгоняли десятками тысяч на постройку дворцов и храмов» и при этом били их бамбуковыми палками. С другой стороны, из рассказа акад. Косминского видно, что и после революции рабов и варварских завоеваний рабство в Китае, в эпоху Танской империи, было чрезвычайно распространено. В Китае ежегодно ввозилось большое количество рабов, но главным источником рабства было собственное крестьянство: «Голодающие крестьяне часто продавали себя или своих детей в рабство. Если крестьянин брал деньги в долг и не отдавал их, то ростовщик мог сделать его своим рабом». Таким образом, в Китае не рабы становились крестьянами, как то было в Западной Европе, а крестьяне — рабами. Самое крепостничество Танской эпохи Косминский рисует как тотальную, эксплуатацию, в целом прогрессировавшую к рабству: «Феодал был полным господином над жизнью крестьянина, мог разорить его, искилечить, требовать с него каких-угодно повинностей». Следовательно, обычное право в Китае не защищало крестьянина, как то было в Европе. Все приведенные Косминским атрибуты китайского социального феодализма дают картину рабовладельческой по существу или по тенденциям эксплуатации. Такая картина ничем не отличается от социальной ситуации Ханьской эпохи, изображаемой в советской литературе в виде эпохи господства и расцвета рабовладельческих отношений в древнем Китае. При таких условиях едва ли возможно уяснить себе, чем именно социальная структура Танской империи отличалась от античной эпохи и насколько эффективной была революция рабов Середней империи.

Не вполне ясной оказывается и политическая и социальная организация Сунской империи (960-1279), когда в Китае вновь «укрепляются феодальные порядки». Начало Сунской эпохи отделяется от времени Танской династии крестьянским восстанием Хуан-Чао, одним из по-

следствий которого, как значительно ниже, в иной связи сообщает автор, была официальная отмена крепостничества. После подавления восстания положение крестьян вновь ухудшилось, но причины и формы этой новой деградации крестьянства остаются для читателя неясными. Это особенно относится к движению феодальной ренты в Китае. Еще в Танскую эпоху крестьяне, по Косминскому, были эксплуатируемы одновременно по линии всех трех видов средневековой земельной ренты: обрабатывая земли феодалов, они в то же время платили последним большие натуральные и денежные оброки, строили для феодалов дворцы и исполняли громадную работу на барщине государства, городов и храмов. В Сунскую эпоху вместо оброков крестьяне, по Косминскому, были обложены непомерными «поборами в пользу государства и феодалов». Чем отличаются танские оброки от сунских поборов, остается невыясненным. Вместе с тем подчеркивается, что в Сунской империи крестьяне, официально свободные, «на самом деле оставались на положении крепостных». При этом в условиях роста денежного хозяйства они не имели возможности расплатиться с чиновниками и феодалами и «принуждены были обращаться за деньгами к ростовщикам за огромные проценты». Из данного описания ясно, что феодальная рента в Китае уже в XI в. достигла наивысшего напряжения в форме денежных платежей, чего не было в Европе Раннего Средневековья. Но такой прогресс ренты предполагает весьма высокое развитие производительных сил в Сунском Китае, что плохо мирится со всеобщим «разорением» народа феодалами и имперскими чиновниками, на чем настаивает наш автор.

Акад. Косминский довольно много говорит о культуре Китая и ее превосходстве над культурой средневековой Европы. Но он не дает конкретного представления о памятниках китайского искусства Танской и Сунской эпох, ограничиваясь бессодержательными замечаниями, как напр.: «Китайские архитекторы строили красивые дворцы, храмы, мосты, башни... из камня, мрамора, железа и украшали фарфором, золотом, искусной резьбой». В заключение читаем: «Искусство глубоко вошло в быт высших классов. Почти каждая вещь, которой они пользовались, представляла собою произведение искусства». Феодалы, таким образом, оказываются не только алчными эксплуататорами или разбойниками, но и зачастую высоко культурными людьми, стремившимися к высшим духовным ценностям, и, следовательно, не всегда чуждыми глубоким мотивам национальной жизни. К сожалению, упоминая о проникновении в Китай буддизма, акад. Косминский не разъясняет читателям значения этой религии для развития культуры и искусства в средневековом Китае.

Из приведенных замечаний видно, что преподавание первого отдела истории Средних веков, построенного на сомнительных или ложных основаниях, находится в советской школе в неудовлетворительном состоянии.

Несколько более благоприятным, но все же весьма неутешительным является положение со II и III отделами курса.

II отдел Средневековой истории — «Европа и Азия XI-XV вв.» — дан в учебнике Косминского в виде сложного построения, соединяющего краткий обзор эпохи XI-XIII вв. с очерком истории XIV-XV столетий. Это соединение в общем изложении двух, по существу весьма отличных этапов исторического развития средневековой Европы, с включением в рассказ и событий на Ближнем и Дальнем Востоке, ставило перед автором учебника достаточно трудную задачу. Акад. Косминский начинает отдел с X главы, содержащей в себе очерк городов и торговли в XI-XIII вв., после чего помещает главы о крестовых походах (XI) и о монгольском завоевании (XII), к которым примыкает обширная XIII глава, посвященная быту и культуре XII-XIII вв. Вторая часть отдела содержит в себе историю отдельных стран Европы и отчасти Азии в таком порядке: Франция с Англией (в параллельном изложении) и Испания в XI-XV вв. и Россия в XIV-XV вв. (глава XIV); Германия и Чехия в XII-XV вв. (главы XV и XVI), Италия в XIII-XV вв. (гл. XVII), Юго-восточная Европа и Азия в XIV-XV вв. (гл. XVIII). Отдел заканчивается обзором европейской культуры в эпоху Возрождения — XIV-XV вв. (гл. XIX).

При таком расположении материала политическая история отдельных стран Западной Европы в XI-XIII вв. оторвана от экономического, социального и культурного процесса этих столетий и от таких международных предприятий, как крестовые походы. Читатель знакомится с последними крестовыми походами, с деятельностью папы Иннокентия III и его преемников или с расцветом готического стиля в искусстве значительно ранее, чем он узнает о начале Капетингов во Франции или о норманнском завоевании Англии. После изучения сложных общеевропейских социальных и культурных условий города конца XIII в. он впервые встречается с элементарной политической обстановкой во Франции конца X в., когда городское развитие делало в данной стране свои первые шаги: таким образом рассказ об освобождении коммун предшествует описанию их прежней феодальной подчиненности. С другой стороны, соединение крестовых походов в одном общем изложении, данном ранее истории отдельных стран Европы, ни в каком отношении не может быть рекомендовано, хотя такая практика встречается и в некоторых старых учебниках. Первый концентр II отдела требует, таким образом, полной перестройки — включения политической истории XI-XIII вв. и, прежде всего, — Империи и папства, бывших факторами общеевропейского значения; это изложение должно быть объединено с историей крестовых походов. В той же связи, казалось бы, должна быть излагаема и история России XI-XIII вв., т. е. история Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси, целиком исключенная Е. А. Косминским. Только после того может идти речь о монгольском завоевании. Второй концентр

данного отдела, с освобождением от присущего ему теперь анахронизма в построении, т. е. с отнесением всех событий политической истории XI-XIII вв. к первому концентру, мог бы открываться историей Столетней войны и в дальнейшем следовать в общем порядке Е. А. Косминского. Но это возвратило бы нас к традиционному строго продуманному и, в основном, единственно возможному плану, нарушать который нет никаких оснований.

«Период развитого феодализма» — XI-XV вв. — изучается в учебнике акад. Косминского во многих случаях на достаточно прочном фундаменте старой учебной традиции. Некоторые части, составляющих этот отдел глав производят впечатление, сходное с тем, какое читатель получает от соответствующих разделов учебных руководств Р. Ю. Виппера и некоторых других дореволюционных учебников. Работая над такими главами, акад. Косминский зачастую следует предшествовавшему движению учебно-методической мысли, и итоги его труда не способны поколебать буржуазную медиэвистику. Однако борьба с последней ведется и в этих главах, притом различными способами. Так, в них находится большое число замечаний, имеющих целью внушить читателю одну из основных тенденций акад. Косминского, господствующих уже в I отделе — мысль о безусловном антагонизме между основными классами средневекового общества — феодалами и крестьянами. Сюда относится, например, начало XIII главы⁵¹⁾, где находим, после характеристики феодального (крепостного) строя, параллельное описание жизни сеньоров и крестьян. Первые изображаются исключительно как алчные и бесовестные, неизмеримо свирепые мучители крестьян. К описанию этих качеств сеньоров приложена иллюстрация: феодальный приказчик бьет палкой крестьян и крестьянок во время жатвы господского хлеба: согбенные фигуры работающих выражают крайнее, смертельное утомление и страх перед неизбежными ударами палки приказчика. Из такого изображения учащиеся едва ли смогут усмотреть какое-либо различие между средневековым поместьем и античной виллой с ее эрэгстулом. При этом становится непонятной тут же приводимая Косминским фраза Сталина, что, в отличие от древнего рабовладельца с его правом жизни и смерти по отношению к его рабу, феодал «не имел права убить крестьянина», но «мог его купить и продать». Формула Сталина в своей первой половине не соответствует контексту Косминского, но она неудовлетворительна и по существу, в научном отношении. Неслучайно ее нет в «Лекции о государстве» Ленина, при всей его безответственности и презрении к буржуазной науке значительно более, чем Сталин, осторожного в суждениях, относящихся к истории права. В указанном выступлении Ленин замечает, что в античную эпоху «убийство раба не считалось преступлением», но, перейдя к Средневековью, он не продолжает начатого анализа, не говорит и о праве помещика продавать и покупать крестьян, в чем, идя за Сталиным, Е. А. Кос-

51) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 101-102.

минский видит характеристическую черту крепостного состояния. «Основной признак крепостничества» Ленин усматривает в том, что «крестьянство считалось прикрепленным к земле, откуда произошло и самое понятие — крепостное право»⁵²). Но это определение по существу несовместимо с утвердительной стороной формулы Сталина. Подчеркиваемое Е. А. Косминским право феодала на продажу и покупку крестьян, как господской собственности, есть черта не крепостнического, а рабовладельческого строя, выступающая в Средневековой и даже в Новой истории в виде элемента или еще не угасшего или — при определенных политических и экономических условиях — возрождающегося рабства. Мало проясняет сознание читателя и другая — отрицательная — сторона приводимого Косминским сталинского тезиса — отсутствие у феодала права на убийство крестьянина. Английский виллан XIII в. юридически признавался рабом, но общие суды запрещали лорду убийство виллана или причинение ему членовредительства. П. Г. Виноградов подчеркивал, что в данном отношении Bracton и другие юристы только воспроизводили касавшиеся статуса рабов законоположения поздней Империи времен Адриана и Антонина Пия⁵³). Следовательно, не всегда жизнь античного раба или приравненного к рабу средневекового крепостного зависела, в правовом отношении, от произвола господина. С другой стороны, сам акад. Косминский замечает, что в Арагоно-Кастильском королевстве «феодал мог распоряжаться личностью крестьянина, даже имел право его убить, захватывать имущество крестьян, требовать каких угодно повинностей, брать штрафы и всякие поборы»⁵⁴). Следовательно, не всегда жизнь крепостного в Средние века была защищена законом от произвола сеньора. Искать легальной границы между рабством и крепостничеством в праве рабовладельца на жизнь и смерть раба и в отсутствии такого права у феодального сеньора по отношению к крестьянину — как то делает Е. А. Косминский вслед за Сталиным — нет возможности, и не следовало бы навязывать читателю массового учебника неправильную по существу точку зрения. Основным однако является то, что средневековая, как и всякая действительность определялась далеко не одними юридическими нормами. Нельзя смешивать право и факт. Если закон феодальной эпохи запрещал сеньору убийство крепостного крестьянина, то разве сеньор в большинстве случаев не мог сделать это вне всякого права и закона и тем не менее остаться безнаказанным? И именно из рассказа акад. Косминского любой читатель сделает заключение, что убийство крестьян составляло обычное занятие сеньора. И тем не менее повседневная средневековая действительность, при нормальных условиях жизни, не могла быть столь безысходно трагической, как ее представляет читателю Е. А. Косминский. Положение феодала в любую эпоху за-

52) В. И. Ленин. Лекция о государстве. Соч., 4 изд., т. XXIX, стр. 442-443.

53) P. Vinogradoff. Villainage in England, Oxford, 1892, p. 47.

54) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 145.

висело от числа и состояния подчиненных ему крестьянских хозяйств или ремесленных мастерских, и классовая эксплуатация всегда имела свои границы. Притом, средневековые крестьяне находились под защитой не столько законов, сколько обычая, манориального или регионального кутюма. Между тем обычное право средневековой Европы в учебнике Косминского вовсе не упоминается. Вместо того подчеркивается постоянная готовность сельских общин к совместному вооруженному сопротивлению феодалам, которые «ненавидели и презирали крестьян, но боялись их». В свою очередь крестьяне «с ненавистью смотрели на замок, возвышавшийся над деревней, на страшное гнездо хищника-феодала»⁵⁵). Как возможно существование общества, в котором царит полярная противоположность интересов и целей и связь классов поддерживается только террором? И насколько мирится такое воззрение с принципом относительно прогрессивного значения феодального способа производства и с законом обязательного соответствия между производительными силами и производственными отношениями? Советские историки, вслед за Сталиным, слишком часто говорят о негативной, революционной стороне этого закона. Но у него есть и своя позитивная сторона: крупное феодальное землевладение и самое крепостное хозяйство светского или духовного сеньора имели когда-то и положительное значение.

Подобная тенденция обнаруживается и при описании цехового строя средневекового города в X главе учебника акад. Косминского. Здесь мастер рисуется главным образом как эксплуататор: «Мастера жестоко эксплуатировали учеников, заставляли их делать всякие работы по домашнему хозяйству. И мастер, и его жена часто били учеников. Подмастерьев заставляли много работать, старались урезать их заработную плату»⁵⁶). Отношения, не преобладавшие и в Позднем Средневековьи, здесь безоговорочно выдаются за общее правило для XI-XIII вв. Производительная, творческая, организующая роль средневекового цехового мастера — слишком видное и важное явление в истории средневековой Европы.

Вследствие господства такого рода и иных ненаучных тенденций даже лучшие главы II отдела учебника Е. А. Косминского не свободны — как в конкретно-историческом, так и в методическом отношении — от глубоких недостатков и вызывают многие замечания.

Глава X, весьма содержательная и в особенности основанная на старой учебной традиции, построена по схеме: возникновение ремесла — возникновение городов — города в Византии и на Востоке — рост городов в Европе — купцы — цехи и гильдии — городское самоуправление — торговые пути — Новгород и Псков — ярмарки и банки⁵⁷). Каждое из этих подразделений насыщено краткими, но по содержанию сложными построениями и обобщениями и не содержит в

55) Там же, стр. 101.

56) Там же, стр. 84.

57) Там же, стр. 81-88.

себе ни живых примеров, ни конкретных описаний. Это — своего рода анатомия городского строя Средних веков в основных и общих его чертах. Одна из тенденций данного, тщательно обработанного изложения соединяет вопросы Высокого Средневековья с историей IV-XI вв., данной в I отделе учебника⁵⁸), в утверждении: «В большей части Европы в течение всего Раннего Средневековья почти не было городов... В Раннем Средневековье в Европе городами назывались укрепленные места». Однако непосредственно после того сообщается, что города, как центры промышленности и торговли, стали «подниматься» в Европе с IX в. — и не только в старой романской стране — Италии (где отмечаются Венеция и Генуя), но, напр., в России: Киев, возникший «на пути из Варяг в Греки», был в IX в. «большим торговым городом», а затем стал «соперником Константинополя». Наряду с Киевом «поднялся Новгород и другие русские города», что побудило варягов назвать Русь «Гардарика» («страна городов»). Восточная Европа была, таким образом, более развитой и передовой частью континента: только «с XI в. и остальная Европа покрывается сетью городов», возникших как «поселения ремесленников». В данной главе, впрочем, эти ранние западно-европейские города не упоминаются конкретно, за исключением Брюгге.

Здесь мы имеем дело с тремя предвзятыми тенденциями Е. А. Косминского — антироманистской, антизападнической и, — в конструктивном аспекте, — механистической. Первая из этих тенденций побуждает автора замалчивать римское происхождение громадного количества ныне существующих западно-европейских городов. Почти все римские города были якобы навсегда разрушены варварами и рабами, что, по Косминскому, было необходимо для победы революции, отделяющей древний мир от Средневековья. Вторая тенденция, диктуемая задачами борьбы с космополитизмом, соединяется с весьма заметным обходом вопроса о времени начала городской жизни в древней Руси. Дело в том, что современные советские историки, опираясь на данные новейшего археологического исследования, идут в этом вопросе значительно далее Е. А. Косминского, внутренне склонного к значительному консерватизму и старой научной традиции. Так, акад. Б. Д. Греков говорит о наличии у восточных славян уже в VII-VIII вв. «городов, которые имели не исключительно характер укрепленных пунктов», или даже о «бесспорных признаках возникновения городов у антов», т. е., может быть, в еще более раннее время⁵⁹). Если бы акад. Косминский присоединился в учебнике к этим новым воззрениям с достаточной определенностью, то он довел бы антизападническую тенденцию своего изложения до абсурда: получилось бы, что города в За-

58) Там же, стр. 41-43.

59) Akad. B. D. Grekow. Die russische Kultur der Kiewer Periode. Moskau, 1947, S. 27-28. Подобные утверждения, зачастую вполне основательные, являются теперь господствующими в советской историографии, но только по отношению к Восточной Европе.

падной Европе возникли на 5-6 столетий позднее, чем в России. Не идя так далеко в этом рискованном противопоставлении Запада и Востока, акад. Косминский все же стремится выключить начало городского строительства в Западной Европе из пределов Раннего Средневековья и отнести его к «эпохе развитого феодализма» (с XI в.). Но даже в Германии, которую акад. Косминский систематически изображает как самую отсталую страну всей Европы, массовое основание средневековых городов принадлежит к эпохе Саксонских императоров, т. е. к X в. и, следовательно, по схеме Косминского — к Раннему Средневековью. Высокое Средневековье было уже временем укрепления городского быта и расцвета городской культуры. Неверно и то, что города всегда возникали как поселения бежавших от своих сеньоров вотчинных ремесленников. Безраздельное господство «рыночной теории» вводит сильный элемент экономического материализма и механистического понимания исторического процесса. Нельзя исключать даже из элементарного учебника такие факты, как, например, строительство Генрихом I «укрепленных и снабженных провиантом убежищ с меняющимся населением из военно-служилых людей и мелких вассалов из окружающего оборонительно-крепостного дистрикта — местечек, в которых позднее многообразно развилась городская жизнь с торговлей и ремеслами»⁶⁰). Следовательно, далеко не всегда ремесленники бежали от сеньоров: зачастую они селились именно там, где жили сеньоры, и всего чаще, конечно, там, где жил их собственный сеньор. Сам акад. Косминский вынужден признать, например, наличие городов, возникших в виде «посадов» «у стен монастырей», т. е. под контролем самых бесчеловечных и свирепых, по Косминскому, средневековых эксплуататоров. О городах, возникших при королевских пфальцах и бургах, епископских и княжеских резиденциях, в учебнике Косминского нет речи. При определении критерия перехода от поселения к городу автор ограничивается двумя моментами — наличием рынка и стены, т. е. остается в плену почти исключительно экономического воззрения, не осложняя его юридическими или политическими признаками.

Из отдельных неслучайных упущений в этой главе обращает на себя внимание отсутствие понятия о «шедевре» и о многих других элементах цехового быта, а также исключение термина «городское плебейство» наряду с подчеркиванием роли «городского патрициата».

В главе XI⁶¹) всюду, хотя и не без противоречий, проведен принцип вульгарного материализма. Единственным мотивом крестовых походов признается «жадность» феодалов, рыцарей, купцов, королей, императоров и особенно пап, епископов и монахов, с вожделением представлявших себе богатства Византии и мусульманского Востока.

60) К. Н а т р е, Das Hochmittelalter, Berlin 1932, S. 14-15. Знаменитый медиевист ставит это военно-городское строительство в Германии начала X в. в связь с его «англо-саксонским прообразом», там же, стр. 15.

61) Там же, стр. 89-96.

«Народ», в частности «крестьянство, измученное работой на господ», в столь низменных мотивах участия в крестоносных предприятиях не обвиняется, хотя крестьянское устремление на Восток носило местами массовый и вполне примитивный характер. В связи с исключением момента религиозного фанатизма знаменитый Петр Амьенский получает, наконец, свою «отставку» и не упоминается в учебнике Косминского; но и имена вождей рыцарских полчищ исключены из изложения. Акад. Косминский описывает лишь четыре первых крестовых похода, из их инициаторов называет только папу Урбана II, а из крестоносных руководителей — Ричарда Львиное Сердце. Об идеальном феодализме Иерусалимских Ассиз тем более нет речи. Оценки действий крестоносцев в походах и в Палестине выдержаны в духе безусловного осуждения. Однако по ряду политических соображений умалчивается о таком действительном преступлении «освободителей» Иерусалима в 1099 г., как уничтожение еврейского населения «святого города», хотя описывается «массовая резня мусульман». В последней части главы неожиданно является сильно написанная сцена крестового «похода детей» XIII в. (без указания точных дат), откуда читатель делает естественное заключение, что религиозные побуждения, вопреки предыдущему изложению автора, играли громадную роль во всей истории крестовых походов.

В главах, посвященных истории азиатских стран данного периода, акад. Косминский дает главным образом только очерк образования Монгольской империи и лишь бегло касается внутренней истории Китая, Индии и Средней Азии. Изложение предполагает большую подготовленность учащихся, чем это обычно имеет место в современных советских условиях: данные исторической географии, хронологии, особенности быта и нравов восточных стран, своеобразие их культуры и искусства, — все это показано слишком фрагментарно и поверхностно. В частности, для понимания истории Чингисидов и их государства⁶²⁾ была бы весьма полезна генеалогическая таблица с хронологическими указаниями, что позволило бы учащимся легко запомнить важнейших великих ханов, иль-ханов и ханов Золотой орды. Но в тексте данного учебника мы не находим даже имен Угедея, Куюка, Мангу, «монгольского Наполеона» Субутая и др. Изложение в этой главе иногда носит противоречивый характер. Например, подчеркивается, что, завоевав Россию, монголы в Венгрии и Чехии «натолкнулись на сильное сопротивление». У учащихся является впечатление, что западный мир отстоял свою независимость и культуру на полях сражений. Почти одновременный (апрель 1241 г.) разгром немецко-польского рыцарства при Лигнице и венгерского на берегах Сайо говорит об ином. С другой стороны, прекращение похода Вату и Субутая на Западную Европу после получения известия о смерти Угедея мотивируется у Косминского «непрекращавшейся борьбой русского народа против завоевателей». Эта новая патриотическая леген-

62) Там же, стр. 96-100.

да заменяет более реальное объяснение — роль политических планов Бату, соперника Куюка, и, позднее, общее противоречие между Бату и Тулидами, сковавшее агрессию Золотой орды на западных границах подвластной ей территории.

Далее, под рубрикой «монгольское иго», автор пространно выясняет роковое значение монгольского завоевания для культурных стран Азии и Европы, огромные размеры причиненных этим странам разрушений и длительность следа монгольского ига в истории народов. Русский народ, «глубоко ненавидевший» монголов, как «свирепых захватчиков», признается авангардом поработенной ими части человечества в борьбе за освобождение: на материале монгольского завоевания советские школьники учатся «глубоко ненавидеть» потенциальных противников Советского Союза. Для достижения такого воспитательного эффекта акад. Косминский усиливает в данном случае эмоциональную трактовку исторических событий — он негодует, обличает, возмущается, горько сетует, призывает к ненависти, требует мести и т. п., явственно обнаруживая свою действительную тенденцию. Исторический процесс, как таковой, его уже не интересует. Какими объективными последствиями для стран Азии и, в известной мере, для Европы, кроме разрушений, сопровождалось возникновение Монгольской империи на пространстве от Днестра до Тихого океана и от центральной Сибири до Персидского залива, нельзя узнать из учебника. Зато несколько неожиданно для читателя обнаруживается, что не все классы покоренных монголами народов были вполне враждебны монгольским правителям. Так, в восстании Махмуда Тараби 1238 г. в Бухаре участвовали, как видно из слов автора, лишь городские ремесленники, к которым затем примкнули «крестьяне». Но «феодалная знать, купечество и мусульманское духовенство, испугавшись восстания трудящихся, объединились с монголами для борьбы с восставшими». Махмуд одержал над монголами и своими согражданами «блестящую победу», но погиб в бою, после чего «монголы собрали большие силы и подавили восстание». Это отчасти фантастическое повествование может быть понято в смысле указания на внутреннюю, гражданскую войну, но он предполагает бурную и напряженную городскую жизнь в Бухаре. Однако ранее сообщалось о сожжении этого города Чингис-ханом в 1220 г., когда, по словам акад. Е. А. Косминского, все население Бухары, и прежде всего богатое или способное к ремесленному труду, было истреблено или уведено монголами в рабство. Читателю трудно разобраться в таких противоречиях.

Немало противоречий и в рассказе о завоевании Ирана и Китая. Опустошение Багдада в 1258 г. было, по Косминскому, гибелью «центра мусульманской культуры». Но в первом отделе учебника категорически утверждалось, что Ислам безусловно враждебен науке и культуре и что последняя развивалась на Ближнем Востоке исключительно в борьбе с Исламом. Читатель может заметить, что акад. Косминский должен был бы говорить не о мусульманской, но об анти-мусульманской культуре. Что касается Сунского Китая, то политика

Хубилая по завоевании страны (1267-1279) представлена Косминским в крайне упрощенном виде. Хубилай, получивший китайское образование, преклонявшийся пред китайской культурой и сделавший Китай центральной частью империи, именуется только «жестоким захватчиком», и между разгромом Хорезма или России и режимом Великих ханов в Серединной империи не устанавливается никакого различия. «Хубилай сгонял китайских крестьян с земли и наделял поместьями монголов. Огромные пространства возделанной земли были превращены в пустынные пастбища. Китайцев монголы всячески унижали, не допускали к занятию должностей» и пр. При этом становится совершенно непонятной характеристика блестящей цивилизации эпохи Юань, которую акад. Косминский дает далее, в главе XIII, говоря о «культурном превосходстве Китая над Европой» и ссылаясь на записки Марко Поло.

Во главе XIII⁶³⁾, вслед за отмеченным нами выше противопоставлением жизни крестьян быту насильников-феодалов, подробно, но весьма односторонне изображается средневековое рыцарство: рыцари были якобы исключительно бойцами и специалистами военного дела, причем занимались главным образом «внезапными хищными наездами на соседей». Далее упоминается, правда, «рыцарская служба» и описывается церемония «посвящения в рыцари», но не разъясняются ни значение этой службы, ни взаимные — моральные и формальные — обязательства, соединявшие сеньора и вассала. Вместе с тем всюду подчеркиваются невежество, глупость, жадность, жестокость, паразитизм, пьянство и хищничество рыцарей. Представив таким образом отрицательно-идеализированный образ средневекового рыцаря, акад. Косминский полагает себя застрахованным в данном случае от обвинений в «буржуазном объективизме» и «космополитизме» и считает возможным в конце параграфа сделать косвенную уступку совершенно противоположному воззрению: неожиданно для читателя, в связи с характеристикой Песни о Роланде, замковой поэзии и рыцарских романов, говорится о «подвигах рыцарей», их «храбрости», «презрении» к врагам, осуждении «измены» сеньору и т. д. «В лице Роланда был создан идеальный образ рыцаря», трубадуры «воспевали любовь, природу, войну», в романе «Тристан и Изольда» «прославляются верность и преданность в любви». С еще большим воодушевлением А. Е. Косминский говорит ниже о рыцарском идеале в поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Читатель вновь остается в недоумении: верить ли учебнику, рисующему «реальный» образ рыцаря-хищника, или рыцарской поэзии Средневековья, воспроизводящей «идеальный» тип рыцаря-героя? Затруднение возрастает, если читатель вспоминает, что слово «рыцарь» и в советском быту и печати не только не носит одиозного характера, но употребляется для идеализирующего обозначения деятелей большевизма: напр., Дзержинский всегда именуется «рыцарем революции».

63) Там же, стр. 100-121.

Параграф, посвященный «жизни горожан», по ряду моментов должен был бы составлять часть X главы, с которой он имеет много общего. Новым здесь является, главным образом, изображение внешнего и внутреннего вида средневекового города с добавлением пассажа о мировоззрении городского населения XII-XIII вв. При этом всюду акад. Косминский рисует горожан данного времени в виде антифеодалных революционеров и заклятых противников католического духовенства — «попов и монахов». Естественно, что при такой «установке» он не имеет возможности представить черты подлинного быта средневекового города с его всепоглощающим благочестием, жизнью по звону церковных колоколов, культом святых — патронов цехов и частей города, взрывами религиозного воодушевления и фанатизма, покаянными процессиями, флагеллантами, религиозным просвещением и искусством, общегородским строительством колоссальных соборов, возникновением новых и новых монастырей и т. д. О церковном искусстве и его широком, демократическом характере в учебнике Косминского вообще нигде нет речи. Беглые замечания о романском и готическом стилях в архитектуре даны значительно ниже, в полном отрыве от характеристик духовной атмосферы Средневековья и помещены в такой связи, чтобы они не были в состоянии поколебать уже воспитанное в сознании читателя представление о сплошной антирелигиозности средневекового города.

В следующем параграфе XIII главы, написанном нарочито вульгарным языком, автор разъясняет сущность поповских методов «одурманивания народа и подчинения его влиянию церкви». Данное разъяснение необходимо, так как автор, в полном противоречии с предыдущим параграфом, утверждает, что «над умами средневековых людей всецело господствовали религия и церковь». Вместе с тем он здесь же подчеркивает, что именно церковь была оплотом феодальной эксплуатации, каковая, по другим настойчивым указаниям Е. А. Косминского, держалась в течение веков исключительно физическим насилием вооруженного и государственно организованного класса феодалов над безоружным и неорганизованным крестьянством. Академик Косминский насчитывает три причины церковного господства над умами трудящихся: слабое развитие техники, обуславливавшее могущество магического мировоззрения; экономическая мощь духовенства, владевшего огромными земельными фондами; торжественные церковные обряды — «расшитые золотом одежды попов, их величавые и таинственные жесты, непонятные слова на латинском языке, красивое пение в сопровождении органа... процессии с хоругвями и статуями святых». Следующие затем замечания о «власти пап», могуществе Иннокентия III, ересях и инквизиции составляют фрагменты выключенной из 3-го издания учебника, хотя и совершенно необходимой по существу особой главы об империи и папстве в Высоком Средневековьи. Теперь они выступают как иллюстрации к общим исходным тезисам автора по вопросам средневековой культуры и быта, не составляя осо-

бого звена в плане учебника. Эти замечания имеют по преимуществу воспитательное значение. Автор с искусственной страстностью подчеркивает именно те преступления Средних веков, которые способны вызвать в сознании читателя ассоциацию с террористическим режимом Советского Союза: доносы, аресты, тюрьмы, пытки, мучительные казни «неповинных людей», карательные экспедиции, невероятную жестокость церковного режима в целом, ужас в отдельных странах и во всей Западной Европе. Таким нервным, негодующим, как бы захлебывающимся в обвинениях и требованиях мести изложением Е. А. Косминский слишком ясно выдает одно из оснований, побуждающих советскую медиэвистику к ее усвоенному ныне нарочито воинственному и мелодраматическому тону. Далее, в 4-ом параграфе данной главы — «Школа, наука и искусство» — церковь признается главной виновницей средневековой отсталости: без ее учреждений и деятельности Западная Европа скорее достигла бы культурного процветания. Латинский язык был непонятен народу и сделал для него недоступным средневековое просвещение. Университеты, за исключением Парижского, где «больше всего изучали... теологию», не имели якобы никакого отношения к церкви, преследовавшей науку, осудившей Роджера Бэкона и т. д. Слово «схоластика» в учебнике Косминского не встречается.

Несколько серьезнее и правдивее трактуется — как то мы отметили уже для первого периода — культура Востока и арабской Испании. Вполне правильно — хотя слишком кратко и излишне подчеркнуто — рисуется быстрое культурное развитие домонгольской Руси, Грузии и Азербайджана.

XIV глава⁶⁴) включает в себя историю Франции, Англии и Испании в XI-XV вв. и России в XIV-XV столетиях. Экономическое развитие первых трех западно-европейских стран очерчено чрезвычайно бледно. Особое ударение в этой главе лежит на «феодальном», т. е. крепостническом характере усилившейся в данном периоде королевской власти. Этим исключается обычное в «буржуазных» исторических учебниках противопоставление феодального (в политическом смысле) режима централизующим стремлениям национальной верховной власти. По Косминскому, между феодалами и королями не было действительного противоречия: их общим интересом было сохранение и укрепление крепостнической эксплуатации крестьянства. Расхождение имело место лишь по вопросу о способах политической организации этого феодального классового господства в той или другой стране в условиях растущего сопротивления крестьянства и его восстаний против феодализма. Успехи королевской власти в собирании земель вокруг государственного центра и в ослаблении системы феодальной иерархии и территориального верховенства сеньоров не имели будто бы никакого отношения к общенациональным интересам стран За-

64) Там же, стр. 122-151.

падной Европы и означали только создание предпосылок для дальнейшего усиления эксплуатации деревни и для подчинения городов феодальному правительству. Став на почву такой концепции, ничем не отличающейся от, казалось бы, давно осужденной вульгарно-материалистической историософии времен Покровского, акад. Косминский подвергает традиционный учебный материал громадному систематическому сокращению в аспекте главным образом политической истории, не имеющей в глазах ждановского руководства никакого существенного значения для курса истории в средней школе. Зато весьма расширены драматизированные очерки крестьянских восстаний и введено в изложение громадное количество суждений оценочного характера, долженствующих убедить читателей в реакционной крепостнической природе королевской власти в Высоком Средневековьи. При этом однако, следуя своему обычному методу, Е. А. Косминский пытается кое-где, в ненатуральной связи и — по большей части — не в должных местах, делать оговорки, иногда по существу разрушающие всю его стратегическую диспозицию.

Феодальное раздробление Франции с конца X в. представлено в обычных чертах, но номенклатуру светских феодалов в необходимом объеме можно усмотреть только из прилагаемой схематической карты — впрочем, духовные лены и на карте отсутствуют. Данные династического и хронологического порядка чрезвычайно скудны: не приведена даже дата избрания Гуго Капета королем Франции. Из времени позднейших Капетингов приводятся только некоторые данные о Филиппе II Августе и Филиппе IV Красивом. Бросается в глаза исключение из элементарного учебника «святого короля» — Людовика IX; его имени нет и в главе о крестовых походах. Отдельные герцогства и графства феодальной Франции фигурируют всюду без специальных характеристик, за исключением королевского домена. Показанное на карте и упоминаемое в тексте «герцогство Бургундия» выступает как загадка для читателя, так как в I отделе слово «Бургундия» не встречается. Говоря о начале Генеральных Штатов, как, впоследствии, и о других аналогичных учреждениях в Средние века, акад. Косминский не прибегает к общему понятию сословной монархии и нигде не приводит данного термина.

Переходя к Англии XI-XV вв., автор достаточно содержательно рассказывает о норманнском завоевании и политике Вильгельма I, но в дальнейшем исключает столь важные моменты как реформы Генриха II Плантагенета. Далее, история происхождения Великой Хартии Вольностей дана достаточно конкретно; то же относится и к возникновению парламента. Однако и в том, и в другом случае Е. А. Косминский в особенности вынужден присоединить к своему рассказу ряд оценок, выдержанных в ждановском стиле, в частности он представляет английский парламент Средних веков учреждением, созданным исключительно для эксплуатации «крестьян, ремесленников и подмастерьев».

В следующем параграфе события Столетней войны выступают

только как фон для изображения крестьянских восстаний во Франции и Англии XIV в.: из 8 страниц данного параграфа 5 уделено Жакерии и восстанию Уота Тайлера. Из французских деятелей эпохи вовсе не названы Бертран Дюгеклен, Карл VI, Карл VII, Карл V фигурирует только в рассказе о восстании Этьена Марселя, т. е. в свою бытность дофином, следовательно — без титульной нумерации. О Бургундии первой половины XV в. и о Филиппе Добром нет ни слова. В рассказе о Жанне д'Арк умалчивается о походе на Реймс и коронации Карла VII; не указано, где именно была сожжена Орлеанская дева. Английская сторона представлена в столь же обезличенном виде: не упомянуты ни Черный Принц, ни Генрих V. Нет также имени Ричарда II и не указаны время и обстоятельства появления Ланкастерской линии Плантагенетов на английском престоле. Даже социально-культурная история Англии половины XIV в. дана с грубейшими экстирпациями — нет речи даже о Виклефе и лоллардах. Но особенно удивительно в «марксистском» учебнике отсутствие конкретного описания французской и английской деревни перед восстаниями XIV в. Акад. Косминский на всем протяжении элементарного учебника выдвигает на первый план классовую борьбу в Средние века, систематически исключая моменты общей политической истории. Но он не дает и последовательной социальной истории — ни феодальной деревни, ни средневекового города. Классовая борьба крестьянства изображена в виде взрывов или вспышек, ближайшие причины которых или вовсе не указываются, или сводятся к внешним обстоятельствам, в данном случае — событий Столетней войны. Учащиеся не получают никакого представления ни о французском серваже, ни об английском вилленейдже. Особенности развития французской и английской деревни, виды и степени закрепощения, условия труда и быта, хозяйственные системы, смена форм феодальной ренты — все это игнорируется акад. Косминский вплоть до рассказа о крестьянской эмансипации XV в. Поэтому ни Жакерия, ни английское восстание 1381 г. не становятся близкими сознанию читателя. Место конкретного объяснения занимает эмоциональная и пропагандистская трактовка событий. Она должна, по замыслу автора, внушить читателю антифеодалные и антицерковные настроения, но она не ставит вопросов и не будит мысли.

Акад. Косминский в данной главе, как и в других случаях, представляет средневековые крестьянские восстания и их вождей в идеализированном виде, фактически постоянно скатываясь на народнические позиции анархистско-бакунинского типа. Он безусловно оправдывает и пропагандирует асоциальную, разрушительную сторону этих движений, стремления крестьян к присвоению имущества феодалов, восхваляет слепую, темную стихию крестьянского бунта и его разбойнические элементы, т. е. идет по пути, от которого предостерегал советских историков сам Сталин в беседе с Эмилем Людвигом. Наряду с тем, акад. Косминский, следуя вульгарной большевистской традиции, не замечает иных, прогрессивных и ценных элементов крестьянских движений — идеологического и позитивно-государственного ха-

рактера. Он настойчиво затушевывает способности средневекового крестьянства к положительному политическому мышлению, о чем около 30 лет тому назад так прекрасно писал проф. А. А. Кизеветтер⁶⁵). Косминский настойчиво уверяет, что без должного «руководства» достаточно организованной «городской бедноты» крестьянские выступления в Средние века не имели шансов на какое-либо успешное течение и завершение. Так идеализация негативных сторон крестьянских движений соединяется у Е. А. Косминского с непониманием прогрессивно го значения положительной стороны этих движений.

В частности, выступление французских «жаков» дано Косминским в традиционных чертах антифеодального бунта и погрома, причем крестьяне, рассматриваемые марксистским историком сквозь призму рассказа феодальных хроник, рисуются как дикие разрушители замков. Акад. Косминский меняет только оценки и эмоциональную направленность речи: расправу «жаков» с сеньорами он описывает с горячим сочувствием, а карательные экспедиции рыцарей — с негодованием.

Более ответственной задачей оказывается изображение в элементарном учебнике английского крестьянского восстания, более сложного и лучшего нам известного. Соответствующий рассказ у Косминского составлен искусно и в учебно-методическом отношении стоит высоко — он дает картину событий и остается в памяти читателя. Но в теоретическом отношении рассказ страдает отсутствием конкретных мотивировок и должного анализа. Е. А. Косминский умалчивает о рабочем законодательстве Эдуарда III и не восстанавливает подлинной ситуации в английской деревне конца XIV в. Разложение манориального строя, частичная эмансипация вилланов, появление вольнонаемных сельскохозяйственных рабочих, феодальная реакция половины XIV в., все это исключено из рассказа автора. При описании крестьянских волнений 1381 г. Е. А. Косминский с удовлетворением общает: «Крестьянские отряды громили монастыри и помещичьи усадьбы, уводили скот, уносили имущество и жгли документы, где были записаны крестьянские повинности. Крестьян поддерживала и городская беднота. . . она стала расправляться со своими притеснителями, начала разбивать конторы и магазины, убивать богатых купцов, промышленников и ростовщиков». Если бы восстание Уота Тайлера и Джона Болла вошло в историю только с такими чертами, что можно было бы думать о политических интересах и государственном сознании трудящихся масс английского народа? Между тем именно данное восстание, более многих других событий Средневековой истории, показывает нам подлинное лицо английского крестьянства XIV в., какое невозможно свести к грабегам и убийствам оставшихся без защиты отечественных феодалов и горожан. В сущности число таких убийств было совершенно незначительно в сравнении с возможным

65) А. А. Кизеветтер. К истории крестьянских движений в России и др. статьи в сборниках «Крестьянская Россия». Прага 1923.

объемом народной «расправы». Программы социальных преобразований, заявленные восставшими крестьянами в двух лондонских свиданиях с королем Ричардом II, удивляют нас зрелостью и высотой крестьянского социального и государственного идеала. Они вместе с тем показывают, что крестьяне не потеряли и своих исконных национальных и монархических убеждений. Акад. Косминский, таким образом, оказывает английскому крестьянству дурную услугу.

То же самое следует еще раз сказать и об отношении Е. А. Косминского к крестьянству средневековой Франции: достаточно указать на скомканную в учебнике историю выступления Жанны д'Арк с ее национальными, монархическими и религиозными убеждениями и лозунгами, приведшими в движение массы французской деревни. Несмотря на всю односторонность изложения автора, читатель видит, что подлинная физиономия этой деревни вовсе не укладывается в рамки движения «жаков», как бы ни представлять себе это движение.

В следующем параграфе, посвященном истории Франции и Англии после Столетней войны, борьба Людовика XI с феодалами и Карлом Смелым дана в совершенно изувеченном виде. Тут не говорится о «Лиге общественного блага», о битве при Монлери, о территориальном, экономическом и политическом росте Бургундии, о развитии Швейцарии и роли кантонов и их наемной пехоты в политической и военной истории второй половины XV в. Остается совершенно неизвестным, в каком сражении и при каких обстоятельствах погиб Карл Смелый, яркая личность которого не может не интересовать учащихся. Несравненно полнее, спокойнее и интереснее представлена история Англии в эпоху войны Роз, причем достаточное внимание, в виде исключения, уделено и вопросам династической истории. Зато не находим в данном тексте никаких указаний на современную и более раннюю историю Шотландии и Ирландии, что обыкновенно имело место в старых учебниках.

В параграфе IV дается главным образом социальная история средневековой Испании, представленная достаточно полно и точно; политическая история, за исключением основных моментов реконквисты, и здесь доведена до незначительного объема. Сравнительно обстоятельно характеризуется только абсолютизм «католических королей» (Фердинанда и Изабеллы), а всего подробнее и в сильно эмоциональном аспекте характеризуется испанская инквизиция.

В параграфе, трактующем «образование Русского государства (XIV-XV вв.)» обращает на себя ничем не мотивированная номенклатура: учащиеся неизбежно приходят к абсурдному заключению, что до XIV в. Русское государство не существовало, следовательно, вся история Киево-Новгородской и Владимиро-Суздальской Руси вплоть до образования и усиления Московского княжества или не относится к собственно русскому прошлому, или принадлежит к догосударственному периоду. Иван Калита упоминается как фигура, уже знакомая учащимся — без раскрытия его генеалогии, политической деятельности и отношений к другим русским княжествам его времени. Как и

другие параграфы, посвященные истории России, данная часть главы изображает отечественную историю в наиболее благоприятном виде. Политика московских князей находит безусловное сочувствие со стороны автора. Даже антирелигиозная тенденция учебника выражена здесь в смягченном виде: вместо обычных острых нападок на церковь, как это мы видим в главах, относящихся к Западной Европе, акад. Косминский, говоря о России, ограничивается умолчанием о государственной и патриотической деятельности русской церкви, о переносе резиденции русского митрополита во Владимир и затем в Москву, о государственной активности митрополитов Петра и Алексия и др. Указание на церковные дела даны только в рассказе о захвате Киевщины Литвой и Галичины Польшей. При этом отмечаются преследования русской народности и православной церкви польскими и литовскими феодалами и без насмешек, но глухо и в кавычках говорится о православии, как вере народа — крестьянского и ремесленного населения Юго-западной России.

История Германии XII-XV вв. (гл. XV)⁶⁶⁾ намеренно сдвинута с бесспорно принадлежащего ей места центральной темы Высокого Средневековья и поставлена между историей России и Чехии в отрыве от общеевропейских политических процессов данной эпохи. Говоря о Германии, акад. Косминский в особенности чувствует себя как бы на поле сражения: вторая мировая война для него вовсе не закончилась, и язык антинемецкого пропагандиста еще не заменился объективным рассказом о делах далекого прошлого, сливающегося в учебнике с темами и эмоциями недавних для нас событий. Данная глава слагается из трех параграфов: «Захваты в Италии», «Захваты на Востоке» и «Города. Раздробление Германии». Таким образом, две трети главы посвящены агрессивной внешней политике империи и отдельных государств феодальной Германии.

Исходным моментом рассказа является «раздробленность Германии», причина чего справедливо, хотя и недостаточно, усматривается в отсутствии экономической связи и единого центра. Эта мысль однако брошена на полдороге: вместо ее разработки автор внезапно переходит к идеалистически звучащим страстным нападкам на императоров, рыцарей и города Германии, деятельность которых «была направлена не на объединение своей страны, а на грабежи и захваты в чужих странах». Этот же мотив в самой резкой форме, с повторением одной и той же фразеологии, встречается многократно и во всем дальнейшем изложении — с явным намерением воспитать в читателе представление о вековечных немецких захватчиках. Благодарным материалом для воспитания антинемецких чувств акад. Косминскому представляется прежде всего история Штауфенов, что не может не удивлять всякого, знакомого с романтическим и «фаустовским» характером этой космополитической по своим исканиям, весьма свободомыслящей и наименее национальной династии средневековой Империи.

66) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 152-160.

Из числа Штауфенов Е. А. Косминский избирает, впрочем, как мишень для нападок, только Фридриха I, которому приписывает намерение овладеть сначала Италией, затем, после ограбления «богатых итальянских городов», — всей Европой, Византийской империей, мусульманским Востоком и, наконец, всем миром. Ясно, что Барбаросса представляется Е. А. Косминскому в виде средневекового Гитлера. Такое сближение не только нелепо по существу: оно способно привести к политическим выводам, весьма нежелательным для самого автора — принижать Барбароссу до Гитлера не значит ли вместе с тем возвышать Гитлера до Барбароссы? Нельзя забывать, что Фридрих I вошел в сознание немецкого народа с чертами идеального правителя. Его литературный портрет, например, у Rahewin'a, как и его образ в искусстве обнаруживают, наряду с естественной приверженностью Барбароссы к национальному языку и костюму, безусловное влияние на него идеи сверхнационального римского императорского служения в стиле идеологии Карла Великого. С последним сопоставлял Фридриха I в своих «Хронологических выписках» и К. Маркс, подчеркивая исключительное значение Барбароссы в истории военного дела в средневековой Европе. Косминский весьма превратно толкует итальянскую политику Фридриха I, произвольно исключает из рассказа участие папства в борьбе северо-итальянских коммун с империей, руководящую роль папы Александра III и венецианское свидание, ровно через столетие повторившее позор Каноссы. Эти маневры имеют целью то, чтобы читатель, воспитанный автором в антипатии к Барбароссе и его политике, не отдал своих симпатий папе, как наиболее непримиримому и последовательному врагу императора. По тем же причинам исключен из данного рассказа и Генрих Лев, виновник катастрофы при Леньяно, чья фигура, выступающая в следующем параграфе в связи со славянскими походами, в гораздо большей степени, чем Барбаросса, приближается к ходульному образу немецкого народного героя в современном нацизме.

Генрих VI Штауфен, Фридрих II, его сицилийское королевство, устранение в этом королевстве политического феодализма, борьба Фридриха II за имперские права с папством и за династические интересы с Вельфами, борьба гвельфов и гибеллинов в Италии, трагическая гибель Штауфенов — все эти драматические и чрезвычайно важные моменты средневековой истории пройдены в учебнике Косминского полным молчанием. Автор ограничивается замечанием: «В середине XIII в. династия Штауфенов прекратилась, и итальянцам удалось окончательно выгнать немцев из своей страны». Во главе этих итальянцев-патриотов, очевидно, находился, по Косминскому, наряду с папами и Карл Анжуйский, палач Конрадина.

Говоря о начале Габсбургов, акад. Косминский ограничивается замечанием о захвате Австрии Рудольфом I, умалчивая о прогрессивных, антифеодальных тенденциях основателя династии. Внимание автора переходит теперь к германским захватам на Востоке. Здесь мы имеем дело с подлинной и общенациональной немецкой агрессией

против славян и прибалтийских народов. Посвященный этой агрессии и колонизации славянских и литовских стран параграф составлен продуманно и содержательно; он снабжен полезной схематической картой и не вызывал бы никаких возражений, если бы в рассматриваемом учебнике с такой же степенью основательности изображались и другие примеры средневековых агрессий.

Последняя часть данной главы трактует средневековые немецкие захваты в области экономической жизни: она в значительной части посвящена Ганзе и ее торговой экспансии. При этом акад. Косминский не выясняет исторического значения ганзейской торговли: он говорит только о недобросовестном, враждебном отношении ганзейцев к странам, с которыми они развивали торговые связи. Многие элементы этого изложения подчеркнуты слишком односторонне. Акад. Косминский не прилагает к данному рассказу схематической карты, подобной той, которая украшала учебник проф. Р. Ю. Виппера, с нанесенными на ней обозначениями ганзейских городов, торговых путей, контор и факторий Ганзы.

Глава заканчивается рубрикой «Распадение Германии». Здесь мы не находим преимеников Рудольфа и не встречаем имени Люксембургской династии. Карл IV упоминается только в связи с «Золотой Буллой». Состав курфюрстов не приводится. Дается краткая характеристика Рейхстагов. Подробно описывается своеволие имперских рыцарей и вновь подчеркивается крайний упадок императорской власти. Социальные процессы в немецком городе и деревне XV в., как и связанные с ними стороны германской культуры XV в. обходятся молчанием. Не рассматривается также история Бранденбурга после Альбрехта Медведя, т. е. на протяжении четырех столетий. Этим исключена необходимая основа для понимания позднейшей истории Пруссии. Впрочем, Пруссия, как немецкое государство, вообще не упоминается в учебнике Косминского. Общая политическая и социальная история Германии во втором периоде Средневековья обрывается в следующей (XVI) главе на событиях, связанных с гуситским движением.

Акад. Косминский изображает немецкую эксплуатацию Чехии и борьбу чехов с немецким засилием пространно, но вполне односторонне⁶⁷⁾. Действительными борцами против немцев были якобы только чешские крестьяне, ремесленники, «беднота» города и деревни и горнорабочие. «Торговцы, промышленники, зажиточные крестьяне, а также профессора Пражского Университета» составляют третью партию в чешской драме XV в.: эти «умеренные» круги выступают в рассказе Е. А. Косминского как предатели и изменники общенационального дела, хотя сам автор подчеркивает, что «для крестьян война с немцами была войной с помещиками» и что «беднота» и горнорабочие «требовали полной отмены частной собственности и установления общности имущества». Таким образом, если немецкие «попы, феодалы и городские патриции» вызывали в чешской буржуазии или в чешских

67) Там же, стр. 161-165.

рыцарях «негодование» и «зависть», то собственные революционеры угрожали этой буржуазии и этим рыцарям полной экспроприацией и, в конце концов, смертью. При таких условиях дискриминация «умеренных», как трусливых и своекорыстных предателей общенационального дела, потерпевшего крушение из-за измены буржуазии, звучит фальшиво. Возмущаться поведением утраквистов можно только в том случае, если бы табориты в свою очередь ставили общенациональное освобождение выше своих утопических планов и своего потребительского коммунизма. Господство сектантских и мистических элементов в деклассированном крестьянском движении, питавшемся в течение долгого ряда лет грабительскими походами и захватом плодов чужого труда, представляло собою в истории гусизма вполне бесперспективное явление. Акад. Косминский модернизирует гуситские войны, как и всю социально-моральную атмосферу в Чехии первой половины XV в. Сам Ян Гус изображен в виде антикатолика и антиклерикала, собственно религиозная, чисто средневековая сторона его убеждений исключена из характеристики, как и зависимость воззрений Гуса от неупоминаемого Косминским Виклефа. Соответственно этому в данной главе не говорится ни о лозунге чаши и утраквизме, ни о других религиозных мотивах и элементах гуситского движения. Разорившимся чешским рыцарям приписана, в качестве мотива их участия в революционном движении, «зависть» к «богатым земельным владениям немцев и католической церкви», но для Яна Жижки сделано исключение, и военный вождь гуситов не обвиняется в таких мотивах, хотя ему не приписаны с определенностью и более высокие побуждения. Вообще зависть принадлежит к числу душевных движений, полезных для революции, и, следовательно, не подлежит осуждению. Прокопы — Великий и Малый — не упоминаются Косминским, хотя имена этих революционных вождей стоят в любом «буржуазном» учебнике. Сектантские эксцессы крайних таборитов, естественно, обходятся молчанием. Специфические черты гуситской войны не приведены Косминским к точным и ясным определениям. Вместо того подчеркивается однородность «по существу» движения таборитов, как крестьянского движения, с такими восстаниями против феодалов как Жакерия и выступление Уота Тайлера. Для исторического воспитания читателя такой момент одностороннего обобщения далеко не достаточен.

В данной главе читатель вновь сталкивается с некоторыми моментами истории Священно-Римской империи в целом, следовательно, с историей Германии: упоминаются Люксембургские императоры Карл IV и Сигизмунд (хотя наименование династии и теперь не приводится). С этими беглыми и совершенно поверхностными замечаниями прекращаются указания на Германию и империю во II отделе учебника. Таким образом выключаются такие вопросы, как восстановление Габсбургов на престоле немецких королей и римских императоров, правление Фридриха III и Максимилиана I, внутреннее состояние и международное положение Германии во второй половине XV в. Во-

все нет речи об истории Венгрии, как не было ее и в I отделе учебника. То же относится к истории стран Скандинавского района.

История Италии в XIII-XV вв. посвящена глава XVII⁶⁸⁾. Казалось бы, с точки зрения значения подчеркиваемых автором процессов экономического развития, роста товарно-денежного хозяйства и возникновения мануфактурного капитализма и первичных элементов рабочего класса в городской промышленности, а следовательно, и классово-вой борьбы между предпринимателями и пролетариатом, средневековая история Италии должна быть предметом особого внимания историка-марксиста, в частности — автора массового учебника. Но формальная логика и здесь отступает пред сталинской диалектикой. Отсталой в Средние века Германия посвящено в книге не менее четырех глав, передовой и наиболее культурной Италии — только одна, XVII глава, где изложение начинается с процессов XIII в. Глава состоит из следующих отделений: «Раздробленность Италии», «Венеция и Генуя», «Флоренция», «Организация промышленности», «Восстание чомпи», «Тирания Медичи», «Нашествие чужеземцев на Италию». В этом плане отсутствуют Южная Италия, Рим с Папской областью, из крупнейших городских центров — Милан. Выступая вновь в роли прокурора, акад. Косминский обнаруживает виновников раздробленности Италии в лице итальянских городов, германских императоров и римских первосвященников. Города были слишком заинтересованы в международной торговле, чтобы думать об объединении страны; немецкие императоры «только грабили и разоряли Италию», папы «стремились к господству над всем миром». Характеристика Венеции, Генуи (только внешняя торговля и колонизация) и Флоренции (до пол. XIV в.) содержит в себе лишь те элементы, которые были налицо в старой русской учебной литературе. Далее находим краткий очерк раннего флорентинского капитализма и весьма краткое и схематическое повествование о событиях 1378 г., выдержанное в эмоциональном стиле подчеркивания острой классовой борьбы и предательства Микеле Ландо. Более объективно изображена, на примере Медичи во Флоренции, итальянская тирания, за чем следуют замечания об активности кондотьеров. В конце главы дан перечень «чужеземных нашествий» XIV-XV вв., из которого, при всей его умышленной неполноте, становится ясным, что далеко не одни германские императоры предпринимали грабительские походы в Италию. Вся культурная история, столь тесно в данном случае переплетенная с политическими процессами, излагается ниже, в главе XIX, а история папства в эпоху после Авиньонского плена, обычно излагаемая в составе специального очерка, вообще отсутствует. При этом выпадают такие факты, как великий раскол католической церкви, борьба за реформу *in caritate et membris*, соборы в Констанце, Базеле и Ферраре-Флоренции, выступление Савонаролы и пр.

68) Там же, стр. 166-174.

Глава XVIII⁶⁹⁾ соединяет очерк истории балканских стран с историей Азии в XIV-XV вв. По учебнику Косминского нельзя составить цельного представления ни об истории Болгарии, ни об истории Сербии. Рассказ о первой из этих стран заканчивался в первом отделе учебника византийским завоеванием; из XVIII главы о Болгарии узнаем только то, что в XIII в. она была «самым сильным государством на Балканском полуострове», что в XIV в. ее подчинил своей власти Стефан Душан, после смерти которого болгары вели войны с Сербией и Византией, а в конце XIV в. были покорены турками. Таким образом наиболее героическая в болгарской истории эпоха Асены остается без всякого освещения, даже без наименования, не выделенный особо период господства Шишмановичей представлен в двух бессодержательных замечаниях. Не в лучшем положении история Сербии. Она сведена к рассказу о правлении Стефана Душана, чему отведено девять строк, следующих за такой же величины пассажем о Дубровнике. Но из рассказа о знаменитом сербском короле выброшены его победы над турками и венграми, а из упоминаемого «Законника» Стефана Душана не приведено ни одной статьи, хотя ссылка на столь важный первоисточник была бы необходима для характеристики политического и, в особенности, социального строя Средневековой Сербии.

В замечаниях об османских турках воспроизводится обычная схема расширения султаната и покорения турками Юго-восточной Европы. Из султанов упоминаются Урхан, Мурад I и Баязид. Нет упоминания об янычарах, о битве при Никополе (1396) и др. Данный рассказ прерывается большим отступлением под рубрикой «Тимур и Тимуриды». Здесь находим довольно обширный, но неупорядоченный материал: недостаточна хронология (приводятся лишь даты победы при Анкаре и смерти Тимура); неполон перечень походов и завоеваний; в рассказе встречаются повторения — например, о походе в Индию говорится, без необходимости, в разных местах; нет мотивировки походов и достаточного объяснения условий побед Тимура; нет и социальной характеристики Тимура и его империи. Основной эффект, которого надеется здесь достигнуть акад. Косминский, относится к сфере эмоционального воздействия: читатель должен восторгаться Тимуром, как великим дипломатом и полководцем, «не знавшем поражений», ценить его умение «быстрым и решительным ударом покончить с противником», с интересом переживать такие факты, как возвращение Тимура из Индии «с огромной добычей», а в особенности — быть под подавляющим впечатлением «неслыханной жестокости» Тимура, «беспощадного в случае малейшего сопротивления», и «ужасающих разрушений», какими сопровождался его походы.

При этом умалчивается, что Тимур слишком часто наталкивался не на «малейшее», а на подлинное, героическое сопротивление народов

69) Там же, стр. 175-180.

Ближнего Востока и что борьба и страдания этих народов заслуживают неменьшего внимания, чем успехи завоевателя. Замечательно, что акад. Косминский, столь склонный к отрицательным суждениям о монархах и феодалах, заставляет читателя видеть в Тимуре одного из величайших деятелей мировой истории. Это ясно также и из дальнейших замечаний, рисующих Тимура как создателя и организатора колоссальной империи с центром в Самарканде. Тимур, выступающий таким образом в качестве одного из героев «истории СССР», по замыслу Косминского, является прямым аналогом Ивана IV, излюбленной фигуры сталинской историографии.

После беглых замечаний о Тимуридах, узбекском завоевании и основании Бабуром империи Великих Моголов акад. Косминский возвращается к турецкому султанату и рассказывает о Мехмете II, падении Константинополя, дальнейших турецких завоеваниях и империи Сулеймана Великолепного. Глава заканчивается установлением реакционного характера османского владычества над странами «Востока», замечаниями о борьбе угнетенных народов с турками и указанием на то, что «с падением Византийской империи Россия осталась сильнейшим христианским государством Востока», осознавшим свое «великое всемирно-историческое значение» «Третьего Рима». Эти рассуждения плохо вяжутся с предыдущими концепциями нашего автора: Византия, по уверению Е. А. Косминского, была ненавистна славянам и, в частности, русским даже в те времена Раннего Средневековья, когда она, по другим утверждениям того же автора, учила русских и других славян культуре. Теперь, уходя в небытие, эта ненавистная Византия завещает России, для сохранения и дальнейшего развития, свои государственные и религиозные начала, и такая передача исторического наследия Рима и Византии неожиданно оказывается великим всемирно-историческим событием. Такое построение нельзя не признать эклектическим и противоречивым. С другой стороны, турецкое завоевание XIV-XVI вв. в сущности аналогично арабскому завоеванию VII-VIII вв. То и другое были пронизаны религиозным фанатизмом и привели к гибели большое число культур. Почему акад. Косминский приписывает второму по времени из этих завоеваний вполне реакционное, а первому — высоко прогрессивное значение, едва ли будет ясно для читателей.

То же впечатление создается и при чтении XIX главы, заключительной во II отделе учебника⁷⁰). Здесь акад. Косминский характеризует культуру Европы в XIV-XV вв. Глава состоит из трех параграфов. В первом из них дается определение итальянского Возрождения, как культуры буржуазии и буржуазной интеллигенции. Признаками этой культуры являются: ее связь с интересами городских капиталистов и тиранов, антицерковный характер, рационализм, гуманизм (в смысле антропоцентризма), реализм, подражание античным

70) Там же, стр. 176-191.

образцам, презрение к эксплуатируемым народным массам. Таким образом характеристика Ренессанса открывается и заканчивается его социальной дискриминацией, и эта великая эпоха, единственная в истории европейского человечества по высоте своего творчества, выдвигается в узкие классовые рамки. При этом Е. А. Косминский вступает в противоречие с Энгельсом, который придавал эпохе европейского Ренессанса по существу сверхклассовое значение. И сам автор в дальнейших характеристиках деятелей Возрождения не говорит ни слова об их буржуазной ограниченности и антидемократической тенденциозности. Наоборот, о Леонардо да Винчи он замечает, что «этот гениальный человек... вечно нуждался в деньгах, не находил средств для производства своих опытов и умер в нужде вдали от родины». Ясно, что Леонардо не был агентом ни буржуазии, ни тиранов, ни французского короля. О Микель Анджело Косминский пишет, что «все его творчество проникнуто гневом против угнетателей его родины, призывом к могучему сопротивлению». Странно было бы упрекать творца «Давида» и «Моисея» в буржуазном или княжеском сервилизме. Также и из характеристики Рафаэля у Косминского ясно, что этот художник был занят общечеловеческими, а отнюдь не буржуазно-классовыми мотивами. Величие творчества мастеров Возрождения состоит между прочим именно в победе над классовой ограниченностью, в апофеозе свободы человеческой личности, в предвосхищении «золотого века» человечества. Концепция Косминского рискованна и в политическом отношении: приписывая художникам и мыслителям Ренессанса реализм, необычайные силу мысли и чувство красоты, «могучий подъем культуры», «бурный расцвет науки и искусства», «исключительные и многогранные дарования», «замечательнейшие архитектурные произведения» и т. д. и в то же время навязчиво утверждая неразрывную связь этого творчества с интересами буржуазии, тиранов и др., Е. А. Косминский ставит советского читателя в безвыходное положение. Если торжество капитализма в Италии XIV-XV вв. сопровождалось таким расцветом науки и искусства, равного которому не знает история мира, то как можно тут же говорить об антинародном характере капитализма и ничтожестве буржуазного гуманизма в сравнении с «подлинным» гуманизмом Ленина и Сталина?

Рисуемые Косминским образы великих деятелей итальянского Ренессанса взяты из старых пособий, но с исключением всех моментов, относящихся к религиозным мотивам художников этой эпохи. Так, о Рафаэле мы читаем, что «любимой его темой было изображение молодой матери с ребенком», а «величайшим из его произведений считается «Сикстинская мадонна». Что должен ответить учитель советской школы, если его учащиеся попросят разъяснить, какая именно молодая женщина носила название Сикстинской мадонны? Или кто такие Давид и Моисей, знаменитые статуи которых созданы Микель Анджело? Или кем был «святой Петр», храм которого был построен

в Риме под руководством Браманте и того же Микель Анджело Буонаротти?

Нет ничего оригинального в смысле особых достижений учебной литературы «творческого марксизма» и в параграфе, посвященном развитию гуманизма в Англии, Франции, Нидерландах и Германии. Здесь находим оторванные от общей истории соответствующих стран характеристики творчества Чосера, Рабле, Эразма Роттердамского, авторов «Писем темных людей» (Рейхлин не упоминается) и Ульриха фон Гуттена, за чем следует рубрика «книгопечатание». Новым в учебной литературе в этом параграфе является только доведенное до нарушения действительных пропорций подчеркивание антицерковных тенденций характеризуемых писателей. Об изобразительном искусстве вышеназванных стран в эпоху Ренессанса — даже о творчестве Дюрера — в учебнике не говорится.

В заключительном параграфе XIX главы и всего II отдела учебника, под титулом «Культура Восточной Европы», после беглых замечаний о византийском Возрождении и его якобы антицерковном характере Е. А. Косминский дает краткое и трудное для усвоения учащимися описание русской культуры XIV-XV вв., подчеркивая с некоторой смелостью «необычайную красоту» «религиозной живописи» Андрея Рублева, произведения которого именуется «картинами».

Таковы краткие наблюдения по поводу II отдела учебника Косминского. Сравнительно с I отделом он включает в себя более ценный, давно устоявшийся в учебной литературе материал, но подвергает его, во-первых, беспримерному и ничем не оправдываемому сокращению; во-вторых, — систематической вульгаризирующей переработке в духе преувеличенной концепции классовой борьбы и антирелигиозного воспитания читателя. Старая канва была местами стерта, во многих пунктах были включены новые, предельно острые политические оценки и выводы, но кое-что сохранилось и напоминает о старом, традиционном изображении Высокого Средневековья.

V.

Третий отдел Средневековой истории (XVI-XVII вв.) рассматривается в учебнике Косминского с наибольшей сравнительно обстоятельностью, но и он изобилует моментами конспективного изложения, что не может не причинять больших затруднений в учебной практике. Этот отдел открывается главой XX, посвященной «Великим географическим открытиям и началу колониальных захватов»⁷¹⁾. За нею следует рассказ о реформации и крестьянской войне в Германии, о кальвинизме и католической реакции (глава XXI). Далее излагается история Франции, Англии, Нидерландов, Польши и России в XVI и первой половине XVII в. (главы XXII-XXV). К Германии автор возвращается в главе XXVI («Тридцатилетняя война и международное положение в

71) Там же, стр. 192-197.

середине XVII в.». Глава XXVII изображает рост техники, науки и искусства в последнем периоде Средневековья. Совершенно не связана с этим планом заключительная глава учебника «Китай в XIV-XVII вв.».

Общее построение данного отдела могло бы значительно выиграть, если бы оно было подчинено какому-либо определенному принципу. Казалось бы, такой принцип указан в начале главы XX: развитие капиталистических отношений в передовых странах Западной Европы, начиная с Италии. Но об этой последней стране в третьем отделе учебника уже почти нет речи, а после характеристики Германии перед реформацией и империи Карла V страны Европы изучаются в обратном, с точки зрения вышеуказанного принципа, порядке: история Нидерландов с предварительными замечаниями об Испании Филиппа II стоит не на первом, а на третьем месте, история Англии на втором, что является правильным, выдвинутая же на первый план глава об абсолютной монархии во Франции должна была бы стоять после главы об Англии. История Польши и России, стран восточно-европейских и в экономическом отношении развивавшихся медленнее, чем Западная Европа, не может стоять ранее главы XXVI, где идет речь о Тридцатилетней войне, участниками которой были Франция и Швеция. Глава XXVIII освободилась бы от изолированного положения и не производила бы впечатления искусственно добавленной, если бы рядом с нею стояла глава об империи Великих Моголов, совершенно необходимая в общей системе учебника, рассчитанного на освещение всемирно-исторического процесса, и весьма важная в аспекте политической и культурной истории.

Со стороны интерпретации «мануфактурного периода» или «эпохи ранних буржуазных революций», как история XVI-XVII вв. именуется в СССР наряду с более новым обозначением «Позднее Средневековье», следует признать, что во многих, иногда основных аспектах данная эпоха освещена академиком Косминским в стиле старой, «буржуазной» учебной традиции. Великие географические открытия, начало колониального режима, а в особенности — Антверпенская биржа, деятельность Фуггеров, империя Карла V — все эти и некоторые другие сюжеты разработаны — не только по содержанию, но в значительной степени и фразеологически — близко к поистине блестящему изложению Р. Ю. Виппера в его полном или кратком учебнике Новой истории. Но в таком случае академик Косминский и в данном разделе не может кичиться победой над «буржуазной» учебной литературой: он должен был бы признать, что эта литература и поныне, хотя и анонимно, является, в известной степени, учительницей советской молодежи.

К сожалению, старый доброкачественный материал всюду разжижен дешевыми псевдомарксистскими вставками или ретуширован в эмоциональном стиле возмущения поведением ранней европейской буржуазии и начинающих сходить с исторической арены феодалов и рыцарей. Незаменимым поприщем для такого рода упражнений явля-

ется для акад. Косминского прежде всего трагическая участь туземцев Центральной и Южной Америки, ставших жертвою испанской конкисты XVI в., и негров Африки, оказавшихся добычей европейских колонизаторов-рабовладельцев. Параграф «Колониальная политика европейцев» наполнен сценами гибели «несчастных индейцев», падающих от истощения на полях, плантациях, в рудниках испанских колонизаторов, сжигаемых на кострах «на глазах их жен, детей и матерей» или «кончающих жизнь самоубийством, чтобы избавиться от невыносимых мучений». Не забыты даже «ястреба, стаями слетавшиеся на сотни трупов, лежавших у входа в рудники». Наряду с этими картинами даются обобщающие характеристики в тяжелом книжном стиле: «Европейцы ввели в открытых ими странах колониальное рабство, перед ужасами которого бледнеют даже жестокости рабовладельческого строя древнего мира». Эти обличения имеют целью потрясти сознание в особенности юных читателей и внушить им чувства ужаса и ненависти к колонизаторам и, главным образом, — к «современным империалистам», призванным к ответу за зверства конкистадоров XVI в. Однако политический эффект данной боевой акции акад. Косминского значительно снижен притупленностью морального сознания советских читателей, которые, не исключая и школьников, слишком утомлены зверствами и ужасами — действительными и вымышленными — нашей собственной эпохи, чтобы видеть в событиях конкисты XVI в. предел человеческой жестокости. Наоборот, чем более заставляет акад. Косминский своих читателей представлять себе ужасы средневековой и, в частности, колониальной эксплуатации, всевозможных насилий, пыток, казней и т. д., тем скорее его аудитория будет искать аналогии этим ужасам в нашей современности и прежде всего в своей собственной стране, где «загубленных человеческих жизней» можно было бы насчитать во много раз больше, чем то было в Америке XVI в.

В теоретическом и учебно-методическом отношении данный рассказ Е. А. Косминского не безупречен. Он слишком неполон: культурные миры доколумбовской Америки с их исключительным своеобразием и великолепием не указаны, не локализованы и конкретно не описаны, хотя такое описание заинтересовало бы любого читателя и вызвало бы особенно живой отклик со стороны учащихся. Ацтеки и «инки» именуется «народами древней культуры», у которых были «города и крепости» и знать которых жила «в красивых дворцах, украшенных богатой скульптурой, мраморной мозаикой» и т. д. Такое отвлеченное представление, недостаточное само по себе, дает к тому же неправильное представление об ацтеках и инка как о больших народах. Притом такое представление не вяжется с дальнейшим рассказом: «ацтеки и инки жили на счет покоренных ими племен, которые были обязаны уплачивать тяжелую дань, поставлять драгоценные металлы, продукты, рабов». «Подвластные племена ненавидели своих поработителей», и именно «с помощью этих племен испанцы покорили большие государства. . . захватили земли покоренных народов».

а население превратили в рабов». «Такой же участи подверглись и те племена, которые помогли испанцам одержать победу». Социального характера государств ацтеков и инка акад. Косминский с полной ясностью не определяет, но из последовательного употребления терминов «порабощенные племена» и «рабы» можно заключить, что автор относит данные государства к одному из античных типов, что противоречит его общей концепции Средневековой истории, как времени всемирного господства «феодальных» (крепостнических) отношений. Значительным прогрессом является, впрочем, то обстоятельство, что руководитель советской медиэвистики отказывается, наконец, от вполне устаревшего мнения Энгельса, относившего социальную организацию передовых областей доколумбовской Америки к догосударственному быту — к средней ступени варварства и родового строя. В этом мнении, обусловленном состоянием американистики 70-80-х гг. прошлого века, советские историки были вынуждены до последнего времени видеть один из догматов «марксистской» исторической науки.

Кроме описания колониальной политики XVI в., XX глава учебника Косминского включает в себя разделы, посвященные Антверпенской бирже и империи Карла V, хотя эти разделы не могут быть соподчинены теме о колониальных захватах и имеют непосредственное отношение к собственно европейской истории. Карл V трактуется первоначально в духе старой учебной литературы, но с исключением главного — его идеи христианской империи; в заключение он признается авантюристом — завоевателем, целью которого было «выжимать» все новые и новые налоги «из подданных». В этом якобы и состояла причина восстания кастильских городов, недовольства в Нидерландах и революции в Германии. Характеристика личности Карла V отсутствует.

Рассказ акад. Косминского о «реформации и крестьянской войне» (гл. XXI)⁷²⁾ производит впечатление тщательно обработанного и особенно строго сформулированного изложения. Вышеуказанным событиям автор придает общеевропейское, даже, повидимому, всемирное значение и именно поэтому в названии главы он не добавляет слов «в Германии». Однако из пяти параграфов четыре посвящены только немецким делам. Изображение предпосылок реформации подобно обвинительному акту против католической церкви, чему затем слишком заметно противоречит сам автор. Он подчеркивает, что князья, часть которых поддержала выступление Лютера, «хотели освободить церковь от власти папы и завладеть ее огромными имуществами... подчинить церковь себе и с ее помощью угнетать, обирать и эксплуатировать трудящихся». Также и буржуазия «хотела отнять у католической церкви ее имущества... хотела такой церкви, которая бы освящала буржуазный порядок и проповедовала (sic! Ю. В.) рабочим и ремесленникам, чтобы они побольше работали на своих хозяев и не смели роптать на свою бедность». Если немецкое общество начала

72) Там же, стр. 198-210.

XVI в. в лице своих руководящих и передовых элементов вступило в борьбу с католицизмом из-за собственных материальных и эксплуататорских интересов, ничем не более высоких, чем мотивы и поведение католического духовенства, то обвинения против папства и его «бесстыдной» политики в Германии теряют убедительность. Ни идейно-религиозного, ни национального, ни даже культурного значения немецкая реформация, по Косминскому, не имела. Автор исключает наиболее волнующие эпизоды: он не говорит ни о Вормском сейме 1521 г., ни о пребывании Лютера в Вартбурге, ни о переводе Библии на немецкий язык. Под пером акад. Косминского самые пламенные представители протестантизма, начиная с Лютера, превращаются в беззастенчивых политических дельцов и пройдох, а дошедший до религиозного иступления и визионерства Томас Мюнцер выступает в виде великого революционера и величайшего героя немецкого народа. Говоря о Мюнцере, Е. А. Косминский забывает осторожные и предостерегающие замечания Ф. Энгельса и вступает на путь безоговорочной идеализации. Наличие у «бедняков» и «горнорабочих», ставших сектантами Мюнцера, чистейшего религиозно-социального мистицизма акад. Косминский систематически замалчивает. Только под рубрикой «народная реформация» он, как бы мимоходом, замечает: «Крестьяне и городские бедняки... хотели реформацию церкви соединить с преобразованием всего общественного строя на основах справедливости и равенства». Следовательно, этим крестьянам и городским беднякам была присуща, как мотив реформации, также и религиозная идея. Такого рода оговорки и намеки, как выход из становящегося невозможным положения, встречаются в данной главе и в других случаях.

Начало и ход крестьянской борьбы 1525-1526 гг. представлены почему-то схематически, с умолчанием о многих драматических моментах и о всех руководителях движения кроме Томаса Мюнцера, которому вначале приписана роль «вождя и героя» всей народной реформации, после чего однако оказывается, что Мюнцер «непосредственно руководил движением» только в Тюрингии. Весь рассказ о крестьянской войне испещрен оценками и суждениями, рассчитанными на сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя, но выраженным в чрезмерно обобщенной форме и не опирающимся на конкретное изложение событий. В Мюнстерской коммуне, где социальный идеал средневековых сектантов, деклассированных фанатиков библейской теократии и мелкобуржуазной уравнительности, на шел, наконец, свое полное осуществление и немедленно обнаружил свой тоталитарный и террористический характер, акад. Косминский усматривает только безвредный «коммунизм мелких ремесленников, владевших своими мелкими орудиями производства». При этом читателю остается непонятным, почему мелкие производители, эти неисправимые индивидуалисты, живущие своим личным трудом и его продуктами, теперь потребовали «равного распределения» этих продуктов. Не устраняя такого недоумения, акад. Косминский склонен

упрекать мюнстерских «ремесленников» в том, что они не требовали более высокого коммунизма «в виде обобществления средств производства». Во всем данном рассказе, как и в других местах XXI главы, отсутствует упоминание об анабаптизме. Вновь можно подумать, что реформация в Германии не имела никакой связи с религиозными движениями. В конце параграфа, под рубрикой «Последствия поражения крестьян», находим утверждение, что «поражение революции было для Германии страшным бедствием, задержавшим ее развитие на сотни лет». Читатель может однако принять во внимание, что крестьянские движения Высокого и Позднего Средневековья не победили ни в одной стране Западной Европы, и притти к выводу, что причина последующей отсталости Германии не может быть сведена к неудаче крестьянского выступления 1525-1526 гг. Вина поражения крестьян возлагается Е. А. Косминским на «подлую и трусливую» немецкую буржуазию и ее вождя Лютера. Впрочем, в следующем параграфе Лютер выступает как создатель протестантской церкви в том виде, какой был наиболее выгоден немецким князьям. Таким образом остается неясным, был ли Лютер действительным руководителем буржуазной реформации или он руководил реформацией князей.

Конкретная история немецкого протестантизма после подавления крестьянского восстания в учебнике отсутствует. Говоря далее об общевропейском характере реформации и ее распространении за пределами Германии, Е. А. Косминский умалчивает о реформации Цвингли и о победе протестантизма в Скандинавских странах: таким образом исключаются Густав Ваза и шведский вариант реформации, весьма важный в политическом аспекте. Характеристика кальвинизма дана по Энгельсу, но в неполной и вульгаризированной форме: не разъясняется, например, догмат предопределения в его идеологическом смысле. С точки зрения концепции Косминского, трактующего кальвинизм как исключительно движение крупной буржуазии эпохи первоначального накопления капитала, совершенно невозможно понять ни шотландского, ни французского кальвинизма, ни народного, вполне революционного кальвинизма в Нидерландах, ни общей позднейшей истории реформатской церкви. Е. А. Косминский почему-то полагает, что в массовом учебнике необходимо и достаточно говорить только о пресвитерианском буржуазно-олигархическом течении в кальвинизме, как оно выступает в женевской общине Кальвина и позднее — в английском типе.

В рассказе о католической реакции в Европе не находим упоминания о Тридентском соборе. Орден Иисуса представлен в остром антикатолическом стиле, с умалчением о духовных истоках и интеллектуальной силе этого движения.

История Франции XVI-XVII вв.⁷³⁾ обрисована Е. А. Косминским в политическом аспекте фрагментарно и обезличенно. Так, из событий царствования Генриха II опущены приобретение трёх епископств

73) Там же стр. 211-219.

и возвращение Кале; правление Франциска II вовсе не упомянуто; не указаны связи Бурбонов с Наваррой и происхождение титула короля Наваррского у Генриха Бурбона; в связи с этим отсутствует и объяснение кальвинизма Бурбонов, как и справка о принцах Конде; весьма чувствительно умолчание об обстоятельствах возвышения Гизов, составе их семьи и о политических устремлениях и социальных связях этой фамилии, о Марии Стюарт, как королеве Франции, об аристократической оппозиции Гизам, о заговоре в Амбуазе; из правления Карла IX исключены Сен-жерменский эдикт, резня в Васси, общее течение гугенотских войн с 1562 г., выступление адмирала Колиньи во главе гугенотов, Сен-жерменский мир 1570 г.; нет конкретного описания событий Варфоломеевой ночи в Париже и провинции и гибели Колиньи, вообще ни разу не упомянутого в учебнике; далее умалчивается о реакции на избиение гугенотов и о защите ля-Рошели; из событий правления Генриха III опущено также слишком многое, несправедлива личная характеристика этого короля, который, при всей своей распущенности, все же не был слишком «глупым». Основная тенденция Е. А. Косминского в дальнейшем изложении состоит в том, чтобы представить католическую Лигу связанной исключительно с «католическим дворянством». Поэтому умалчивается о социальных интересах и устремлениях парижской «лиги 16-ти» и о связях ее с Гизами. Очень неясно трактуется столкновение короля с Гизами и народом Парижа, обходятся молчанием Штаты в Блуа, как и соглашение Генриха III с Генрихом Наваррским после убийства Гизов. Смысл этих последних опущений и произвольных характеристик состоит в том, чтобы представить католицизм знаменем реакции а гугенотов — носителями социального прогресса. Поэтому замалчивается буржуазная основа католической Лиги и дворянский характер гугенотского Союза. От читателя скрывается, что лига находилась в тесном союзе с Гизами, а во главе гугенотов стояли «крупные феодалы» в лице принцев крови — Бурбонов и Конде.

Развитие французского абсолютизма со времен Генриха IV с фактической стороны представлено академиком Косминским сравнительно ясно и содержательно, — хотя отчасти и обезличено (опущены имя и деятельность Сюлли), — но основная мысль данной главы о монархии Генриха IV и политике Ришелье, как о своекорыстном компромиссе между дворянами и буржуазией в целях эксплуатации народа и оттеснения феодалов — на каждом шагу обнаруживает несостоятельность вульгарно-марксистского понимания истории при всем искусстве проведения этой мысли в тексте в связи с анализом отдельных событий.

Исторический процесс Англии в XVII в. представлен очень кратко⁷⁴⁾, и в живом преподавании соответствующие вопросы требуют от учителя больших методических усилий. Это — конспект вначале экономической, потом только политической истории той страны, собы-

74) Там же, стр. 219-225.

тиям в которой акад. Косминский придает определяющее значение для судеб всего человечества.

Ввиду такого значения английской истории характеристика мануфактурного производства в его рассеянной и централизованной формах дается Е. А. Косминским именно в данной главе, хотя начало капиталистической промышленности относится к Англии XVI в. ничуть не в большей степени, чем ко многим другим странам Западной Европы XIV-XVI столетий и понятие о мануфактуре дано автором еще в очерке истории Италии XIV-XV вв. (гл. XVII). Также и появление первых централизованных мануфактур не может быть одно-сторонне связано именно с английской экономической историей. Самое описание мануфактурного способа производства в учебнике вызывает ряд существенных замечаний. Акад. Косминский описывает только капиталистическую мануфактуру, и читатель приходит к выводу, что координация ремесленного труда крепостных мастеров в Средние века не могла иметь место. Только в заключительной XXIII главе учебника, на предпоследней его странице, находим замечание о китайских крепостных мануфактурах XVI-XVII вв. Существовали ли в Западной Европе и в России такие же предприятия, остается неизвестным, и у учащихся может сложиться представление, что, напр., изображенное на стр. 237, в связи с рассказом о Ливонской войне, тяжелое орудие русской армии или демонстрируемый на стр. 254 «водяной двигатель» времен Позднего Средневековья были изготовлены одинокими ремесленниками. Что касается капиталистической мануфактуры, то акад. Косминский выводит ее происхождение из деятельности «купцов» или «скупщиков», которым таким образом приписывает инициативу перехода к крупному капиталистическому производству и организацию его первичных форм. Между тем и теоретически, и фактологически невозможно обосновать такую историческую роль торгового капитала. В несравненно большей степени переход к мануфактуре был делом позднесредневековых промышленников, выросших в условиях цехового и внецехового производства. В данном случае акад. Косминский вступает в открытое противоречие с указаниями К. Маркса и целиком остается на давно устаревших позициях теории торгового капитализма, насаждавшейся М. Н. Покровским и его последователями. Притом он совершенно недостаточно и, следовательно, неправильно характеризует мануфактурное производство, ограничиваясь социальным моментом отделения производителя от средств производства и упуская, без всякого упоминания, организационную структуру мануфактуры — техническое разделение труда между работающими на дому или соединенными в одном комплексе помещений рабочими. Получается впечатление, что работник мануфактуры обслуживал весь производственный процесс, выполняя те же функции, что и его товарищи. Разъяснение этого основного момента не заняло бы большого места в учебнике и устранило бы неизбежные при наличном составе текста грубые недоразумения. На-

конец, недопустимо утверждать — как это делает автор — что объединенные капиталистические предприятия дофабричного типа назывались «централизованными мануфактурами». Такое название является современным научным термином и не было известно людям XVI в.

Социальную историю Англии XVI-XVII вв. Е. А. Косминский строит в своем учебнике по этапам роста буржуазии и усиления связанного с сельскохозяйственным рынком «нового дворянства». В ходе данного процесса отношение этих классов к верховной власти прошло две ступени. При Генрихе VII новому дворянству и буржуазии, как сказано еще во II отделе учебника, «была нужна сильная королевская власть, чтобы охранять английскую торговлю, держать в повиновении крупных феодалов и подавлять народные движения». Та же формула, в несколько перестроенном и заостренном виде, повторяется теперь в XXIII главе по отношению к эпохе Тюдоров в целом: «Дворянам и буржуазии была нужна сильная государственная власть, которая помогла бы им грабить и эксплуатировать крестьян и рабочих, подавляла бы народные движения и защищала торговые интересы за границей». Но в конце царствования Елизаветы английская буржуазия и дворянство «так разбогатели и окрепли, что больше не нуждались в опеке сильной королевской власти»: они «хотели по-своему управлять страной и вести свою внешнюю политику... хотели, чтобы король подчинялся парламенту». Данной схеме нельзя отказать в стройности и некоей массивной простоте, весьма содействующей усвоению концепции Е. А. Косминского. Но это вовсе не равнозначуще составлению обоснованного представления об эпохе. Основные массы сельского и городского населения, т. е. подавляющая часть английской нации — с ее интересами и стремлениями — не стоит в центре внимания автора. На чьей стороне был народ — королей из дома Стюартов или парламентарской оппозиции? Поддерживать буржуазию и дворянство, которые, по словам автора, имели своей первой и основной задачей грабеж и эксплуатацию крестьян и рабочих и подавление народных движений, т. е. находились в состоянии безусловного антагонизма с трудящимся населением своей страны, — народ, очевидно, не имел возможности. Но и королевская власть, по Косминскому, оставалась враждебной народу. Автор не ставит перед читателем этих вопросов и не готовит его, в произвольно установленных им рамках курса Средневековой истории, к пониманию хода и этапов «великого бунта» 40-х гг. XVII в. Кажущаяся простота схемы автора обманчива. Если бы буржуазия и дворянство руководились в XVII в. главным образом стремлением ко все более жестокой эксплуатации крестьян и рабочих, то едва ли бы они рискнули пойти на революцию и гражданскую войну 40-х гг. Непонятно также, из каких слоев рекрутировались сторонники Карла I, если, как это можно заключить из текста учебника, королевская власть была фактически изолирована и более нигде не находила поддержки. Не менее неясно, каков был социальный базис англиканской церкви, если новое дворян-

ство и буржуазия были пуританами и даже — индипендентами. Или — каковы были положение, состав и влияние католических кругов Англии после гонений на них со стороны правительства королевы Елизаветы. Читатель не уясняет себе и самой сущности англиканизма и его действительного отличия от католицизма и континентальных видов протестантизма. Английская реформация сведена Е. А. Косминским исключительно к «полному подчинению церкви королю» и конфискация монастырских имуществ — более не приводится никаких особенностей англиканизма. Но выше, в главе о реформации в Германии, автор подчеркивал, что «главою церкви в каждом принявшем реформацию (немецком) княжестве признавался князь» и что, согласно условиям Аугсбургского религиозного мира 1555 г., «подданные (были) обязаны исповедовать (sic! Ю. В.) религию князя». Отсюда читатель в праве заключить, что Генрих VIII основал в Англии лютеранскую церковь. Е. А. Косминский не находит также необходимым рассказать о шотландском кальвинизме, деятельности Нокса и влиянии этого фактора на английский пуританизм. Не менее вредит изложению и отрыв английских событий от влияний на них со стороны реформатской Голландии, события в которой были прообразом для английских пуритан.

В данной главе особенно ощутительно невнимание автора к историческим личностям. Даже столь яркая фигура, как Генрих VIII, остается чуждой представлению читателя. Мы узнаем, правда, что этот король был «жестоким, капризным и расточительным тираном, но ловким и проницательным политиком». Данная характеристика составлена из верных определений, но, не подтвержденная живыми примерами и фактами, остается неубедительной и трудной для запоминания. Она слишком близка к целому ряду других характеристик исторических деятелей в учебнике Косминского: и султан Махмуд, и Ришелье, и Иван Грозный и другие монархи или правители, при всем разнообразии своих темпераментов, оказываются неизменно жестокими, хитрыми и вместе с тем талантливыми руководителями средневековых государств. Не трудно понять, что постоянное повторение такой комплексной характеристики преследует определенную политико-воспитательную цель.

В других случаях не видим никаких характеристик упоминаемых в этой главе исторических деятелей Англии XVI-XVII вв. — Генриха VII, королевы Елизаветы, Марии Стюарт, Карла I. В еще худшем положении оказываются такие деятели эпохи реформации как Кромвель, Кранмер, Томас Мор, король Эдуард VI, герцог Сомерсет, Нортумберленд и др., вообще забытые Е. А. Косминским. Схематический и беглый рассказ Е. А. Косминского о реакционной деятельности Страффорда и Лоуда обрывается замечанием: «В Англии назревала революция».

Изучая главу XXIV — «Нидерландская революция»⁷⁵⁾ —, чита-

⁷⁵⁾ Там же, стр. 226-232.

тель логически и хронологически возвращен назад, к вопросам образования и развития Нидерландов после смерти Карла Смелого, т. е. в начале последней четверти XV в. Автор не знакомит нас ни с расположением и составом политического комплекса 17-ти провинций, ни со своеобразным развитием его отдельных элементов, ни с династической наследственностью в «герцогстве Бургундском». Он ограничивается утверждением, что Нидерланды времен Карла V были передовой капиталистической страной Западной Европы. Но при этом перед читателем не раскрывается конкретная картина такого торжества капиталистического способа производства в Нидерландах, и читатель не приглашается совершить воображаемое путешествие по этой цветущей в XVI в. стране с ее общественным разделением труда, блестящей культурой, идейными стремлениями и социальными и политическими противоречиями. Вместо того от «подлинной Индии испанского короля» автор переходит к Испании и дает шаблонную характеристику Филиппа II и его политики в Соединенных провинциях. В состав данной характеристики он включает также и те религиозно-социальные движения в Нидерландах, которые вызвали эту политику. Здесь мы впервые встречаемся с «недовольной нидерландской аристократией», о которой прежде вовсе не было речи и о причинах недовольства которой мерами Филиппа II читатель, усвоивший себе представление о Нидерландах, как стране капиталистической, не извещается и теперь. Е. А. Косминский не сообщает о невозможности для Филиппа II жить в Нидерландах и о вытекавшей отсюда остроте вопроса о наместнике короля в «герцогстве Бургундском». Ни один из этих наместников или иных испанских деятелей в Нидерландах в учебнике не упоминается за исключением герцога Альбы, «посланного в Нидерланды» якобы в качестве экстраординарного представителя Филиппа II на правах некоего диктатора. Таким образом читатель не имеет основного политического ориентира, совершенно необходимого для периодизации и уяснения событий революции и национально-освободительной борьбы против испанского владычества. До настоящего времени еще никто не излагал истории этой замечательной эпохи без привлечения имен Маргариты Пармской, Гранвелы, Рекезенса, Дон-Жуана или Александра Фарнезе. Не менее опустошительно влияет исключение данных об Эгмонте, Горне и других лидерах оппозиционной нидерландской знати: имен этих лиц мы также не видим у Е. А. Косминского. О Вильгельме Оранском мы узнаем, что это был «самый богатый и влиятельный землевладелец Нидерландов, признанный глава недовольного дворянства». О нем далее сообщается, что он, как «состоятельный человек», бежал от Альбы в Германию; в 1572 г. был провозглашен «правителем Северных провинций»; после Утрехтской Унии был назначен «богатой буржуазией Севера» как «король нового государства», но в 1584 г. «пал от руки убийцы». Какое представление об одном из величайших людей XVI в. — о его личности, религиозных убеждениях или политической деятельности — можно составить из этих беглых, неточных или неверных замечаний,

проникнутых явным недоброжелательством к руководителю нидерландской революции? Не указан также состав участников Утрехтской унии; не сказано и о Морице Оранском и его политической деятельности и передовом военном искусстве. Но также и о революционном народе мы узнаем весьма мало. Основное ударение автор ставит на «нерешительности и колебаниях дворянства и буржуазии» в Южных Нидерландах и на господстве «богатой буржуазии» на Севере. Народ и высшие классы всюду показаны стоящими на противоположных позициях — национальное единство, достигавшееся с трудом, но бывшее основной предпосылкой освобождения Северных провинций, остается вне внимания автора. Зато изложение всюду носит возбужденный, эмоциональный характер. Филипп II именуется «свирепым испанским насильником». В дальнейшем рассказе о капиталистическом и колониальном развитии Голландии помещен ряд цитат из К. Маркса, расположенных в таком контексте и толкуемых в таком смысле, что читатель может не усмотреть различия между режимом Альбы и правлением штатгальтеров Оранского дома. В конце главы однако замечается, что Голландия, где установилась «широкая религиозная терпимость» и — вместе с развитием газетного дела — стало возможным свободное обсуждение политических вопросов, признавалась в Европе «образцовой страной свободы».

Обширная XXV глава — «Россия и Польша в XVI и в первой половине XVII в.»⁷⁶⁾ — дает обстоятельное в некоторых отношениях, но слишком трудное для VII класса средней школы изложение истории образования русского «многонационального централизованного государства» в намеренном противопоставлении его «засилью панов в Польше XV-XVII вв.». Россия блестяще разрешила историческую задачу, стоявшую и пред всеми западно-европейскими странами в Позднем Средневековьи — ликвидировав феодальную раздробленность, она создала мощный государственный аппарат и достигла экономического и политического объединения колоссальной страны на основе все более развивавшегося общественного разделения труда между весьма различными и по естественным условиям и по историческому прошлому областям и районам. Русское государство, ранее бывшее национальным, смогло уже в XVI в. инкорпорировать ряд нерусских наций, список которых приведен на стр. 235: татары, мари, чуваша, башкиры, ногайцы. В XVII в. к России присоединились части Украины и Белоруссии. В противоположность этому Польша, не создав могущественной феодальной монархии, не только не стала прочным многонациональным целым, но потеряла весьма важные части своей территории и инонационального населения, отошедших к России. Из такого противопоставления возможны националистические выводы, и акад. Косминский высказывает их открыто на всем протяжении XXV главы. Он с удовлетворением говорит о русских великих князьях и

76) Там же, стр. 233-248.

царях, которые, опираясь на всенародную поддержку, сломили центробежные устремления подражавших польским магнатам крупных отечественных феодалов, о чем не могли и мечтать польские короли, не имевшие для себя широкой общественной базы и не сумевшие изолировать магнатов от шляхетской массы и народа. Разрабатывая это построение, акад. Косминский становится в противоречие с целым рядом своих ранее заметных тенденций, особенно настойчиво высказываемых в изложении истории Высокого и Позднего Средневековья Западной Европы. По отношению к России он в положительном смысле говорит об общенациональном единстве, покрывающем расхождение классовых интересов различных слоев населения, — чего он почти нигде не усматривает в истории Западной Европы. Е. А. Косминский открыто признает прогрессивную историческую роль русской монархии XVI-XVII вв. — в отличие от своих отрицательных или двусмысленных суждений о росте королевской власти в других средневековых государствах. Он указывает, что «и крестьянство нуждалось в сильной государственной власти, способной охранять Россию от врагов, которые грабили и разоряли крестьянские хозяйства, уводили в плен многие тысячи крестьян». Но разве не то же самое следовало сказать о любой другой стране мира, бывшей в аналогичных условиях, начиная с нашествий варваров на Римскую империю или набегов аваров, венгров, норманнов и т. д.? Акад. Косминскому вовсе не нужно быть марксистом, чтобы признать, что «царская власть ложилась тяжелым гнетом на главную массу населения — крестьян», — но он делает такое признание не более двух раз в данной обширной главе, в то время как эксплуататорскую и реакционную природу средневековой монархии в Западной Европе он подчеркивает на каждом шагу и весьма часто — не к месту. Наш автор настолько связан с задачами борьбы с космополитизмом в историческом изложении, что он в сущности делает значительные уступки своему другому противнику — буржуазному объективизму. Он колеблет ленинско-сталинское, вульгарно-материалистическое учение о государстве, как якобы исключительно военно-полицейском аппарате, преследующем всецело задачи классового угнетения и эксплуатации и чуждого всяким общенациональным или идеальным целям. Единственный момент, которого не включает здесь акад. Косминский, но который безусловно необходим в его концепции русского Позднего Средневековья, есть историческая роль церкви в русской жизни соответствующих столетий, в частности в событиях национально-освободительной борьбы начала XVII в. Не получив позволения или не решаясь обрисовать деятельность церкви в объективных чертах и в то же время не имея возможности представить ее в обычном для него дискриминирующем духе — что разрушило бы всю концепцию данной главы — автор считает наилучшим обойти данный вопрос полным молчанием. Читатель может подумать, что в России XVI-XVII вв. не существовало ни религии, ни церкви или что они не оказывали на жизнь страны никакого влияния. В духе столь же явного эклектизма трактуются в XXV главе

и многие другие проблемы. Ранее, говоря об «образовании русского государства», что якобы имело место в XIV-XV вв., Е. А. Косминский указывал, что в то время в Восточной Европе сложились народности — великорусская, украинская и белорусская. Теперь, в XXV главе, эти «народности» или «народы» выступают уже как нации, хотя по категорическому указанию Сталина, данному еще за 40 лет до появления нынешнего издания учебника Косминского, нация является продуктом капиталистического развития, следовательно, о русской нации можно говорить только с XIX в., может быть, даже только с половины этого столетия. В настоящее время советские теоретики различают нации буржуазные и социалистические, но о нациях феодальной эпохи говорить никому не позволено. Притом, если русская нация, по Косминскому, хотя и вопреки Сталину, существовала уже в XV в., то можно ли назвать нациями такие этнические группы, как мари, чуваша или ногайцы в том же или в XVI в.?

Некоторые утверждения автора в XXV главе находятся в противоречии с ее общей концепцией. Так, например, говорится о поборах «жадной и продажной царской бюрократии» Ивана IV. Такое замечание для автора необходимо в политических целях, чтобы читатель не преисполнился излишними симпатиями к царизму, прогрессивную роль которого в Позднем Средневековьи разъясняет Е. А. Косминский, но оно не к месту именно в рассказе о Грозном с его земскими реформами первой половины царствования. В общем, однако, данный рассказ принадлежит к лучшим статьям учебника Косминского: он содержателен и сравнительно объективен, примыкая, по типу изложения, к дореволюционным учебникам русской истории, но с целым рядом полезных указаний, вытекающих из сравнительно-исторического подхода автора к событиям русской истории, и с интересными иллюстрациями. Обширная характеристика Ивана IV, бывшего якобы более гуманным, чем «западные деятели абсолютизма» — Людовик XI, Генрих VIII или Филипп II — в общем носит обязательный идеализирующий характер, но в заключение снабжена осторожным замечанием о «ненужной жестокости» при разгроме Новгорода. Опричнина характеризуется как прогрессивное мероприятие, ставшее необходимым в целях «подавления боярской измены», но, в молчаливом согласии с буржуазными историками — В. О. Ключевским и С. Б. Веселовским —, она признается отмененной в 1572 г. вследствие недовольства народа «своевластием и грабежами» опричников, более не нужных царю. Параллельно с этими полууступками буржуазной историографии и вместе с тем бесспорным фактам русской истории дается третирующая картина развития Польши в XVI-XVII вв. При этом главное внимание направлено на «польских панов» и их политику внутри и вне Речи Посполитой: история польского крестьянства остается без рассмотрения. В сущности о Польше говорится только кстати или между прочим: в центре стоят вопросы русской и украинской истории.

В главе XXVI дается описание Тридцатилетней войны и международного положения в середине XVII в.⁷⁷⁾ В начале этой главы акад. Косминский изображает «упадок Германии после разгрома крестьянского восстания 1525 г.». В предыдущих главах учебника, когда речь шла о Германии, также обычно говорилось об ее «упадке», причина которого сводилась к отсутствию экономического и политического единства. Таким образом у читателя складывается довольно безотрадное представление о развитии данной страны в Средние века. Такое представление нельзя не признать преувеличивающим действительное отставание Германии как в XIV-XV вв., так и в первое столетие после реформации. С другой стороны, устранения феодальной раздробленности Германии надеялись в годы реформации достичь те передовые элементы нации, которые акад. Косминским трактуются с величайшей недоброжелательностью, как «подлая и трусливая» буржуазия. Крестьянское же движение 20-х гг. XVI в. носило локальный характер и, в отличие от английского восстания 1381 г., не выдвинуло общенациональной программы. Таким образом следовало бы говорить о фатальном значении не только неудачи крестьянских выступлений того времени, но и поражения передовой части городского населения и мнимолихорадочных кругов всего немецкого народа с их объединительными стремлениями, выраженными, например, в Гейльброннской программе, обойденной Косминским в главе XXI полным молчанием. С другой стороны, автор в рассматриваемой главе не считает необходимым указать на тяжелые для Германии условия ее экономического развития в XVI в., после изменения системы мировых экономических связей и торговых путей с начала этого столетия. Он не говорит и о «революции цен», подорвавшей положение крестьянства. Но особенно важные последствия имело обеднение как южно-немецких, так и рейнских и, особенно, ганзейских городов, весьма ослабившее их политическую активность. Жертвою подобного же переворота в экономической жизни Западной Европы была в том же XVI в. и Италия, где не было крестьянской войны, аналогичной немецким событиям 1525-26 гг. Проблему объединения Германии, как она стояла в XVII в., акад. Косминский освещает односторонне. Политику Габсбургов он всюду называет реакционной и именно потому, что победа императорской партии над северными князьями означала бы торжество католицизма. Насколько прогрессивными были сепаратистские стремления протестантских князей и их опора на иностранные державы и интервенцию с севера, Е. А. Косминский не говорит с полной определенностью, но читатель остается при впечатлении, что в общем протестантские земли были значительно более передовыми, чем католический Юг. При этом старое объяснение отсталости Германии — отсутствие единства — уже, очевидно, теряет свое значение. Большим недостатком рассказа автора о предпосылках войны 1618-48 гг. является отсутствие конкретного

77) Там же, стр. 248-254.

описания отдельных частей Германии того времени: читатель не получает никакого представления о Саксонии, Бранденбурге или Баварии с их своеобразными экономическими, политическими и культурными условиями и об их выдающихся правителях. Нет также и характеристики Чехии в начале XVII в., как нет и описания чешского восстания и разъяснения его лозунгов и внутренних противоречий. О Валленштейне мы узнаем только, что это был «крупный земельный магнат, разжившийся на скупке имений, конфискованных у чешского дворянства». Своеобразная личность знаменитого полководца всегда интересует учащихся, сталкивающихся с этим образом и в художественной литературе. Отсутствие биографических данных о Валленштейне и необходимых сведений о его стратегическом и тактическом искусстве, а также о политических убеждениях и планах «герцога Фридрихландского» делает рассказ Е. А. Косминского в высшей степени схематическим и безжизненным. Других императорских полководцев, даже Тилли, автор не упоминает. Но также и Густав-Адольф выступает в данной главе чрезвычайно односторонне — только как реформатор военной тактики. Вообще в данном контексте читатель учебника впервые встречается с некоторыми сообщениями о Швеции. Естественно, что он не может уяснить себе истинных причин вмешательства Швеции в религиозную и политическую борьбу в Германии, как не может представить себе и армию Густава-Адольфа с ее протестантским энтузиазмом и строгой дисциплиной. Из отдельных событий «шведского периода» Тридцатилетней войны Е. А. Косминский упоминает только битву при Люцене, но не дает картины сражения и не рассказывает об обстоятельствах гибели короля. Нет и картины событий, связанных с убийством Валленштейна. О позднейших перипетиях войны находим только несколько слов.

После сравнительно удачного изображения условий и последствий Вестфальского мира 1648 г. автор характеризует международное положение в половине XVII в. и несколько неожиданно добавляет некоторые данные об упадке Италии и Турции в XVII в. Эти замечания не распространяются на политическую историю данных стран, не содержат в себе никаких конкретных моментов или живых изображений и совершенно не связаны с предыдущим изложением.

Глава XXVII дает обзор «техники, науки и искусства в XVI и в первой половине XVII в.» в Западной и Восточной Европе⁷⁸). Технический прогресс данной эпохи изображен Е. А. Косминским чрезвычайно бегло и недостаточно. Притом данное изложение стоит одиноко во всей книге: в предыдущих отделах развитию производительных сил в средневековом обществе различных стран мира не уделялось почти никакого внимания, что весьма удивительно в учебнике, претендующем на марксистскую ортодоксальность. «Новые географические открытия» указанной эпохи ограничены успехами русских колонизаторов и казаков в Сибири. После этого Е. А. Косминский непосредствен-

78) Там же, стр. 254-264.

но переходит к астрономическому открытию Коперника и преследованию его католической церковью. Следуют краткие замечания о Джордано Бруно, Галилее, Везалии, Гарвее, Френсисе Бэконе, об «общественных учениях» Томаса Мора и Кампанеллы и о художественной деятельности Сервантеса, Шекспира, Веласкеса и Рембрандта. Эти характеристики, при всей их краткости, довольно содержательны, но проникнуты односторонней тенденцией: всех этих великих людей XVI-XVII вв. акад. Косминский стремится изобразить в виде противников католической или протестантских церквей и даже — как, например, Джордано Бруно — в виде атеиста. В связи с рассказом о Бруно акад. Косминский приписывает этому пантеисту-мистика, чье имя неразрывно связано с историей представления о «мировой душе», материалистическую натурфилософию, противоречивость которой очевидна для любого читателя. Не менее противоречий и в характеристике утопических построений Томаса Мора и Кампанеллы. Эти построения Е. А. Косминский в полной мере идеализирует, указывая их слабую сторону лишь в непонимании утопистами XVI в. способов и путей перехода к коммунизму. Только мимоходом он роняет замечания, из которых ясно, что в основе коммунистического общества и у Т. Мора, и у Кампанеллы лежит рабство. Тоталитарный характер и элементы терроризма, наличные в учениях этих мыслителей, Е. А. Косминский довольно удачно маскирует целым рядом неточных определений, умолчаний и эмоциональных оценок.

Вслед за описанием культурных высот XVII в. Е. А. Косминский погружает читателя в бездну поздне-средневековых «суеверий» и жестокости, с которой инквизиция и королевские суды преследовали еретиков, колдунов, ведьм и т. п. Однако не всякий читатель поймет, что это были за люди и почему они подвергались таким страшным гонениям.

Глава заканчивается характеристикой русской культуры данного периода, причем рассматриваются достижения только светской культуры: литературная деятельность церковных писателей не включена в эту характеристику; также и архитектура и живопись изображаются в таком виде, чтобы как можно более оторвать эти виды искусства от господствовавшего в допетровской Руси религиозного, вполне средневекового мировоззрения.

Последняя глава III отдела и всей книги посвящена Китаю в эпоху Минской династии (1368-1644)⁷⁹⁾. Исходный пункт данного периода представлен в учебнике антимоногонским движением и падением династии Юань. Чжу Юань-чжан именуется «крестьянином», и основанная им империя Мин выступает не только как национальная, но и как демократическая по своему происхождению. В таком случае мы имели бы в Китае XIV в. редкий в истории пример гегемонии крестьянства в национально-освободительной антифеодальной революции с участи-

79) Там же, стр. 265-267.

ем туземных феодалом и купцов в общенародной борьбе против господства чужеземных завоевателей. При этом однако умалчивается о том, что могущество внешне китаизированных, но вполне изолированных от китайского общества преемников Хубилая стало призрачным задолго до падения Юань. Умалчивается и о том, что во главе национального движения стояли не крестьянские вожди, а аристократия и буржуазия южного и центрального Китая, хранившие традицию Сунской и даже Танской империи. Крестьянская инсurreкция носила стихийный и нередко разрушительный характер; она не соединялась с движением высших классов, пока во главе ее не стал Чжу Юаньчжан, вовсе не бывший крестьянином по роду занятий: получив образование в буддийском монастыре, он смог стать идеологом, военачальником и затем — правителем страны, так как соединял в своем лице все основные атрибуты выдающегося исторического деятеля — руководителя нации. Но Чжу Юаньчжан вовсе не был антифеодалом или демократом; власть его, первоначально ограниченная солдатской, не была слишком мощной; притом основатель новой династии, как и его преемники, были в плену национальной ограниченности и нетерпимости, и акад. Косминский, идеализируя Чжу Юаньчжана, как якобы крестьянского вождя, имеет основание замалчивать такие факты, как дикая расправа над монголами, оргия массовых убийств и бессмысленных разрушений, жертвою которых стало все, что имело какую-либо связь со старой династией, завоевательные походы в Монголию, закончившиеся в 1388 г. разгромом Каракорума и истреблением или порабощением основных масс монгольского народа. Если бы акад. Косминский остановился на этих фактах, то его дальнейшее изложение, изображающее крайнюю реакционность и антинародный характер внутренней политики Минов, не стояло бы в таком вопиющем противоречии с началом данной главы. Впрочем, тотально-отрицательная характеристика Минской империи (необходимая автору для идеализации очередной крестьянской войны — восстания Ли Цзычэна) не вполне убедительна для читателя, так как политической истории Минской династии Е. А. Косминский не излагает, что создает острое ощущение недосказанности и пустоты. Социальная история эпохи дана довольно подробно, но неясно: в шаблонных терминах изображаются воспроизводство при Минах крепостнических отношений, господство денежной феодальной ренты, рост налогов, бедственное положение крестьянства. Новый, специфический момент выступает, повидимому, в борьбе за землю в XVI-XVII вв., когда «резко увеличились размеры феодальных поместий» и «множество крестьян лишилось земли». При этом остается неясным, имеем ли мы здесь дело с ростом крепостного хозяйства, или, наряду с тем, и с элементами сельскохозяйственного капитализма. Последнее предположение представляется естественным в связи с неоднократным упоминанием в данной главе о росте наемного труда в промышленности в Минскую эпоху. С другой стороны, падение урожайности и рост феодальных платежей могли бы — вместе с возрастанием налогового бремени и

произволом официалов — оказаться достаточными для объяснения «голодовок» в китайских деревнях, как одной из непосредственных предпосылок восстания Ли Цзы-чэна.

Данное восстание представлено акад. Косминским в еще более прикрашенном и ненаaturalном виде, чем освобождение Китая от монгольского владычества. Акад. Косминский имеет возможность в полной мере идеализировать Ли Цзы-чэна, поскольку последнему не удалось утвердить провозглашенную им в своем лице династию «Великого Послушания» и его потомки не вошли в историю как императоры. Но аналогия очевидна: Ли Цзы-чэн выступает у Косминского таким же героем национально-освободительной борьбы — в данном случае против маньчжуров —, каким был Чжу Юань-чжан — против монголов. Различие однако слишком велико и не в пользу Ли Цзы-чэна. Акад. Косминский представляет «крестьянского вождя» половины XVII в. в виде бестрепетного героя, самоотверженно, до потери глаза в бою, и с идеальными побуждениями боровшегося с отечественными феодалами и чужеземными захватчиками, но потерпевшего поражение вследствие измены китайских феодалов делу национальной обороны и их союза с маньчжурами в целях подавления крестьянского восстания. Между тем последовательность событий и их логика были совершенно иными. Основным фактом китайской истории с 1618 г. была оборонительная война с агрессивной маньчжурской империей Нурхачи (1583-1626) и Тай Цуна (1626-1643). Если бы акад. Косминский познакомил читателя с военной организацией, стратегией и оперативным искусством «маньчжурских племен», о которых он говорит, как бы недооценивая их развитие, то сразу стало бы для читателя ясным, что устранить опасность с севера Китаю было бы нелегко и при наилучших внутренних условиях военной самообороны. Уже в 1619 г. Нурхачи сокрушил перволинейную силу Минских армий, и только превосходство китайской артиллерии вырвало из его рук окончательную победу. Затем, в течение более 20 лет, Китай, истекая кровью, сопротивлялся завоевателям, и одним из действительных героев этой отечественной обороны был именно генерал У Сан-гуй, трактуемый советской историографией как гнусный предатель родины⁸⁰). Ослабленная режимом евнухов и интриганов-чиновников, империя Минов еще не была парализована: многие генералы, наряду с У Сан-гуем, доблестно защищали Китай от маньчжуров. Решающий удар был нанесен с тыла, изнутри империи: это и было восстание Ли Цзы-чэна, направленное отнюдь не против маньчжурских набегов, а исключительно против Минской династии. Ли Цзы-чэн, вопреки Косминскому, не был подлинным крестьянским вождем и защитником нации. Он был, правда, выдающейся по способностям личностью, но, фаталист и мистик, веривший при всем своем свободомыслии в приметы и предсказания, он был опьянен призраком якобы

⁸⁰ Ср. повторение этой оценки у Г. Ефимова — К вопросу об образовании китайской нации. «Вопросы истории» 1953, 10, стр. 67.

предназначенной ему императорской короны и шел к ней с полным аморализмом, очень мало думая об интересах народа. Самое восстание было начато и успешно продолжаемо отнюдь не в силу «отчаяния» народа, а именно потому, что все военные резервы империи беспрерывно отводились на север против маньчжуров, и риск выступления казался небольшим, а победа — вполне возможной. Ли Цзы-чэн вел свою «крестьянскую войну» с потрясающей жестокостью и беспринципностью. Акад. Косминский ставит ему в особую заслугу героическое⁸¹⁾ взятие Кайфына, бывшей Сунской столицы. Это был город с миллионным населением, центр промышленности, торговли и утонченной культуры. Капитулировавший в 1233 г. пред Субатаем после года упорной обороны, Кайфын был пощажён Угедеем, хотя этим нарушался принцип Чингис-хана об уничтожении всех, оказавших сопротивление. В 1641 г., когда на китайско-маньчжурском фронте борьба вступила в самую острую стадию, Кайфын был блокирован Ли Цзы-чэном и после двух неудачных осад и жестоких бомбардировок залит водами Желтой реки вследствие разрушения плотин по приказу крестьянского предводителя. Население города погибло в волнах за исключением «феодалов» — губернатора и высших чиновников, спасшихся на лодках. Другие крупные города по взятии их Ли Цзы-чэном подвергались трехдневному разграблению. Еще до взятия Пекина Ли Цзы-чэн учредил новую аристократию и свой двор и таким образом не отменил феодальной иерархии и бюрократизма, а восстановил то и другое в новом составе. Объявив сам себя тогда же и затем в Пекине первым императором новой династии, он сделал ненужным и невозможным избрание себя монархом со стороны своих солдат, о чем, как о факте революционного значения, говорит в учебнике акад. Косминский.

Минская династия под двойным ударом — маньчжуров и Ли Цзы-чэна — погибала с достоинством. Многие честные официалы, после самоубийства императора Чунчэня, покончили с собою согласно правилам конфуцианской государственной морали. К Ли Цзы-чэну перешли первыми недостойные чиновники и евнухи — фавориты, а также некоторые минские генералы, далекие от возвышенных соображений. У Сан-гуй, отозванный со своей армией с фронта еще приказом Чунчэня, оставался роялистом и легитимистом до последней возможности. Во всех перипетиях 1644 г. (союз с маньчжурами против Ли Цзы-чэна и поражение последнего в Каменной долине близ Шаньхайгуаня; союз с Ли Цзы-чэном против маньчжуров на основе раздела Китая между Минами и «династией Великого Послушания»; последняя попытка восстановить права наследного минского принца в Пекине), сознавая ограниченность своих сил наряду с безусловным пре-

⁸¹⁾ Именно под стенами Кайфына Ли Цзы-чэн якобы потерял в бою свой глаз, что в действительности произошло в операциях у прохода Дунгуань.

восходством маньчжурских армий, генерал оставался верным Минам и, вступив на путь политических комбинаций, не хотел ни победы узурпатора, ни торжества иноземных завоевателей. Впоследствии он погиб в противоманьчжурском восстании 1674 г. У Сан-гуй — трагическая фигура китайской истории; возлагать на него ответственность за потерю Китаем своей национальной независимости едва ли справедливо. Эту ответственность с империей и ее генералами разделяет идеализируемый Е. А. Косминским Ли Цзы-чэн.

VI

Переполненный противоречиями, искажениями исторической действительности и пропагандистскими лозунгами, учебник Е. А. Косминского обессилен отказом от восстановления живой исторической ткани не только политического, но так же и социального процесса Средних веков. Он стоит поэтому в теоретическом отношении низко и является громадным шагом назад сравнительно с некоторыми успехами придавленной большевизмом русской методической мысли в середине 30 гг. и, в особенности, в предвоенное и военное время (1939-1949). Основная часть руководства Косминского в третьем издании может быть сопоставляема по своему содержанию и духу только с «продукцией» школы Покровского и с произведениями таких авторов учебников обществоведения как Кушнер, Вольфсон, Гуковский или Трахтенберг. Между псевдосоциологическими начетчиками школы Покровского и акад. Е. А. Косминским в нынешнем тексте его учебника очень много общего. Как один из выдающихся русских историков Средневековой Европы, Е. А. Косминский ранее относился к абстрактным построениям в науке и в учебной литературе и практике вполне отрицательно. Но терроризованный выступлением Жданова и последовавшей затем чисткой историков, он был вынужден усвоить себе иную практику. Он, в свою очередь, подверг теперь текст своего же учебника истории Средних веков столь радикальной «чистке», а большую часть уцелевших фрагментов такой острой политической переоценке, что невольно возникает вопрос — не исходил ли он в данном случае подобно адептам Покровского начала 30 гг. не из данных действительного хода Средневековой истории, а из «априорной» схемы сущности, развития и закономерностей феодальной формации. Повидимому, дело обстояло проще: акад. Косминский не перешел полностью в восстановленный ныне цех адептов абстрактных построений, но не думал и о том, чтобы вновь творчески вывести свою современную концепцию элементарного курса из подлинных исторических фактов. Он действовал вполне механистически: вооружившись ждановскими директивами в их логическом развитии, достигнутом при его же участии, акад. Косминский подверг свой старый текст систематической ревизии, стирая с доски рассказа подряд все излишнее или опасное — факт за фактом, деятеля за деятелем, эпоху за эпохой, страну за стра-

ной; оставленный материал был переработан в духе тотального понимания феодализма и борьбы классов и осложнен постоянными жалобами на зверства феодалов и церковников и мотивами ненависти и мести. Этот последний элемент учебника Е. А. Косминского составляет одну из его особенностей сравнительно с историками-теоретиками школы Покровского, гордившимися своею схоластической ученостью и избегавшими даже в популярных руководствах и пособиях апеллировать к чувствам читателей. «Историки-марксисты» хотели быть «объективными»: они, не интересуясь мало известным им «фактическим материалом», детально изучали «закономерности феодального способа производства» вне времени и пространства. При этом «проблемы», относившиеся к русской истории, истории других «народов СССР» или прошлому славянских наций трактовались адептами Покровского с таким же бесстрашием, как и вопросы западноевропейского феодализма. Совсем иначе обстоит дело в астоящее время.

Основные требования Сталина-Жданова в 1947 году сводились к окончательному разрыву с «буржуазным объективизмом», т. е. к исключению элементов объективного исследования и изложения истории, и к тотальному преследованию «космополитизма», т. е. беспристрастия в национальном вопросе. Историк обязан безоговорочно становиться на сторону революционных классов в их борьбе с классами реакционными и на сторону русского народа в столкновениях последнего с нерусскими нациями, как и на сторону славянства в целом при освещении исторических отношений славянства или его отдельных народов к иным расовым, национальным или племенным соединениям. Наконец, историк должен переносить современную нам общность судьбы и интересов народов Советского Союза в далекое прошлое и рассматривать исторический процесс этих народов, каков бы ни был их расовый или этнический состав, как нечто более высокое и всегда передовое по типу развития сравнительно с прошлыми народами, еще не вошедших в состав Советского Союза. Таким образом медиевист должен быть как бы адвокатом истории народов СССР или его сателлитов и вместе с тем — как бы прокурором по отношению к странам, находящимся ныне за пределами Советского блока. Все эти требования, доведенные до последней остроты, до «идеала» — хотя и мало примиримые между собою — и пытается выполнить в своем учебнике акад. Косминский. Он вынужден был заниматься не только высокой академической работой, но и новой редакцией своего давно написанного учебного руководства и придавать его новому изданию беспощадно-воинственный характер. Ждановские директивы конца 40-х гг. требовали от историков выйти в науке и преподавании за пределы сталинизма военного времени и от оборонительной, отчасти компромиссной тактики, обусловленной кризисом первых лет войны, перейти в решающее наступление против капитализма по всей линии изучения истории — от Академии Наук до последней колхозной школы. В массовом преподавании истории Средних веков акад. Кос-

минскому было предписано, прежде всего, «обеспечить» безусловное применение принципа теоретического материализма и исключить всякие остатки или следы идеалистического понимания развития средневековых обществ. Эту тенденцию мы находим в учебнике Косминского в полной, ранее не наблюдавшейся мере: личность всюду понимается автором исключительно как элемент класса и представитель его материальных и политических интересов. Средневековое государство, в любой его форме, рассматривается исключительно как форма террористического господства феодального класса. Культура Средних веков объявляется служанкой феодалов. Но именно такая тотально-материалистическая трактовка истории Средних веков приводит к представлению, что между эксплуататорами и эксплуатируемыми классами средневековой Европы или азиатского Востока не было ничего общего и что общественный порядок и самое существование феодальных обществ были основаны исключительно на внешнеэкономическом принуждении непосредственных производителей, на перманентном brutальном насилии феодалов над крестьянами как в повседневном быту усадьбы, так и в жизни целых государств Европы и Азии. Косминский представляет историю Средних веков в виде постоянной открытой или латентной гражданской войны, бесконечных «взрывов» восстаний и их кровавого подавления. Кроме жадности, садизма, презрения и ненависти на одном полюсе и негодования, обиды, ненависти, радости мести и расправы на другом — никакие иные чувства и помыслы не волнуют, по Косминскому, людей Средневековья. Таким представлением наносится существенный ущерб изучению исторической действительности и становится непонятной вся история труда и творчества Средних веков. Воспитание столь преувеличенной концепции классовых противоречий может превратиться в разрушительный фактор для жизни самого Советского Союза, где под видом бесклассового общества развиваются глубокие социальные конфликты.

Другая группа тенденций ждановской переработки советской медиавистики сводится к тоталитаристическому пониманию Средневековой истории, как одновременного в разных странах и частях света господства феодализма, отождествляемого с системой крепостнических производственных отношений. Но V–XVII вв. даже в Западной и Восточной Европе имеют не одно и то же социальное содержание; приравнивать общественный строй стран Дальнего Востока этих столетий к социальной структуре западно-европейского Средневековья еще в большей мере рискованно. Феодализм и крепостничество суть понятия различного содержания; говорить о внеевропейском феодализме возможно только в условном смысле; крепостничество не ограничивается рамками Средневековья и, с другой стороны, не исчерпывает сложности социального комплекса средневековых стран европейского Запада. Следовательно, насаждение тоталитаристического понимания Средневековой истории в массовой школе есть насилие над интересами исторического преподавания. Это насилие тем

пагубнее, что в основу перехода к феодальной формации общества положена революция рабов и колонов, осложненная варварскими завоеваниями. Данная формула исторически неверна и логически противоречива; последняя ее часть способна приводить школьников к выводам и оценкам, нежелательным и для советского правительства.

С наименьшей настойчивостью проводится в стандартном учебнике Е. А. Косминского антирелигиозная тенденция. В этом отношении 3-е издание данной книги стоит, несомненно, на первом месте среди всей советской учебно-исторической литературы, значительно превосходя бывшие усилия школы Покровского, или даже исторические построения в специальных антирелигиозных учебниках конца 20-х и начала 30-х гг. После некоторого смягчения этой активности, особенно с 1939 г., мы видим ныне восстановление старой линии в небывалых размерах и остроте, но в несколько ином направлении. Учебник Косминского по существу есть именно антирелигиозный учебник, односторонний как школьное руководство по истории, но зато носящий наиболее последовательный и цельный характер. В конце 20 гг. собственно «марксистско-ленинская» постановка антирелигиозного воспитания на уроках обществоведения только зарождалась, и первые опыты ее не всегда были достаточно систематичны и последовательны. Только на рабочих факультетах в начале 30-х гг. эта работа была поставлена с наибольшей остротой и целеустремленностью. В массовой средней школе положение признавалось совершенно неудовлетворительным. Теперь, после ждановского переворота, советская средняя школа получила в лице учебника Косминского, повидимому, наиболее сильный инструмент антирелигиозного воздействия на учащихся в рамках курса Средневековой истории. В этом учебнике религия (христианская, мусульманская, буддийская и др.) и церковь, в широком смысле этого слова, впервые систематически представлены как главный оплот феодальной эксплуатации и как якобы действительная основа средневекового невежества, некультурности и, во многих случаях, — национального угнетения. Количество дискриминирующих оценок и обвинений против религии и церкви в 3-ем издании учебника настолько велико, что с трудом поддается учету. С наибольшей обстоятельностью эти обвинения являются в следующих случаях:

- На стр. 9 христианская церковь в Раннем Средневековьи обвиняется в насаждении феодальной эксплуатации, в паразитизме и невежестве.
- На стр. 12 православная церковь в Византийской империи — в обоготворении императора.
- На стр. 26 мусульманская религия в государстве Мухаммеда и в халифате — в воспитании населения в духе социальной покорности и пассивности.
- На стр. 35 католическая церковь во Франкском государстве Хлодвига — в укреплении королевской власти и оправдании ее преступлений.

- На стр. 39 католическая церковь в империи Карла Великого — в упрочении эксплуататорского господства императора.
- На стр. 53 папство и католическая церковь при Григории VII — в теократической политике и в стремлении к мировому господству.
- На стр. 58 католическая церковь в раннесредневековой Польше признается «главным пособником порабощения народа».
- На стр. 61 православная церковь в России уличается в строительстве феодальной государственности.
- На стр. 67 православная церковь Византии — в подчинении империи и в преследовании философии и науки.
- На стр. 70 мусульманская религия в халифате — в гонении на свободную мысль арабов и других народов.
- На стр. 72-73 браманизм и буддизм средневековой Индии — в насаждении пассивного послушания и повиновения «богу, царю и феодалу».
- На стр. 106 католическая церковь в Высоком Средневековьи признается оплотом феодализма и невежества.
- На стр. 107 повторяются те же обвинения.
- На стр. 111-115 католическая церковь бичуется за преследования ересей и инквизицию.
- На стр. 118 — за преследование науки.
- На стр. 135 епископы и аббаты в Англии XI-XV вв. признаются «самыми жестокими крепостниками».
- На стр. 145 католическое духовенство в Испании тех же столетий изображается в виде главного представителя феодальной эксплуатации.
- На стр. 146 оно же клеймится за деятельность испанской инквизиции.
- На стр. 156 католическая церковь в западно-славянских землях обвиняется в кровавой христианизации и феодализации в интересах немецкого господства.
- На стр. 163 католическая церковь в Чехии XV в. характеризуется как «самый жестокий эксплуататор» крестьянства.
- На стр. 183 одобряются обвинения Боккачио против католического духовенства по поводу его ханжества и лицемерия.
- На стр. 186 подчеркивается, что Чосер «беспощадно высмеивает духовенство».
- На стр. 186-187 с ударением дается перечень обвинений Рабле против богословов и «глупого и невежественного духовенства».
- На той же стр. изображаются, по Эразму Роттердамскому и по «Письмам темных людей», «жадное и распущенное католическое духовенство», «глупые и невежественные монахи и богословы», «мошеничество, пьянство и распущенность» католического духовенства.
- На стр. 188 с энтузиазмом приводятся нападки Ульриха фон Гуттена «на засилие в Германии римского папы и католических попов и монахов».

- На стр. 199 изображаются в самом черном свете католическая церковь и папство в Италии и Германии в конце XV и в начале XVI вв.
- На стр. 201 М. Лютер представляется руководителем и идеологом буржуазной реформации, имевшей целью освятить и утвердить капиталистическую систему эксплуатации.
- На стр. 207 доказывается, что кальвинизм был религией капиталистического накопления и крупной буржуазии.
- На стр. 210 дается картина деятельности инквизиторов и иезуитов в эпоху католической реакции XVI в.
- На стр. 211 лютеранство и кальвинизм обвиняются в «нетерпимости, преследовании свободной мысли и в грубом суеверии».
- На стр. 215 в весьма темном виде изображается католическая Лига во Франции в годы гугенотских войн.
- На стр. 222 клеймится террор епископальной церкви в Англии эпохи реформации.
- На стр. 225 приводятся сцены преследования пуритан в годы режима Лоуда.
- На стр. 227 приводятся картины религиозных преследований в годы католической реакции в Нидерландах конца XVI в.
- На стр. 243 приводятся преследования православного населения Украины и Белоруссии со стороны католической церкви, иезуитов и униатов.
- На стр. 255-259 изображается преследование науки XVI-XVII вв. со стороны католической церкви и приводятся соответствующие данные из жизни Коперника, Дж. Бруно, Галилея, Гарвея, Кампанеллы.
- На стр. 262 представлена картина преследования католическою церковью ведьм, колдунов и еретиков (тюрьмы, пытки, костры, мучительные казни).

Подавляющая часть (70%) этих обвинений падает, как мы видим, на католическую церковь. Учебник Косминского есть специфически антикатолический учебник. Современная борьба коммунизма с Ватиканом ставит перед советской медиевистикой — как в науке, так и в учебной литературе — вполне определенные боевые задачи, и вся концепция Средневековой истории приобретает резкий антикатолический колорит.

Педагогический эффект данной акции остается однако невысоким: читатель, утомленный повторением одного и того же мотива, пропускает без внимания обвинения автора против католицизма и не вникает в существо его рассуждений. Также невелико и собственно теоретическое значение антирелигиозного и, в частности, антикатолического наступления акад. Косминского. Для читателя весьма скоро становится ясным, что средневековые религии были делом не только «церковников», но всех соответствующих обществ и что «церковники» выходили из рядов различных групп и классов этих обществ. Акад. Косминский упорно внушает своей аудитории мысль о необычайной

хитрости, коварстве и злобности духовенства всех религий — и, прежде всего, католической церкви —, якобы сознательно обманывающего народ в целях создания или укрепления феодальной государственности и собственного властвования и обогащения. Советский читатель, вышколенный политически и прошедший несравненно более жестокую практику обмана, властвования и обогащения, едва ли верит этим внушениям автора. Он замечает — несмотря на все приемы умолчания и интолкувания, практикуемые Е. А. Косминским в данном учебнике — что католическая церковь, разделяя недостатки всего средневекового общества, веками стояла во главе процесса развития культуры, организации и международной общности средневековой Европы. Наконец, акад. Косминский не всегда решается скрывать от читателя, что и противники католицизма, пропагандисты и строители «бедной церкви», а впоследствии и руководители реформации и протестантизма почти все вышли из среды тех же «церковников», огульно изобличаемых в учебнике в качестве средневековых «врагов народа».

Принципиально иная группа тенденций советской медиевистики связана, как было сказано выше, с попыткой отделить историю некоторых стран мира от других и приписать ей черты более высокого типа развития. Е. А. Косминский был обязан «обеспечить» применение к учебному курсу Средневековой истории антизападнических лозунгов послевоенного сталинизма. История народов СССР и также — славянских народов излагается в ином тоне и стиле, чем народов романо-германских. В особенности по отношению к России — хотя и признаются факты классовой борьбы, но в общих выводах избегаются всякие дискриминационные замечания, провозглашаются принципы государственного достоинства, национального единства, общенародного характера культуры и высокого патриотизма населения. Такое резкое различие в оценках аналогичных по своему существу процессов средневекового человечества бросается в глаза настолько сильно, что заставляет даже наивного читателя поставить в своем сознании вопрос о причинах подобной трактовки, — вопрос, способный привести к весьма далеко идущим соображениям.

С последней тенденцией — антизападнической и панславистской — соединено в учебном курсе советской медиевистики своеобразное расположение народов феодальных времен в иерархическом порядке: всего более подчеркивается высокое достоинство истории русского государства и общества в Средние века; второе место занимают нерусские народы нынешнего Советского Союза, далее — западные и южные славяне; византийские греки, арабы и романо-германские народы трактуются сухо и поверхностно — в их истории усматривается только борьба классов, ненавидящих друг друга. Из западно-европейских народов Средневековья в наиболее неприглядном свете показаны немцы: они думают главным образом о захватах чужих территорий; история германского крестьянства почти не изучается; поражения средневековой Германии на полях битв описываются с нескрываемым зло-

радством и т. д. В соответствующих главах акад. Косминский говорит языком недавних военных лет. Также и о монголах, маньчжурах и османских турках находим исключительно отрицательные суждения. Передовые в Средние века народы Дальнего Востока — индийцы и китайцы — представлены в книге Косминского, главным образом, в аспекте их угнетения царями и феодалами. Японцы фигурируют один раз в роли «захватчиков». Многие народы, даже Западной Европы, возникшие в Средние века, в учебнике не названы или названы без указания времени и обстоятельств их выделения в особые национальные единицы (скандинавские народы, ирландцы, португальцы, венгры и др.). Евреи вовсе не признаются за особую народность или, тем более, нацию. Они упоминаются в учебнике Косминского четыре раза⁸²⁾ — в качестве странствующих торговцев в Раннем Средневековье; как жертвы испанской инквизиции (без указания на их роль в развитии испано-мавританской культуры) и в связи с их изгнанием из Испании в 1492 г. (дата не приводится); затем как иммигранты в Нидерландах в XVI в. и как жители Речи Посполитой в XVI-XVII вв. При этом средневековая история еврейского народа никогда не рассказывается связно и последовательно, так что советские читатели не могут составить себе никакого представления об общих судьбах данного народа и его вкладе в историю. В целом учебник Косминского, со стороны сообщаемых в нем фактов, весьма мало содействует укреплению элементов интернационального воспитания в советской школе.

Таким образом все тенденции, в угоду которым акад. Косминский был принужден переработать свой давно составленный учебник Средневековой истории, несут с собою глубокие противоречия или внешнего характера — между утверждениями автора и исторической действительностью — или порядка внутреннего — между различными направлениями мысли составителя данного руководства. Впрочем, не все главы или параграфы книги в одинаковой мере затронуты ураганом ждановского нападения на историческую науку и литературу. Только некоторые из отделов учебника написаны заново. Другие подобны средневековым палимпсестам: сквозь измененный сплошь или местами текст просвечивают старые, более близкие к исторической правде и к интересам школы элементы изложения; лучшие из частей учебника носят мало следов новейшей цензуры и иногда производят впечатление инородных тел среди теперешнего текста с его запальчивым, агитационным стилем. Весьма часто акад. Косминский, не решаясь жертвовать своей ученой и человеческой репутацией, не в силах оставаться верным Жданову или скрывающемуся за последним Сталину первого послевоенного пятилетия: заняв в том или другом случае явно чуждую правде, неисторическую позицию и достаточно засвидетельствовав ее рядом совершенно превратных утверждений, он

82) Акад. Е. А. Косминский. История Средних веков, стр. 83, 146-147, 232, 243.

тут же или в ином месте, — несколько ниже или значительно ниже, часто совершенно в другом контексте или в иной главе — дает, как бы мимоходом, определение или намек, по существу отрицающие ранее высказанные вполне официальные, ждановские положения и звучащие вполне в духе старой русской учебной традиции. Такой метод одновременной или последующей оговорки чрезвычайно показателен для обнаружения действительных воззрений ученого автора.

Воспитательные задачи современного преподавания истории в советской школе подчинены ставшему теперь знаменитым лозунгу Сталина: «Врага нельзя победить, не научившись ненавидеть его всеми силами души»⁸³). Этот лозунг был дан и многократно повторен во время войны 1941–45 гг. Советские историки должны были переработать свои курсы, лекции, учебники и другие печатные труды на основе нового сталинского указания, доводящего основную тенденцию классово-борьбы до законченного, предельного обострения. В области учебной литературы акад. Косминский, повидимому, сумел сделать это глубже всех: его учебник Средневековой истории в нынешнем виде есть поистине «школа ненависти». Автор не считается с фактической сложностью и противоречивостью человеческого коллективной — социальной или национальной — психики и по любому поводу, почти на каждой странице своего учебника прокламирует классовую и международную ненависть. Читатель не выходит из круга воспитываемых в нем негативных, разрушительных чувств. Уже самый подбор слов и обозначений в нынешнем тексте руководства Косминского представляет собою нечто, до сих пор невиданное в учебной литературе. Сравнительно небольшому числу выражений, относящихся к созидательной, организующей деятельности средневековых обществ или хотя бы только «трудящихся классов», противопоставлено громадное количество постоянно повторяющихся глаголов, существительных, прилагательных, местоимений и сложных речений, характеризующих явления диссоциального или асоциального порядка. Вот далеко не исчерпывающий ряд таких обозначений, списанных почти подряд со страниц учебника: эксплуатировать, угнетать, вымогать, презирать, ненавидеть, подрывать, задавить налогами, забирать, захватывать, озлоблять, затаить злобу, враждебно смотреть, с завистью смотреть, возбуждать, раздражать, заставлять, отбирать, завлекать, обирать, нагло хозяйничать, поработать, выжимать налоги, обмеривать и обвешивать, наживать барыши, разорять, сгонять, выбрасывать, обезземелить, морить голодом, ссылая, отнимать, завоевывать, обогащаться, натравливать, нападать, опустошать, разграблять (на стр. 7 это слово приведено четыре раза), изменять, предавать, разрушать, овладевать, завладевать, производить хищные набеги, громить, угонять, уничтожать, истреблять, доводить до отчаяния, издеваться, клеймить, разжигать ненависть, беспощадно высмеивать,

83) И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, Москва, 1950, стр. 100-101.

восставать, поднимать восстание, подниматься на врага, отомстить, нанести сокрушительное поражение, перебить, расправляться, истреблять всех до одного, избивать, делить добро (т. е. имущество эксплуататоров), отчаянно сопротивляться (о трудящихся), бешено, яростно сопротивляться (о монахах), разбивать (конторы и магазины), убивать (феодалов, попов, купцов, промышленников и ростовщиков), выгонять немцев, изгонять попов, предавать огню и разорению (замки и монастыри), убивать предательски, подавлять, казнить, вешать, сечь, жечь, преследовать и т. д.

Другие излюбленные слова и речения: зверская жестокость, страшная жестокость, бесчеловечная эксплуатация, невыносимый гнет, невероятная жестокость, гнусные средства, дикая расправа, страшная расправа, жестокие захватчики, жгучая ненависть, лживые обещания, крайнее раздражение, страшное ожесточение, страшное поражение, грабежи и насилия, беспощадная борьба, беспощадные гонения, страшные суды, беспощадная расправа, полный разгром, разгромленные земли, опустошительные набеги, страшный удар, страшное иго, массовое избиение, беспощадное истребление, немецкое засилье, страшный разгром немцев, жадное духовенство, предательское соглашение, предательское убийство, изменническое нападение, жестокая расправа, наемный сброд, сброд из мелких рыцарей, ужасный разгром, неслыханная жестокость, ужасные разрушения, народные страдания, жестокие меры, потрясающие картины, бешеная злоба, глупое и невежественное духовенство, жадное и распущенное католическое духовенство, засилье церкви, легкая нажива, безграмотный бандит, смертельная вражда, неожиданный удар, невыносимые мучения, охота на людей, загубленные человеческие жизни, европейские хищники, португальские зверства, ловкие дельцы, быстрая нажива, бесстыдная торговля (индугенциями), зверские казни, жестокие пытки, гнусные победители, подлая и трусливая буржуазия, перетрусившая буржуазия, страшная резня, страшное озлобление, свирепые законы, свирепая расправа, мучительные казни, свирепый террор, свирепые насильники, глубокая ненависть, ужасная расправа, беспощадное уничтожение, страшное разорение, бешеная реакция и т. п.

Все эти определения и характеристики, часто не имеющие почти никакого конкретного познавательного значения, но разрабатывающие в бесконечных вариантах общую тему ненависти, расставлены весьма продуманно. В частности, самое слово «ненависть» в учебнике Е. А. Косминского стоит именно там, где имеет место сублимация данной сталинской темы. Таких мест в учебнике не менее 18, а именно:

- на стр. 6 подчеркивается ненависть «всех трудящихся» к Римской империи;
- на стр. 22 — ненависть болгар к византийцам;
- на стр. 58 — ненависть поляков и чехов к католическому духовенству;
- на стр. 99 — ненависть китайцев к монголам;

- на стр. 100 выступает глубокая ненависть русского народа к свирепым захватчикам — татарам;
- на стр. 101 — ненависть западно-европейских феодалов к крепостным крестьянам,
- там же — ненависть крепостных крестьян к феодалам;
- на стр. 106 — ненависть горожан к рыцарям;
- на стр. 104 — ненависть угнетенных трудящихся классов к католической церкви;
- на стр. 133 констатируется жгучая ненависть французских крестьян («жаков») к феодалам;
- на стр. 135 — непримиримая классовая ненависть Джона Болла к феодалам и королевским судьям;
- на стр. 149 — глубокая ненависть русского народа к захватчикам-монголам;
- на стр. 163 — ненависть немцев к Яну Гусу;
- на стр. 177 говорится о взаимной ненависти феодальных эмиров Средней Азии конца XIV в.;
- на стр. 180 — о ненависти покоренных народов к туркам XVI в.;
- на стр. 194 — о ненависти подвластных племен к ацтекам и «инкам»;
- на стр. 199 изображается общая ненависть в Германии к католической церкви в предреформационную эпоху;
- на стр. 243 — глубокая ненависть украинцев и белоруссов XVII в. к польским панам, католическому духовенству и иезуитам.

Из этого списка следует по существу исключить указание на взаимную ненависть среднеазиатских эмиров, включенное в текст учебника или по недосмотру, или в целях прикрытия основной тенденции. Эмиры, естественно, не могли быть антагонистами по отношению друг к другу. В остальных случаях акад. Косминский распределяет моменты ненависти поровну между явлениями социального и национального порядка: классовая ненависть подчеркивается 8 раз, национальная — 9, но в последнем случае одно и то же отношение ненависти (русских к татарам) учитывается дважды. Это равенство отношений характерно: акад. Косминский, во избежание опасных политических обвинений, счел за необходимое не давать социальному или национальному моменту формального преобладания, доходя до педантизма. Не случайно и то, однако, что о ненависти русского народа к свирепым захватчикам-монголам говорится дважды. Очевидно, здесь заложен некий политический центр тяжести педагогической тенденции автора — выдвигается особая актуальность данной темы. Конечно, в связи с воспитанием населения СССР в духе подготовки предстоящей войны советского мира с «международным империализмом» ненависть к внешнему врагу должна стоять на первом месте. Этой же тенденцией объясняется и продолжающееся в 1951 г. господство антинемецкой акции в учебнике Косминского: на немецкой теме советский читатель учится ненависти к будущим «захватчикам». С этим связано и особое значение слов «захват», «захватчики», «захватывать» в тексте данного руководства. Указанные слова

встречаются в учебнике более 100 раз, часто по два раза на странице (ср. стр. 17, 22, 28, 34, 55, 56, 156, 159, 242) или более того (3 раза — стр. 251, 4 раза — стр. 152, 8 раз — стр. 155). Это систематическое насильственное насаждение понятия «захват» в умы советских читателей преследует, конечно, также и общую цель внедрения материалистического, в вульгарном смысле, воззрения на Средневековую и современную историю. Классовая борьба, по Косминскому, есть борьба прежде всего за материальные объекты, за реальные ценности: созданные одними, они присваиваются другими, но затем должны быть захватываемы третьими. Феодалы захватывают плоды крестьянского труда, но и восставшие против феодалов крестьяне или городские бедняки не забывают о главном: расправляясь над своими угнетателями, они непременно громят замки, монастыри, церкви, магазины, конторы, уносят оттуда «добро», «захватывают имущество», делят его между собою и т. д.

Аспектов ненависти и захватов в учебнике Косминского очень много, и это налагает на преподавание Средневековой истории в современной советской школе особую печать. Мы не видим и следа преподававшего в старой литературе и учебной практике сдержанного, наукообразного изложения с пропорциональным соотношением элементов рассказа, описания, характеристики и рассуждения. Текст новейшего советского учебника носит страстный, возбуждающий, раздражающий характер. Такое преподавание имеет своей воспитательной целью привести учащихся в некое боевое настроение, довести их до иступленного фанатизма ненависти в одних случаях, до энтузиазма — в других. Спокойным, любознательным, размышляющим читатель, по замыслу советских историков ждановского направления, остаться не может. Под влиянием подобных учебников и всей системы преподавания учащийся должен рваться в бой и мстить современным эксплуататорам и захватчикам за зверства феодалов и церковников средневековой эпохи.

В интересах такого политического и педагогического эффекта все позитивные аспекты и моменты истории Средних веков или целиком выброшены из учебника Косминского, или доведены до минимума: развитие производительных сил средневекового общества представлено в чрезвычайно бледных, отвлеченных чертах; эпохи относительного социального равновесия, как таковые, в истории средневековых обществ вовсе не показаны; положительная роль растущей государственной власти представлена в обратном, негативном освещении; народный труд и творчество сведены к созданиям узкоклассовой феодальной культуры, выгодной только для эксплуататоров. Исторические личности разделены на положительные, идеальные примеры вождей крестьянских восстаний и движений «городской бедноты» и силуэты отрицательно идеализированных руководителей феодального или раннекапиталистического общества.

Но также и в педагогическом аспекте в учебнике Косминского читатель сталкивается с постоянными противоречиями: главы, посвя-

щенные народам СССР, славянским странам и, в особенности, средневековой России, внушают нам иной строй чувств и предрасположений, чем главы, трактующие историю Романо-германского мира, Византии или стран азиатского Востока. Славянские и, главным образом, русские отношения и деятели, даже монархи, остаются в сознании читателя с более привлекательными чертами и выступают не как объекты «жгучей», «непримиримой», «глубокой» или иной ненависти, а как исторически закономерные и оправданные явления или — поскольку дело касается выдающихся личностей — как образцы для подражания. Это противоречие остается всюду не мотивированным и не прикрытым педагогически в такой же мере, как и в аспекте теоретическом.

В учебно-методическом отношении необходимо отметить в современной советской школе, наряду с расширением рамок курса Средневековой истории на Россию и Дальний Восток, чрезвычайное сокращение обязательного, приводимого в учебнике, материала — как со стороны объема сообщаемых событий, описаний и характеристик, так и в области исторической номенклатуры, географии и хронологии. Особенно страдает политическая история Средневековья: она излагается в высшей степени фрагментарно. При этих условиях акад. Косминский надеется избежать имевшей якобы место ранее перегрузки учащихся. В его учебнике мы имеем теперь около 270 страниц текста крупного шрифта, рассчитанных на $1\frac{1}{2}$ года учебной работы (во втором семестре VI и в двух семестрах VII классов средней школы), т. е. приблизительно на 13 рабочих месяцев. На один месяц приходится несколько более 20 страниц учебника, что, при 13 в среднем уроках в месяц, дает $1\frac{1}{2}$ —2 страницы на урок. Но в книге помещено 116 иллюстраций, 23 картины и 1 таблица в тексте. Эти приложения уменьшают текст книги не менее как на одну треть нормального объема. Следовательно, на урок приходится не свыше $1\frac{1}{2}$ страниц, часто — только одна страница текста. Притом фактологическое содержание в среднем составляет только около 80% учебного текста, в остальном занятого повторяющимися выводами и эмоциональными суждениями. Таким образом акад. Косминскому, несмотря на обогащение школьного курса Средневековой истории элементами истории России и Дальнего Востока (что принципиально давно стало необходимостью и само по себе составляет большое достоинство современной учебной практики в СССР), удалось впервые «разгрузить» курс данной дисциплины и с этой стороны приблизить его к невысоким в общем или зачастую чрезвычайно низким условиям преподавания в массовой советской школе послевоенного времени. Но разве такое необычайное упрощение и обеднение содержания исторического курса может составить какое-либо приобретение в истории советской школы? Не значит ли это двигаться по линии наименьшего сопротивления и воспитывать полужнание и верхоглядность? Не скажется ли такой схематизм в будущем, например, в работе в стенах высшей школы, недостатком основательных познаний, бедностью речи, гру-

бостью понятий и неэластичностью мышления? В книге Косминского стерты почти все особенности даже социального феодализма в разных странах мира, тем более стереотипны политические и культурно-исторические характеристики. В последнем отношении симптоматическим являются, например, отказ Е. А. Косминского от конкретных описаний художественных памятников Средневековья и однообразная рекомендация их читателю, как «красивых», без всяких дальнейших определений. «Красивыми» являются, по Косминскому, и собор Сан Марко в Венеции (стр. 67), и русские церкви Киевского периода (стр. 69), и китайские дворцы и храмы Сунской эпохи (стр. 77, 79), и мосты и дворец дождей в Венеции (стр. 158, 169), и куполы Ренессанса (стр. 186), и постройки Тимуридов в Средней Азии (стр. 178), и дворцы ацетков и «инков» (стр. 194), и русские дворцы и храмы XV-XVI вв. (стр. 190, 263). Учащиеся не приучаются автором учебника, следовательно, также и педагогами к борьбе за конкретные факты, живые личности, за хронологию, номенклатуру, терминологию, за использование археологических и художественных памятников при изучении той или другой эпохи, за усвоение аромата времени и локального колорита. Особое и главное внимание в курсе уделяется не фактам, но их оценке и выводам, многие из которых повторяют в однообразной форме одни и те же положения — например, об эксплуататорской роли и вредном влиянии католической церкви или о бедственной участи средневекового крестьянства. При этом преследуются те же цели, что и во всей системе советской пропаганды: постоянными повторениями одной мысли и оценки лишить воспринимающее сознание силы сопротивления и подавить естественное стремление к критике. Этому соответствует и принцип отбора фактов: сообщается только то, что способно подкрепить заранее намеченный вывод⁸⁴). Часто, однако, скудность фактических данных делает вывод или оценку неубедительными. С другой стороны, несмотря на исключение многих специальных, в том числе основных терминов Средневековой истории («схоластика», «сословная монархия» и пр.), курс переполнен выражениями, весьма или даже слишком трудными для нынешних учащихся VI-VII классов и не находящими себе разъяснения в тексте учебника. Сюда относятся такие обобщающие понятия как «строй», «эксплуатация», «падение», «представители», «элементы» и др., повторяемые местами на каждой странице многократно без объяснения. Такая практика требует от учителя особых усилий, чтобы приблизить текст учебника к пониманию учащихся. Если же и учитель оказывается не на высоте положения,

84) Эта практика максимального сокращения конкретного исторического материала продолжается и в настоящее время, как это видно из выступления министра Народного Просвещения РСФСР Каирова от 10 августа 1953 г. по вопросу о «перегруженности» учебных программ средней школы по ряду дисциплин и, в частности, по истории. «Учительская газета» № 65 (3775), 15 авг. 1953, стр. 3.

неизбежны последствия, о которых рассказывает, например, директор средней школы в селе Павлыш Онуфриевского района Кировоградской области в «Учительской газете». На вопрос учителя о причинах падения Западно-Римской империи одна из учащихся VI кл. дала следующий «изумивший учителя» ответ: «В Римской империи был рабовладельческий строй. В нем жили рабы и колонны. Они были под тяжестью налогов, и им было очень тяжело. Потом через границу перешли варвары и приблизились к рабовладельческому строю. Рабы увидели варваров. Они начали расшатывать рабовладельческий строй изнутри. . . Они открыли ворота. Варвары вошли в этот город, и рабовладельческий строй упал. Рабы повели варваров к богатым. Варвары взяли там много богатства. . .» Учитель «поставил тот же вопрос о падении Западно-Римской империи другому ученику: он ответил слово в слово по учебнику, но дополнительные вопросы показали, что ребенок ничего не понимает в рассказанном⁸⁵). Директор школы жалуется на такое неутешительное положение с преподаванием Средней истории в порученном ему учебном заведении и обвиняет преподавателя истории, не сумевшего связать определения и названия «с конкретными предметами и явлениями, которые они обозначают. . .» Под словом «строй» ученица понимала «не то город, не то огромный дом, куда рабовладельцы загоняли рабов и колоннов, слово «падение» связалось с представлением о разрушении здания или города; в выражении «тяжесть» ребенок не осмыслил переносного значения слова «тяжесть»⁸⁶). Директор не решается сказать, что в данном случае несет ответственность далеко не один учитель. Советский педагог — и в особенности историк — запуган угрозами политических обвинений; его методическая работа скована постоянными опасениями. Неудивительно, что он боится углубляться в смысл формулировок учебника и слепо следует ему, пытаясь опираться не столько на теоретическую сторону курса Средневековой истории, сколько на его эмоциональный характер, столь изобильно представленный в учебнике Е. А. Косминского. Но постоянное повторение абстрактных характеристик социальной или национальной ненависти и борьбы — «страшной», «ужасной», «свирепой», «беспощадной», «кровавой» и т. п. — ничуть не содействует методической работе автора учебника и учителя с читателем и учащимися, ожидающими и требующими фактического рассказа с необходимыми перипетиями и подробностями, при каковом условии только и возможно понять все эти захваты, разгромы, расправы и т. п. Но и самое изобилие трагических и потрясающих моментов, притом подобранных и изображенных односторонне и грубо тенденциозно, приводя к потере спокойствия, загрязнению воображения и развитию асоциальных чувств, вместе с тем сопро-

⁸⁵ В. Сухомлинский. Почему детям трудно учиться? «Учительская газета» № 83 (3793), 17 октября 1953, стр. 3.

⁸⁶ Там же.

вождается и быстрой утомляемостью аудитории, понижением интереса и малой эффективностью учебной работы.

Особого замечания требует иллюстративная обработка учебника Е. А. Косминского. В целях обеспечения наглядности в учебном процессе данное руководство снабжено весьма большим числом иллюстраций. В количественном отношении оно занимает с этой стороны одно из первых мест в русской учебно-исторической литературе для массовой школы. Преобладающее большинство экспозиций воспроизводит памятники прошлого в современном виде — здания и сооружения, произведения скульптуры, предметы художественной промышленности и домашнего обихода, средневековые миниатюры, портреты, образцы шрифтов и др. Но некоторая часть иллюстраций подобрана по другому принципу и является репродукциями исторических картин, зарисовок, портретов или реконструкций архитектурных ансамблей и других памятников, восстановленных художниками или археологами нашего времени. Сюда относятся, например, иллюстрации: «Купеческий караван выходит из средневекового города», «Каменный Кремль при Димитрии Донском», «Ауто-да-фе», «Взятие в плен Жанны д'Арк», «Хоромы Строгоновых в Соли Вычегодской», «Иван Грозный» и др. При этом читателю почти никогда не разъясняются происхождение, местонахождение или авторство памятников или демонстрируемых изображений, и учащийся лишен возможности отличить средневековые памятники от работ нынешних мастеров: рисунок с картины современного нам художника он может отнести к средневековым памятникам или, наоборот, старинное произведение искусства может приписать нашему времени. Легенды к иллюстрациям чрезвычайно бесцветны и не вразумительны, а иногда, не будучи снабжены соответствующими оговорками, оказываются и по существу не вполне правильными. Так, например, на стр. 109-й под изображением Реймского собора стоит подпись «Готический собор». На странице 15-й представлен, в масштабе целой страницы, храм св. Софии в Константинополе в его нынешнем состоянии, т. е. с позднейшими пристройками, минаретами, без креста на куполе и пр. Легенда гласит: «Храм св. Софии в Константинополе»: читатель, особенно учащийся, может подумать, что он имеет перед собой изображение этого храма в его первоначальном виде. На стр. 73 представлен «индийский храм времен Гупта» (чайтия IX, Аджанта, фасад и портал храма), по изображению которого трудно составить представление о его виде в Средние века, — следовательно, оговорка о причиненных храму повреждениях здесь более, чем уместна. Рядом с этой иллюстрацией, на стр. 72, дано воспроизведение, в реставрированном виде, знаменитой бронзовой статуэтки танцующего Шивы — Natarâdscha, хранящейся в Мадраасском музее. Данный шедевр южноиндийской средневековой пластики требует при показе его неосведомленному читателю целого ряда объяснений, о чем акад. Косминский вовсе не заботится. Подпись «Танцующий Шива» ничего не разъясняет. Что за бог был этот Шива — упоминаемый бегло, без всякого определения,

в соседнем с иллюстрацией тексте VIII главы? Почему он танцует? Какой танец он исполняет? Почему своей левой ногой бог стоит на каком-то «ребенке» и что это за «ребенок»? Почему у Шивы четыре руки и что означает их позитурa? Какие предметы держит танцующий бог в верхних — правой и левой — руках? Что означает его головной убор? и т. д. Едва ли какой-либо преподаватель истории в современной советской школе — если исключить высоко квалифицированных специалистов, получивших должную подготовку также и по истории индийской культуры — ответит на эти элементарные по существу вопросы, не имея никакой помощи от автора учебника. Особо следует выделить ряд иллюстраций, воспроизводящих типы средневекового католического духовенства: почти все они являются карикатурами реформационной эпохи, принадлежащими кисти или перу протестантов, и не имеют объективного познавательного значения. В техническом отношении все иллюстрации в учебнике Косминского совершенно не удовлетворительны: поданные в серых, однообразных тонах, неотчетливо выступая на бумажном фоне, требуя слишком пристального рассмотрения, они в каждом случае производят тягостное впечатление.

Приложенные в виде особых вкладок к учебнику Косминского исторические карты средневековой Европы бедны указаниями и непривлекательны по их внешнему оформлению. Несравненно более ценными являются многочисленные исторические карты-схемы в тексте учебника. В редактировании их принимал, вероятно, участие и сам высококомпетентный автор. Большинство этих схем содержит в себе оригинальные разработки и способно принести преподавателям и учащимся значительную пользу; впрочем, внешность этих схематических карт также оставляет желать лучшего: некоторые из них, как «Нидерландская революция XVI в.» (стр. 231), едва поддаются рассмотрению.

Проблема учебника истории для советской средней школы далеко не решена; мало того, она должным образом и не поставлена. В погоне партийного руководства за наиболее острым политическим текстом и за тоталитаристическим истолкованием исторического процесса голоса методистов и русская учебная традиция не принимаются во внимание. В дореволюционной русской школе преподаватель средневековой истории располагал возможностью выбора между несколькими учебными пособиями: он мог избрать учебник Кареева, богатый фактами политической истории, или обратиться к учебнику Виноградова с его точными определениями и тщательной разработкой вопросов государственно-юридических отношений; он мог предпочесть полный учебник Виппера, представлявший собою не менее ценный шедевр русской методической мысли и посвященный, главным образом, социальной и культурной истории. И тем не менее большинство преподавателей истории предпочитало пользоваться учебным руководством не «профессорского» типа, а принадлежавшим перу и опыту

рядового педагога-историка К. А. Иванова⁸⁷⁾. В этом пособии, дополненном популярно-историческими трудами того же автора, компетентный преподаватель истории не нашел бы ни строгости метода, ни научной самостоятельности, но учащиеся получали в данном руководстве более доступное им изложение — главным образом политической истории —, ряд интересных характеристик исторических деятелей, неторопливое описание событий, краткий, по большей части, понятный анализ социальных отношений, разъяснение специальных терминов, занимательные иллюстрации. В современных нам условиях эта жажда понятного, интересного, простого в области истории значительно напряженнее, а роль учебника — ответственнее, так как теперь в средней школе, охватившей подлинными массами населения, учатся в подавляющем большинстве дети, не получающие — особенно в сельских местностях — никакой помощи в своем учении ни от родителей, ни от классных наставников, ни от несуществующих ныне репетиторов. Для советских школьников учебник акад. Косминского — единственный и общеобязательный — в особенности тяжел и малодоступен. Автор его никогда не был методистом: крупнейший из советских медиевистов, он никогда не имел действительного, творческого интереса к вопросам элементарного исторического образования и, конечно, не взялся бы за составление руководства для средней школы без официального поручения. Третье издание учебника стоило автору, несомненно, исключительно большого труда, но уже в год появления в печати этого издания книга была осуждена на новую радикальную переработку на основе директив Сталина, фактически осудивших целый ряд «установок» Косминского. Затем, через год, были обнародованы последние, предсмертные указания «корифея наук» в его «Экономических проблемах социализма в СССР». Новейшие требования правительства Маленкова, направленные отчасти против сталинской традиции, еще более усложняют ситуацию, сложившуюся ныне в области советской исторической науки и преподавания истории в советской школе. В этом можно было бы без труда убедиться, если бы мы от рассмотрения элементарного учебника Средневековой истории перешли к ознакомлению с состоянием преподавания данной дисциплины в высших учебных заведениях СССР и с последними специальными исследованиями советских ученых в области истории Средних веков. Новое положение, постепенно складывающееся в советской медиевистике, сделало уже в настоящее время третье издание учебника Косминского для средней школы устаревшим произведением «творческого марксизма», памятником уходящей в прошлое ждановской идеологической «эпохи». Но официально еще не высказаны полностью и по существу еще не созрели и новые тенденции,

87) Ср. М. Н. Коваленский. Анкета о преподавании истории в средней школе. «Вестник воспитания», 1913, апрель, 106-107: «Иванов решительно побил рекорд по всеобщей истории: его учебники стоят во главе всех ее отделов и древней, и средней, и новой истории»...

выступающие пока как ограничения или модификации ждановских установок. Борьба с «буржуазным объективизмом» и «беспочвенным космополитизмом» продолжает оставаться принципом советской исторической науки, как и учебной и вспомогательной литературы. Уже поэтому приведенные нами наблюдения в течение известного периода времени смогут сохранить некоторое значение. Учебник акад. Косминского, во всяком случае, навсегда останется памятником определенного момента в развитии советской учебной литературы и вместе с тем учебной практики в школах СССР— момента восстановления многих основ антиисторического направления времен Покровского и максимального, даже в те времена невиданного обострения псевдомарксистской политической воинственности и грубейшей эмоциональности в преподавании истории, построенном на эклектической и противоречивой, в теоретическом отношении, основе. Оно также останется свидетельством окончательного порабощения советских историков, величайшие и всемирно известные представители которых вынуждены составлять школьные учебники, имеющие по своему содержанию и духу слишком мало общего с высокими именами и действительными научными убеждениями их авторов.

Y. Valensky

ACADEMICIAN KOSMINSKY AND THE INTERPRETATION OF MEDIEVAL HISTORY IN THE SOVIET SCHOOL

S u m m a r y

The Soviet high school system is now devoting much attention to questions of the interpretation of the history of the Middle Ages. Feudalism, the basic feature of medieval society, is being studied especially intently, since Communism hopes to achieve world domination by first conquering the countries of the Near and Middle East, where feudal relationships or their survivals are still widespread. To fight against the "feudal lords," the Soviet people must have a knowledge of the historical origin and development of feudalism, that is, it must know something of the history of the Middle Ages.

Therefore, the Medieval History Departments of Soviet schools are headed by specialists in the subject. Academician Kosminsky, a professor at the Moscow University and Director of the Medieval History Section of the Academy of Sciences of the USSR, is the chief of Soviet medievalists. He controls the writings of Soviet medievalists from the standpoint of old Stalinism and passes on instructions based on the latest Party and government directives. Kosminsky is, moreover, the author of the official elementary textbook on the history of the Middle Ages. Published in a third edition in 1951, it is now used in all high schools. This is a polished edition conforming to the directive given by Zhdanov in his famous speech in 1947 on science and culture in the USSR. Zhdanov demanded that Soviet scholars, and historians in particular, free themselves of bourgeois objectivism and cosmopolitanism, in other words, that they break completely with the science of the free, democratic world and switch to intensive Communist tendentiousness in their research and teaching.

The presentation of medieval history in Kosminsky's text is filled with political tendentiousness. It exploits Leninist and Stalinist interpretation of history to the utmost and ends by making the historical theory of Soviet Communism incompatible with historical reality, the requirements of scientific logic and the morality of students using Kosminsky's book.

This applies particularly to his concept of the basic categories of medievalism. Kosminsky uses the conventional term "Middle Ages" to designate the unqualified supremacy of "feudal" relationships, which existed simultaneously in Europe and the East. Feudalism is interpreted

as the social system of serf relationships. This is a matter of confusion of terms and concepts of different origin and significance. The thesis of "a revolution of slaves and colonials and barbaric conquests" as the transition from Antiquity to the Middle Ages is historically false, internally contradictory and, from the political point of view, capable of leading to the most undesirable consequences for Soviet Communism. To begin Modern History with the English Revolution of the XVII century is essentially incorrect and inadmissible from the point of view of the periodization principle, since it divides the period of the XVI-XVIII centuries in two, although they are a single period in the social and historical sense.

Kosminsky describes the history of the "feudal socio-economic formation" as being based exclusively on class antagonism between the feudal lord and peasants. His textbook is therefore crammed with accounts of peasant uprisings and civil wars. He ignores the positive side of the medieval history of Europe and Asia, with its creative aspirations and achievements. This gives a false picture of the historical process. Kosminsky's textbook is a school of class hatred, addressed not so much to the reader's mind as to his instinct, frequently assuming an asocial and amoral character. The Catholic Church, which the author accuses of propagating and justifying feudalistic exploitation in Western Europe, is the main target of the attacks. "Feudal monarchy," the bourgeoisie of the high and of the late Middle Ages, and medieval culture are interpreted equally one-sidedly and unjustly.

At present in the Soviet schools, the amount of historical material introduced in courses on the history of the Middle Ages is sharply curtailed in favor of political conclusions and evaluations advantageous to Stalinist Communism. This makes it extremely hard for students to understand Kosminsky's book.

The history of the Soviet peoples, especially of the Russians, is portrayed in a different light than the Middle Ages in Western Europe and the East. Less is said of the class war aspect; the main themes are national unity, the patriotism of the population, high cultural development and national defense against external enemies. Such a dichotomy of evaluations accounts for many internal contradictions in the Soviet course of Medieval History.

Thus, Kosminsky's book is unworthy of its lofty academic title. It does not express the author's real views and introduces many falsehoods into the study of history. Moreover, certain tendencies in the work do not correspond to instructions given by Stalin in his writings of 1951—1952 and, what is worse, with the latest requirements of the Malenkov government. Therefore, a new edition of the textbook will soon be necessary, if it has not already been prepared. A reexamination of the teaching of Medieval History in Soviet schools, in the light of the present interests of the government of the USSR, is also necessary.

J. Valensky

**E. A. KOSMINSKY, MITGLIED DER AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
DER UdSSR, UND DAS INTERPRETATIONSPROBLEM DER GESCHICHTE
DES MITTELALTERS IN DER SOWJETSCHULE**

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den auf Massenbesuch eingestellten höheren Lehranstalten der Sowjetunion wird den Problemen des Aufbaus und der Interpretierung der mittelalterlichen Geschichte grösste Aufmerksamkeit zugewandt. Das Hauptmoment der Geschichte des Mittelalters — das Feudalsystem — wird sorgfältig studiert, denn der Kommunismus hofft auf dem Umwege seiner vorläufigen Siege über die Länder des Nahen und Fernen Ostens, in denen Verhältnisse oder Überreste feudalen Charakters eher zu finden sind, zur Weltherrschaft zu gelangen. Der Kampf gegen die „Feudalherren“ setzt die Kenntnis geschichtlicher Vorgänge, wie der Entstehung und Entwicklung der Feudalherrschaft, bei den Massen voraus. Das Studium der Geschichte des Mittelalters ist damit verbunden.

Aus diesem Grunde stehen an der Spitze der Organisationen zum Studium der Geschichte des Mittelalters Wissenschaftler, die Fachleute auf diesem Gebiete sind. Ihr Oberhaupt ist der Professor der Moskauer Universität E. A. Kosminsky, der die Abteilung für die Geschichte des Mittelalters der Akademie der Wissenschaften der UdSSR leitet. Er prüft die wissenschaftlichen Arbeiten der Fachleute im Geiste eines strengen Stalinismus und erteilt ihnen auf Grund neuester Verordnungen des Zentralkomitees der kommunistischen Partei seine Anweisungen. Überdies ist Akademieprofessor Kosminsky Verfasser des amtlichen, für sämtliche höhere Lehranstalten der Sowjetunion genehmigten Elementar-Lehrbuches für mittelalterliche Geschichte, das 1951 seine dritte Auflage erlebte. Diese Auflage ist auf Grund der Verordnung Shdanovs über Wissenschafts- und Kulturprobleme der UdSSR des Jahres 1947 überarbeitet worden. Shdanow verlangte von den Sowjet-Wissenschaftlern, insbesondere den Historikern, eine völlige Loslösung vom bürgerlichen Objektivismus und Kosmopolitentum, d. h. von der Wissenschaft der freien demokratischen Welt, und stärkste Betonung kommunistischer Tendenzen beim Unterricht in Sozialwissenschaften.

Das Schema mittelalterlicher Geschichte im Lehrbuch Kosminskys ist von politischen Tendenzen erfüllt, die Leninismus und Stalinismus bei der Geschichtsdarstellung auf die Spitze treiben und, schließlich, den Widerspruch der historischen Wahrheit, der wissenschaftlichen Logik und des moralischen Bewusstseins der Schüler, welche das Mittelalter aus dem Buche Kosminskys kennenlernen, herausfordern.

Dies bezieht sich in erster Linie auf die Deutung des Hauptmoments mittelalterlicher Geschichte. Kosminsky deutet den konventionellen terminus technicus „Mittelalter“ im Sinne einer unbedingten Vorherrschaft der gleichzeitig in Europa und im Osten zu beobachtenden lehnherrlichen Beziehungen, wobei der Feudalismus als ein System hörigenähnlicher Verhältnisse dargestellt wird. Es handelt sich hier um ein Durcheinander von technischen Ausdrücken und Begriffen unterschiedlichen Ursprungs und von verschiedener Bedeutung. Die These von den Sklaven- und Pächteraufständen und den Barbareneroberungen als eines Überganges von der Geschichte des Altertums zur mittelalterlichen stellt sich bei näherer Betrachtung als wissenschaftlich falsch, innerlich widerspruchsvoll und — weil für den Sowjetkommunismus selbst daraus unerwünschte Folgen entstehen könnten — als politisch verhängnisvoll heraus. Den Beginn neuzeitlicher Geschichte auf die englische Revolution des XVII Jahrhunderts zu verlegen, ist an sich unrichtig und aus dem Prinzip der Geschichteinteilung in Perioden heraus unzulässig, weil diese Darstellungsweise die im sozialhistorischen Sinne einheitliche Epoche — XVI—XVIII Jahrhundert — praktisch zerreißt.

Professor Kosminsky stellt sich die Geschichte „feudaler sozial-wirtschaftlicher Formation“ als ausschliesslich auf Klassengegensätzen zwischen „Lehnsherren“ und Bauern beruhend vor. Deswegen ist sein Lehrbuch an Beschreibungen von Bauernaufständen und Bürgerkriegen überreich. Das positive, konstruktive Moment der Geschichte des Mittelalters in Europa und Asien mit seinen schöpferischen Bestrebungen und seinen Erfolgen wird totgeschwiegen; damit wird die Vorstellung von diesem geschichtlichen Vorgang verfälscht.

Das Lehrbuch Kosminskys ist eine Schule des Klassenhasses: es wendet sich weniger an den Verstand des Lesers als an seinen Instinkt und trägt oft einen asozialen, amoralischen Charakter. Das Hauptangriffsziel ist die Katholische Kirche, die vom Verfasser der Unterstützung und Rechtfertigung des Feudalsystems und seiner Ausbeutungsmethoden angeklagt wird. Mit der gleichen Einseitigkeit und Ungerechtigkeit werden Feudalmonarchie und Bürgertum des Hohen und Späten Mittelalters, sowie die mittelalterliche Kultur behandelt.

In den Geschichtslehrgängen der Sowjetschulen ist gegenwärtig das Tatsachenmaterial zu Gunsten politischer Folgerungen und Bewertungen, die für den Stalin-Kommunismus vorteilhaft sind, stark gekürzt worden. Dies macht das Lehrbuch Professor Kosminskys für die Schüler schwer verständlich.

Die Geschichte der slavischen Völker und, besonders, die Geschichte

Russlands wird von Kosminsky in einem anderen Lichte dargestellt als das Mittelalter in Europa und im Osten. Die slavische, insbesondere, die russische Geschichte erscheint nicht etwa im Aspekt des Klassenkampfes, sondern der nationalen Einigkeit, des Patriotismus der Bevölkerung, hoher Kultur und einer ständigen Verteidigungsbereitschaft Eroberern gegenüber. Solch eine unterschiedliche Beurteilungs- und Bewertungsweise führt zu einer widerspruchsvollen Darstellung des Mittelalters in den Sowjetschulen.

Dies alles macht das Werk Kosminskys seines klangvollen Gelehrtennamens unwürdig: es entspricht nicht der wahren Auffassung des Verfassers und verführt zu falschen Werturteilen und Folgerungen. Dabei stimmen die Absichten Kosminskys nicht einmal mit den Anweisungen Stalins 1951—1952, noch weniger mit den neuesten Forderungen der Regierung Malenkow überein. Deswegen wird, — sofern es bisher noch nicht geschehen ist, — eine Neuauflage des Lehrbuches und eine Überprüfung der Unterrichtsmethoden mittelalterlicher Geschichte in Ubereinstimmung mit den gegenwärtigen Absichten der kommunistischen Sowjetregierung vonnöten sein.

Y. Valensky

**L'ACADEMICIEN E. A. KOSMINSKY ET L'INTERPRETATION DE
L'HISTOIRE DU MOYEN AGE DANS LES ECOLES SOVIETIQUES**

R e s u m é

On attache actuellement en URSS beaucoup d'attention aux questions de présentation et d'interprétation de l'histoire du Moyen Age dans les écoles secondaires soviétiques. La catégorie essentielle du Moyen Age, le féodalisme, est étudiée fort attentivement, étant donné que le communisme espère arriver à la domination mondiale grâce à une victoire préalable dans les pays du Proche et du Moyen Orient, où les rapports féodaux, ou bien les survivances de ces derniers, sont extrêmement fréquents. La lutte contre „les féodaux“ actuels, exige de la part des grandes masses de la population de l'URSS l'acquisition de connaissances historiques sur les origines et les particularités du féodalisme, autrement dit la connaissance de l'histoire du Moyen Age.

C'est pour cela que des spécialistes du Moyen Age ont été placés à la tête de l'organisation de l'enseignement de l'histoire médiévale dans les écoles soviétiques. Le chef des historiens médiévaux soviétiques est le professeur de l'Université de Moscou, l'académicien Kosminsky, qui dirige le secteur de l'histoire médiévale à l'Académie des Sciences de l'URSS. Le contrôle qu'il exerce sur les ouvrages des historiens soviétiques du Moyen Age est entièrement pénétré de l'esprit Stalinién et ses directives sont entièrement fondées sur les nouvelles indications du CC du PC de l'URSS et du gouvernement soviétique. De plus, l'académicien Kosminsky est l'auteur du manuel officiel d'Histoire du Moyen Age, édité en 1951 et adopté dans toutes les écoles secondaires de l'URSS, Ce manuel a été composé dans l'esprit des directives données par Jdanov dans sa fameuse intervention de 1947 au sujet de la science et de la culture en URSS. Jdanov avait exigé des savants soviétiques et des historiens en particulier, de rompre définitivement avec l'objectivité bourgeoise et le cosmopolitisme, c'est à dire avec la science du monde libre et démocratique en renforçant au possible l'esprit de tendance communiste dans les recherches et l'enseignement des sciences sociales.

Le schéma de l'histoire du Moyen Age dans le manuel de l'académicien Kosminsky est saturé de tendances politiques qui poussent à l'extrême

le léninisme et le stalinisme dans l'interprétation de l'histoire et qui, en fin de compte mettent en contradiction la théorie historique du communisme soviétique avec la réalité historique, avec les exigences de la logique scientifique et de la conscience morale des élèves qui étudient le Moyen Age d'après le manuel de l'académicien Kosminsky.

Ceci se rapporte avant tout à l'interprétation des principales catégories de l'histoire médiévale. L'académicien Kosminsky entend par le terme de Moyen Age le triomphe total des rapports "féodaux" aussi bien en Europe qu'en Orient. De plus le féodalisme est traité en système où régnaient des rapports sociaux regis par le servage. Nous assistons ainsi à une confusion de termes et de définitions différents. La théorie de "la révolution des esclaves et des colons et des invasions barbares" se révèle à l'examen, fautive du point de vue scientifique et contradictoire, et peut du point de vue politique conduire à des conséquences indésirables pour le communisme soviétique. Le fait de placer le début de l'Histoire Moderne à la révolution anglaise du XVII siècle est une inexactitude en soi et de plus, ce fait est inadmissible du point de vue du principe de la périodisation, étant donné que cela divise une époque socialement et historiquement liée, celle du XVI au XVIII siècle.

L'académicien Kosminsky se représente l'histoire "de la formation sociale et économique féodale" comme basée uniquement sur les rapports de classes entre féodaux et paysans. C'est pour cette raison que son manuel est rempli des descriptions de soulèvements paysans et de guerres civiles. L'aspect positif et constructif du Moyen Age en Europe et en Asie, ses tendances créatrices et ses succès sont passés sous silence, ce qui donne une représentation fautive du processus historique. Le manuel de Kosminsky est une école de haine de classes, il s'adresse moins à l'intelligence du lecteur qu'à son instinct, et revêt souvent un caractère antisocial et moral. Le principal objet des attaques est l'Eglise catholique, accusée par l'auteur d'avoir développé et soutenu le féodalisme et d'avoir justifié "la monarchie féodale", ainsi que la bourgeoisie et la culture des Haute et Tardive époques du Moyen Age.

La quantité de matériaux concrets du cours d'histoire du Moyen Age dans les écoles soviétiques a été considérablement réduite au profit d'appréciations et de déclarations politiques, favorables au communisme stalinien. Cela rend le manuel de l'académicien Kosminsky difficilement assimilable par les élèves.

L'histoire des peuples slaves et celle du peuple russe en particulier, est présentée d'une autre façon que l'histoire des autres peuples de l'Europe Occidentale et de l'Orient, non pas du point de vue de l'appréciation de la lutte de classes, mais dans les jugements portés sur l'unité nationale, le patriotisme de la population, le haut développement culturel et la résistance aux invasions étrangères. Cette différence dans les appréciations rend contradictoire le cours d'histoire du Moyen Age dans les écoles soviétiques.

En raison de tout cela le livre de Kosminsky est indigne du haut titre scientifique de son auteur, il n'exprime pas ses véritables opinions et comporte un trop grand nombre d'appréciations et de déductions fausses. De plus, certaines tendances de Kosminsky ne correspondent pas aux indications données par Staline avant sa mort dans ses ouvrages de 1951 et 1952 et encore moins aux nouvelles exigences du gouvernement Malenkov. Aussi sera-t-il nécessaire, à moins que cela n'ait déjà été fait, d'éditer un nouveau manuel et de réviser le système d'enseignement de l'histoire du Moyen Age, en accord avec les nécessités actuelles du gouvernement communiste de l'URSS.

Издания Института по Изучению Истории и Культуры СССР

Вестник Института: № 1-й за 1951 г.; №№ 2-й и 3-й за 1952 г.; №№ 4-й, 5-й, 6-й и 7-й за 1953 г.; № 1(8)-й за 1954 г.

**Материалы Конференции Научных Работников (эмигрантов),
состоявшейся в Мюнхене 11—14 января 1951 года:**

Выпуск I (Заседание первое): Доклад проф. А. П. Филипова «Свобода и творчество в области советской науки и философии», содоклад проф. Ф. А. Степуна «Кризис свободы на Западе» и прения.

Выпуск II (Заседание третье): Доклад проф. В. Лагодина «Советская система управления массами и ее психологические последствия.

Выпуск III (Заседание четвертое): Доклад А. Авторханова (Александра Уралова) «Положение исторической науки в СССР» и прения.

Выпуск V: Доклады Секции экономики.

Выпуск VI: Доклады Секции искусства и культуры.

Материалы Конференции Института по изучению истории и культуры СССР, состоявшейся в Нью-Йорке (США) 20—22 марта 1953 г.

«СССР сегодня и завтра» — Труды Конференции Института по изучению истории и культуры СССР, состоявшейся 15—17 августа 1953 г. в Мюнхене.

Исследования и Материалы

Серия 1-я (типогр. изд.).

Проф. д-р П. Л. Кованьковский, Финансы СССР во вторую мировую войну.
Б. Микорский, Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934—36 годах.

Д-р Григор Сааруни, Борьба Армянской Церкви против большевизма.

П. Галин, Как производились переписи населения в СССР.

Д-р Шульц, Санитарная и противоэпидемическая работа в СССР.

Л. Ржевский, Язык и тоталитаризм.

Ф. Легостаев, Спорт в СССР.

В. Гречко, Коммунистическое воспитание в СССР.

Н. Семенов, Советский суд и карательная политика.

Серия 2-я (ротаторн. изд.).

1. **В. Марченко,** Планирование научной работы в СССР.

2. **Н. Семенов,** Система советской юстиции.

3. **К. Крылов,** Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в Советском Союзе.

4. Проф. Зайцов, Динамика населения СССР на 1952 год.
 5. К. Крылов, Ход весенних работ в СССР в 1953 г.
 6. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919—1952 г.г.
 7. К современному состоянию сельского хозяйства СССР (сборник статей).
 8. Внутренняя и внешняя политика СССР (из материалов совещания в Институте).
 9. Инж. К. А. Крылов, Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году.
 10. М. Колосов, Коммунистическая партия и Советская армия.
 11. Бруно Туш, Преследование церкви в Польше.
-

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Ред. Коллегия оставляет за собою право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Ред. Коллегия

Исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	1 св.	1952	1951
29	13 сн.	до нелепости	до исключительности
29	4 сн.	дифференциацией	дифференциации
48	14 сн.	он	она
55	9 сн.	обращает на себя	обращает на себя внимание
72	18 сн.	парламентарской	парламентской
75	11 сн.	областей и районов	областями и районами
84	16 св.	1939-1949	1939-1946
96	20 сн.	картины	карты
99	9 св.	в современном виде	в современном нам виде